

Владимирский государственный университет

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ОТРАСЛЕВОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ**

**Сборник материалов всероссийских
научно-практических конференций**

**29 апреля, 06 мая 2026 г.
Владимир**

Владимир 2026

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТРАСЛЕВОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Сборник материалов всероссийских
научно-практических конференций

29 апреля, 06 мая 2026 г.
Владимир

Электронное издание

Владимир 2026

ISBN 978-5-9984-2132-7

© ВлГУ, 2026

УДК 347
ББК 67.404

Редакционная коллегия:

Кивленок Т. В., зав. кафедрой ГПП, канд. юрид. наук, доцент
(ответственный редактор)

Беляева К. А., доцент кафедры ГПП, канд. юрид. наук, доцент
(член редколлегии)

Крайнова Е. Р., доцент кафедры ГПП, канд. юрид. наук, доцент
(член редколлегии)

Юсипова И. В., доцент кафедры ГПП, канд. юрид. наук, доцент
(член редколлегии)

Зайчиков Я. В., старший преподаватель кафедры ГПП
(секретарь редколлегии)

Петрова Е. С., старший преподаватель кафедры ГПП
(член редколлегии)

Издается по решению редакционно-издательского совета ВлГУ

Актуальные проблемы отраслевой юридической науки [Электронный ресурс] : сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. 29 апр., 06 мая 2026 г., Владимир / Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2026. – 200 с. – ISBN 978-5-9984-2132-7. – Электрон. дан. (2,03 Мб). – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования: Intel от 1,3 ГГц ; Windows XP/7/8/10 ; Adobe Reader ; дисковод CD-ROM. – Загл. с титул. экрана.

В сборник включены избранные доклады участников III Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы частного права» и III Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы цивилистического процесса», проходивших 29 апреля и 6 мая 2026 г.

Материалы сборника представляют интерес для студентов, аспирантов и преподавателей вузов.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Баранова А. Д., Котова В. П. СРОКИ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ ПО СПОРАМ, СВЯЗАННЫМ С ОСПАРИВАНИЕМ ПРИВАТИЗАЦИОННЫХ СДЕЛОК: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	7
Гапонова Л. В., Огнева В. В. ПУБЛИЧНЫЙ СЕРВИТУТ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ БАЛАНСА ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ	12
Горбунова Д. А. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СДЕЛОК МЕЖДУ СУПРУГАМИ: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ СДЕЛКА ИЛИ СМЕШАННАЯ ПРАВОВАЯ КОНСТРУКЦИЯ	18
Гордеев И. Д., Куликова В. В. СЭМПЛИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ ПЕРЕРАБОТКИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ: КРИТЕРИИ ТВОРЧЕСТВА И ОХРАНОСПОСОБНОСТИ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ	24
Золина А. В. ВЗЫСКАНИЕ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ПО ДЕЛАМ О ДТП	29
Исаева А. Д., Косс А. Е. КРИТЕРИИ ТВОРЧЕСКОГО ВКЛАДА ЧЕЛОВЕКА КАК ОСНОВАНИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ АВТОРСТВА НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО И МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА, СОЗДАННЫЕ С ПОМОЩЬЮ СИСТЕМ ИИ	34
Клюева Е. А., Халямина М. А. ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	40
Крылов К. В., Стаханский А. М. ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ПРЕДДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОДХОДЫ И РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	45
Малышева Е. В., Казакова Е. И. СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	49

Пащикова Ю. С. ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ПРАВ СОБСТВЕННИКОВ ПРИ ИЗЪЯТИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД	54
Перевалов Е. С. ПРОБЛЕМЫ ИСЧИСЛЕНИЯ СРОКА ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ В ДЕПРИВАТИЗАЦИОННЫХ СПОРАХ	61
Рогожин К. А. ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО МЕДИЦИНСКИЕ УСЛУГИ, И ПРОБЛЕМА ИХ РЕГУЛИРОВАНИЯ	65
Савинова Л. В. К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА	70
Сергеева А. М. ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ НА ЦИФРОВЫХ ТОРГОВЫХ ПЛАТФОРМАХ КАК ФОРМА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ	76
Тишина Е. Н. ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ СПОРОВ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	81
Улискова А. И. ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ ОТ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ	87
Ухолова А. О. ВВЕДЕНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЯ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОТКАЗА В РЕГИСТРАЦИИ ТОВАРНОГО ЗНАКА	91
Филичкина В. А. ЭСТОППЕЛЬ НАЛОГОВОГО ОРГАНА ПРИ ИЗМЕНЕНИИ ПРАВОВОЙ ПОЗИЦИИ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ	95
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗЕМЕЛЬНОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА	
Антошин И. А., Николаев И. М. МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КИТАЯ В ОБЛАСТИ СОХРАНЕНИЯ БИОРАЗНООБРАЗИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	100

Герасимова Е. А., Горельченкова И. С. ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	105
Гордеев И. Д., Волкова А. И. ОБРАЩЕНИЕ С ОТХОДАМИ: ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ МУСОРНОЙ РЕФОРМЫ И ЕЁ ПЕРСПЕКТИВЫ	110
Жизнякова С. Д., Колосницына В. В. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОХОТЫ	115
Зацепина С. В., Каюшкина А. Д. ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВА ВОДОПРОВОДНОЙ ВОДЫ В МАЛЫХ ГОРОДАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ	120
Ищенко П. А., Сапожникова В. Н. ПРОБЛЕМЫ СВЕТОВОГО ЗАГРЯЗНЕНИЯ	125
Канищева О. Н. НЕОБХОДИМОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	129
Косс А. Е., Перевалов Е. С. ПРОБЛЕМА ГРИНВОШИНГА И ПУТИ ЕЁ РЕШЕНИЯ	134
Котова В. П. ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПА К ВОДНЫМ ОБЪЕКТАМ ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ	139
Куликова В. В. ПРАВОВЫЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ ПРИ ДОБЫЧЕ ПОДЗЕМНЫХ ВОД	143
Леонтьева А. Д. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ ПЕРЕХОДЕ РОССИИ К «ЗЕЛеноЙ» ЭКОНОМИКЕ	147
Морозов Д. М. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДЕГРАДАЦИЮ БЕСХОЗЯЙНЫХ ЗЕМЕЛЬ, ЗАРОСШИХ БОРЩЕВИКОМ, И ПРОБЛЕМЫ ИЗЪЯТИЯ ТАКИХ УЧАСТКОВ	151
Пузанов И. А., Стальмакова А. М. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОХРАНЫ ЖИВОТНЫХ В ЗООПАРКАХ И ЦИРКАХ: ПРОБЕЛЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	156
Рожкова Я. О., Спасова В. Е. ЗЕЛЕНАЯ РЕКЛАМА: КОГДА СЛОВА «ЭКО», «БИО», «ОРГАНИК» – ОБМАН?	160

Садовникова А. Ю. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО: ГЕНЕЗИС ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ	165
Седова Е. Д. НЕЗАКОННЫЙ ВЫЛОВ ВОДНЫХ БИОРЕСУРСОВ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	170

ИНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВА

Клюева Е. А., Халямина М. А. УСТАНОВЛЕНИЕ И ОСПАРИВАНИЕ ОТЦОВСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ ЛИЦ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ	175
Козлова А. О. МОЙ ОТВЕТЧИК – СПЛОШНАЯ ТРАТА МОЕГО ВРЕМЕНИ! ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В ПОЛУЧЕНИИ ВЫПЛАТЫ ЗА ПОТЕРЮ ФАКТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ	180
Романенко В. А., Техов Н. С. КОЛЛИЗИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИМЕНИМОГО ПРАВА И ЮРИСДИКЦИИ	185
Степанова В. А., Кудренко К. А. ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА, ОСЛОЖНЁННОГО ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ	190
Улискова А. И. ОСОБЕННОСТИ СТРАХОВАНИЯ МОРСКИХ ПЕРЕВОЗОК В УСЛОВИЯХ ОДНОСТОРОННИХ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР	195

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

УДК 347.1

СРОКИ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ ПО СПОРАМ, СВЯЗАННЫМ С ОСПАРИВАНИЕМ ПРИВАТИЗАЦИОННЫХ СДЕЛОК: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

STATUTE OF LIMITATIONS FOR DISPUTES RELATED TO THE CONTESTATION OF PRIVATIZATION TRANSACTIONS: EXPERIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS

Баранова Анастасия Дмитриевна

студентка, Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Котова Вера Павловна

студентка, Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

научный руководитель: Петрова Екатерина Сергеевна

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Baranova Anastasia Dmitrievna

Student, M.M. Speransky Law Institute, A.G. and N.G. Stoletov Vladimir State University

Kotova Vera Pavlovna

Student, M.M. Speransky Law Institute, A.G. and N.G. Stoletov Vladimir State University

scientific supervisor: Ekaterina Sergeevna Petrova

Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Process of the M.M. Speransky Law Institute of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov

Аннотация. В статье анализируются проблемы применения норм об исковой давности по спорам, связанным с оспариванием приватизационных сделок. Характеризуются особенности российского подхода к определению начала течения срока исковой давности по деприватизационным требованиям. Особое внимание уделяется законодательным инициативам, направленным на повышение правовой определенности и защиту добросовестных

приобретателей. В сравнительно-правовом аспекте исследуется опыт Республики Беларусь, в которой вопрос о сроках предъявления требований, связанных с приватизацией, получил нормативное разрешение ранее.

Ключевые слова: исковая давность; приватизация; деприватизационный иск; добросовестный приобретатель; гражданское законодательство.

Abstract. The article analyzes the problems of applying the rules on the limitation period for disputes related to the contestation of privatization transactions. It describes the specific features of the Russian approach to determining the beginning of the limitation period for deprivatization claims. Special attention is paid to legislative initiatives aimed at increasing legal certainty and protecting bona fide purchasers. The article also examines the experience of the Republic of Belarus, where the issue of the limitation period for claims related to privatization was resolved earlier.

Keywords: limitation period; privatization; deprivatization claim; bona fide purchaser; civil legislation.

В процессе перехода к рынку в 1990-е гг. в России основная роль отводилась приватизации. По ее результатам частный сектор должен был стать преобладающим сектором экономики. Несмотря на то, что с момента заключения первых приватизационных сделок прошло более 30 лет, в суды подаются иски о признании их недействительными. Основной проблемой в таких делах является выявление момента начала течения срока исковой давности, поскольку законодательство и правоприменительная практика определяют начало течения срока по-разному.

Требования изъятия приватизационного имущества можно разделить на 2 категории: деприватизационные иски, основанные на нарушении порядка приватизации, и антикоррупционные иски прокурора об обращении в доход государства имущества, приобретенного должностным лицом на недоказанные доходы. В правоприменительной практике долгое время отсутствовал единый подход к исчислению сроков давности по делам о приватизации. Закон связывает начало срока с днем, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком, а правоприменительная практика связывает начало истечения срока не с тем, когда были оформлены документы по сделке, а когда Генеральной прокуратуре стало известно о нарушении законодательства о приватизации¹. Статья 196 Гражданского кодекса РФ устанавливает общий срок исковой давности, который составляет 3 года, а также, что этот срок не может превышать десять лет со дня

¹Путин поручил рассмотреть вопрос о сроках давности при оспаривании приватизации // Ведомости. 2025. 15 янв. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/01/15/1086262-srokah-davnosti-pri-osparivanii-privatizatsii> (дата обращения: 10.03.2026)

нарушения права, для защиты которого этот срок установлен¹. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 31 октября 2024 г. № 49-П установил, что общие сроки исковой давности не применяются к антикоррупционным искам, но данный вывод не распространяется на иные требования прокуратуры об изъятии собственности в пользу государства и на иски, основанные на нарушении порядка приватизации². Таким образом, вопрос о применении исковой давности для обычных деприватизационных спорах остается не решенным. Горбунов Т. Д. и Шохова В. А. в своей статье «К вопросу о применении срока исковой давности к деприватизационным искам» приводят классификацию подходов российских судов к вопросу о применимости срока исковой давности к деприватизационным требованиям: 1) к деприватизационным искам не применяются сроки исковой давности, поскольку такие требования носят неимущественный характер; 2) к деприватизационным искам не применяется исковая давность, поскольку такие требования образуют собой негативный иск; 3) К деприватизационным искам применяются общие сроки исковой давности. Срок исковой давности необходимо считать с момента проведения государственным органом надзорных мероприятий, в ходе которых выяснилось, что государственное имущество выбыло из владения Российской Федерации незаконно; 4) срок исковой давности, который отсчитывается с момента передачи приватизированного имущества в частную собственность³. Это показывает, что единого подхода к срокам исковой давности по делам о незаконной приватизации нет. Суды либо не используют исковую давность, либо определяют момент начала этого срока по-разному.

В целях защиты права собственности добросовестных приобретателей имущества, а также устранения противоречий между действующим законодательством и правоприменительной практикой была внесена инициатива Минэкономразвития России по поручению президента РФ о необходимости внесения в законодательство изменений, предусматривающих установление сроков исковой давности и порядка их исчисления при оспаривании сделок о приватизации⁴. На заседании 23 марта Правительственная комиссия по законопроектной деятельности одобрила проект закона, а ранее, 27 февраля, его поддержал Совет при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства⁵. Предлагается ввести изменения в ст. 217 Гражданского кодекса РФ, согласно которым суд будет отказывать в удовлетворении требования об истребовании приватизационного имущества,

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая, глава 12, статья 196) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.03.2026)

² Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.03.2026)

³ Горбунов Т.Д., Шохова В.А. К вопросу о применении срока исковой давности к деприватизационным искам. Право и управление. № 12. 2024 С.235-237.

⁴ Кабмин одобрил проект закона о 10-летнем сроке давности по делам о приватизации. Интерфакс: официальный сайт. – 2026. – 23 марта. – URL: <https://www.interfax.ru/business/1079531> (дата обращения: 10.03.2026)

⁵ Совет по кодификации поддержал 10 лет исковой давности по спорам о приватизации. ТАСС: официальный сайт. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/26576833> (дата обращения: 10.03.2026)

если после выбытия имущества из владения истекло 10 лет со дня нарушения права. Новые правила будут применяться к требованиям, срок предъявления которых наступает после вступления закона в силу, или если судебные решения по ним еще не вынесены. В экспертном заключении Совет по кодификации выразил уверенность в необходимости и целесообразности такого решения, поскольку речь идет о гражданско-правовых отношениях. Данные отношения составляют предмет гражданского законодательства (абзац 1 пункта 1 статьи 2 ГК РФ), и, соответственно, к требованиям из таких отношений должна применяться исковая давность¹. Так можно сделать вывод о стремлении российского законодательства к обеспечению стабильности гражданского оборота и защиты добросовестных приобретателей.

Несколькими годами ранее Республика Беларусь переживала подобный опыт. 19 декабря 2018 года Постоянная комиссия Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь по экономике, бюджету и финансам рассмотрела и одобрила проект закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О приватизации государственного имущества и преобразовании государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества». В дальнейшем закон был принят Палатой представителей Национального собрания. В нем закреплялось, что иск об установлении факта ничтожности сделки по приватизации и о применении последствий ее недействительности может быть предъявлен в течение трех лет со дня ее совершения. Конституционный Суд Республики Беларусь в решении от 22 декабря 2018 г. № Р-1155/2018 подчеркнул, что введение трехлетнего пресекательного срока обусловлено государственной значимостью отношений приватизации, направлено на соблюдение баланса прав и законных интересов субъектов этих правоотношений и обеспечение прав собственности добросовестных приобретателей государственного имущества, соблюдающих условия приватизации². Установление такого объективного подхода к исчислению сроков давности по искам о приватизации способствует созданию правовой определенности и препятствует появлению расхождений и противоречий на практике.

Сравнительный анализ двух стран показал, что основной проблемой российского законодательства, является отсутствие единого подхода к исчислению сроков давности, что порождает правовую неопределенность. Позволяя оспаривать сделки, совершенные десятилетия назад, нарушаются права добросовестных приобретателей. Белорусский опыт показывает, что основным решением проблемы является объективный пресекательный срок, который исчисляется с момента совершения сделки. Поэтому предложение о

¹ Выездное заседание Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства в Великом Новгороде. URL: <https://privlaw.ru/events/zasedanie-soveta-pri-prezidente-rossiyskoy-federatsii-po-kodifikatsii-i-sovershenstvovaniyu-grazhdan-27-02-2026/>

² Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 22.12.2018 № Р-1155/2018 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О приватизации государственного имущества и преобразования государственных унитарных предприятий в открытое акционерное общества»» URL: <https://kc.gov.by/document-51693>

введении десятилетнего срока исковой давности является обоснованным и необходимым шагом для совершенствования законодательства, обеспечения стабильности гражданского оборота и защите права собственности.

Библиографический список

1. Горбунов Т.Д., Шохова В.А. К вопросу о применении срока исковой давности к деприватизационным искам. Право и управление. № 12. 2024 С.234-239.

УДК 347.2

**ПУБЛИЧНЫЙ СЕРВИТУТ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ
КВАЛИФИКАЦИИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ БАЛАНСА ЧАСТНЫХ
И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ**

**PUBLIC SERVITUDE: PROBLEMS OF LEGAL QUALIFICATION
AND ENSURING THE BALANCE OF PRIVATE AND PUBLIC INTERESTS**

Гапонова Любовь Валентиновна

студент Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Огнева Варвара Викторовна

студент Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

научный руководитель: Петрова Екатерина Сергеевна

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Garponova Lyubov Valentinovna

Student of the Law Institute named after M.M. Speransky of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs

Ogneva Varvara Viktorovna

Student of the Law Institute named after M.M. Speransky of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs

scientific supervisor: Ekaterina Sergeevna Petrova

Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Process of the M.M. Speransky Law Institute of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov

Аннотация. В статье рассмотрены доктринальные подходы к правовой квалификации публичного сервитута и проблемы обеспечения баланса интересов правообладателей земельных участков и лиц, в интересах которых он устанавливается. Анализируется соотношение вещно-правовой и публично-правовой концепций. Обосновывается тезис о пограничной природе публичного сервитута и необходимости усиления гарантий соразмерности вмешательства в право собственности.

Ключевые слова: публичный сервитут; ограничение права собственности; ограниченное вещное право; баланс интересов; соразмерность вмешательства.

Abstract. The article examines the doctrinal approaches to the legal qualification of public easements and the problems of ensuring a balance between the interests of landowners and the interests of the persons for whose benefit the easement is established. The article analyzes the relationship between the property-law and public-law concepts and substantiates the thesis about the borderline nature of public easements and the need to strengthen the guarantees of proportionate interference in property rights.

Keywords: public servitude; restriction of property rights; limited proprietary right; balance of interests; proportionality of interference.

Институт публичного сервитута, закреплённый в статье 23 и главе V.7 Земельного кодекса Российской Федерации¹, остаётся одним из дискуссионных в российской цивилистике и земельном праве. После введения Федеральным законом от 3 августа 2018 г. № 341-ФЗ² развернутой регламентации публичного сервитута существенно расширилась сфера его практического применения, прежде всего в отношении линейных объектов. Вместе с тем это не устранило теоретической неопределенности относительно правовой природы данного института.

В современной доктрине сложились по меньшей мере две конкурирующие позиции относительно сущности публичного сервитута. Согласно первой из них, публичный сервитут представляет собой самостоятельное ограниченное вещное право. Как обоснованно указывает Е.Е. Леканова, «наличие в структуре субъективного права хотя бы одного из таких правомочий, как владение, пользование или распоряжение, служит главным отличительным признаком вещных прав от иных смежных конструкций; публичный сервитут в своей структуре содержит правомочие пользования»³. В рамках такого подхода акцент делается на сходстве публичного сервитута с классическим сервитутом как правом ограниченного пользования чужой вещью.

Согласно второй позиции, публичный сервитут не является самостоятельным субъективным правом, а представляет собой административно-правовое ограничение права собственности. П.П. Ланг отмечает, что публичный сервитут «вводится ex lege или на основании закона императивным актом публичной власти в интересах неопределённого круга лиц... и представляет собой законодательно установленные внешние пределы

¹ Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 10.03.2026)

² Федеральный закон от 03.08.2018 № 341-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части упрощения размещения линейных объектов» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 10.03.2026)

³ Леканова Е.Е. К вопросу об отнесении публичного сервитута к вещным правам // Власть Закона. 2025. № 3. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 10.03.2026)

реализации правомочий собственника»¹. Именно публично-правовой способ установления - решение уполномоченного органа без согласия собственника - сближает публичный сервитут не с классическим сервитутом, а с иными публичными ограничениями: градостроительным зонированием, режимами охранных и санитарно-защитных зон.

Представляется, что наиболее убедительной третья, синтетическая позиция, согласно которой публичный сервитут обладает двойственной, пограничной природой. С одной стороны, его основанием выступает властный акт; с другой - содержательно он сохраняет ключевой признак классического сервитута: предоставление позитивного права пользования чужим имуществом. Как справедливо указывает П.П. Ланг, «публичный сервитут всегда подразумевает активное, постоянное или периодическое, легализованное «вторжение» определённых субъектов или неопределённой публики на территорию земельного участка»². Вместе с тем действующее законодательство специально подчеркивает самостоятельность данного института: пункт 3 статьи 23 ЗК РФ прямо исключает применение к отношениям, связанным с установлением, осуществлением и прекращением публичного сервитута, положений ГК РФ о сервитуте. Это означает, что публичный сервитут не может быть полностью отождествлен ни с классическим вещным правом, ни с обычным публичным ограничением права собственности.

Именно пограничная природа публичного сервитута объясняет специфику способов судебной защиты: спор о самом установлении сервитута разрешается в порядке административного судопроизводства, тогда как споры об устранении препятствий в его осуществлении - в порядке гражданского (арбитражного) судопроизводства³.

Функциональное назначение публичного сервитута состоит в обеспечении более мягкой альтернативы изъятию земельного участка для государственных и муниципальных нужд. Именно эта его роль объясняет увеличение практического значения института: при необходимости размещения линейных объектов, проведения инженерных изысканий, обеспечения доступа к коммунальной инфраструктуре, полное изъятие участка зачастую несоразмерно публичной цели, тогда как точечное обременение позволяет достичь того же результата с меньшими издержками для частного лица. В то же время, как обоснованно замечает М.М. Фадеев, отличительной особенностью публичного сервитута является возможность его установления «независимо от категории земель и вида разрешённого использования», что создаёт риск «обхода» элементов правового режима земельного участка⁴.

¹ Ланг П.П. Публичный сервитут в системе ограничений права собственности: цивилистическая природа, системные связи и коллизии // Государственная власть и местное самоуправление. 2026. № 3. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 10.03.2026)

² Там же.

³ См., напр.: Решение Куйбышевского районного суда г. Санкт-Петербурга от 4 сентября 2017 г. по делу № 2А-106/2017 [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UkIfBLoVs5R/> (дата обращения: 20.04.2026).

⁴ Фадеев М.М. Публичный сервитут как основание использования земельных участков, занятых линейными объектами // Правовые вопросы недвижимости. 2024. № 3. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 10.03.2026)

Особого внимания заслуживает ситуация с линейными объектами. По справедливому замечанию Е.А. Суханова, воспроизведённому В.А. Мартовской, при прокладке через земельный участок линейного объекта собственник может остаться «с «голым правом» (*nudum ius*), поскольку проложенный через земельный участок линейный объект практически лишает землю экономической ценности, а во многих случаях и физически препятствует её обычному использованию»¹. В этой связи ключевым становится не столько формальный вопрос о квалификации публичного сервитута, сколько содержательный вопрос об обеспеченности процедурных и имущественных гарантий правообладателя.

Первая группа гарантий - процедурные. Действующая редакция статьи 39.42 Земельного кодекса Российской Федерации предусматривает уведомление правообладателей о планируемом установлении сервитута путём публикации сообщения на официальном сайте уполномоченного органа, а адресное уведомление направляется уже после принятия соответствующего решения. Как обоснованно указывает В.А. Мартовская, «правовой статус собственника земельного участка, обременяемого публичным сервитутом, нельзя назвать равным правовому статусу лица, в интересах которого устанавливается публичный сервитут, поскольку в тексте соглашения подлежат отражению утверждённые административным решением срок публичного сервитута, сведения о границах сервитута, размере платы за сервитут согласно отчёту об оценке»². Присоединяясь к позиции автора, полагаем необходимым закрепить на уровне закона обязанность уполномоченного органа запрашивать у правообладателей мотивированные предложения и возражения ещё на этапе рассмотрения ходатайства - в частности, о наименее обременительном местоположении объекта и о наличии зон с особыми условиями использования территории.

Вторая группа гарантий - имущественные. Пункт 7 статьи 23 Земельного кодекса Российской Федерации и соответствующие положения главы V.7 закрепляют право собственника на соразмерную плату и возмещение убытков. Как отмечает П.П. Ланг, данная гарантия «выполняет ключевую компенсаторно-восстановительную функцию... экономическое бремя обременения не должно ложиться исключительно на отдельного собственника, а должно быть справедливо распределено»³. Между тем сложившаяся правоприменительная практика свидетельствует о том, что механизм определения убытков нередко становится предметом длительных споров: размер платы, рассчитанный на основании отчёта об оценке, не всегда отражает реальную упущенную выгоду, особенно в случаях, когда земельный участок обладает высоким коммерческим потенциалом.

Третья группа гарантий связана с риском злоупотреблений при длительном или повторяющемся обременении. Статьёй 39.45 Земельного

¹ Цит. по: Мартовская В.А. Обеспечение защиты интересов правообладателей земельных участков при установлении публичного сервитута в отношении линейных объектов // *Власть Закона*. 2025. № 1. С. 342.

² Мартовская В.А. Указ. соч. С. 345.

³ Ланг П.П. Указ. соч.

кодекса Российской Федерации предусмотрена возможность установления публичного сервитута на срок до 49 лет с правом обладателя обратиться за установлением нового сервитута по истечении указанного срока, причём количество таких обращений законом не ограничено. Как обоснованно отмечает В.А. Кокурин, «если имеет место ситуация, когда публичный сервитут для отдельных целей может быть установлен на продолжительный срок с возможностью его пролонгации, то частные интересы, касающиеся использования земельного участка, существенным образом ограничиваются»¹. Представляется, что при длительном обременении правообладателю должны быть предоставлены дополнительные гарантии - повышенный размер платы и её ежегодная индексация, что позволит предотвратить использование института в целях скрытого умаления права собственности.

Центральным критерием допустимости публичного сервитута, объединяющим все указанные гарантии, выступает конституционный принцип соразмерности (пропорциональности) вмешательства в право собственности, закреплённый в статье 35 Конституции Российской Федерации² и неоднократно раскрытый в практике Конституционного Суда Российской Федерации. Публичный сервитут должен отвечать требованиям необходимости, допустимости и наименьшей обременительности для собственника. Нарушение указанных требований означает, что вместо правомерного ограничения права собственности возникает его неконституционное умаление, которое не может быть оправдано ссылкой на публичный интерес.

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, публичный сервитут представляет собой сложный пограничный институт, в котором публично-правовой способ установления сочетается с предоставлением позитивного права пользования чужой вещью. Попытки свести его исключительно к ограниченному вещному праву или к публичному ограничению права собственности не отражают сущности данной конструкции. Во-вторых, с учётом гибридной природы института центральным критерием его оценки должен выступать не формальный вопрос отраслевой принадлежности, а содержательный критерий - баланс частных, публичных и частно-публичных интересов, обеспечиваемый через принцип соразмерности вмешательства. В-третьих, действующее правовое регулирование публичного сервитута нуждается в совершенствовании в части уведомления правообладателей до принятия решения об установлении сервитута, детализации механизма возмещения убытков и закрепления дополнительных гарантий при длительном или повторяющемся обременении. Только при этих условиях публичный сервитут сможет выполнять свою социально-экономическую функцию средства достижения баланса интересов, а не инструмента одностороннего публично-властного принуждения.

¹ Кокурин В.А. Проблема обеспечения баланса частных и публичных интересов при определении срока публичного сервитута // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 4. С. 73.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм. от 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.04.2026).

Библиографический список

1. Кокурин В.А. Проблема обеспечения баланса частных и публичных интересов при определении срока публичного сервитута // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 4. С. 71–76.

2. Ланг П.П. Публичный сервитут в системе ограничений права собственности: цивилистическая природа, системные связи и коллизии // Государственная власть и местное самоуправление. 2026. № 3.

3. Леканова Е.Е. К вопросу об отнесении публичного сервитута к вещным правам // Власть Закона. 2025. № 3. С. 308 - 320.

4. Мартовская В.А. Обеспечение защиты интересов правообладателей земельных участков при установлении публичного сервитута в отношении линейных объектов // Власть Закона. 2025. № 1. С. 339–350.

5. Фадеев М.М. Публичный сервитут как основание использования земельных участков, занятых линейными объектами // Правовые вопросы недвижимости. 2024. № 3. С. 12 - 14.

УДК 347.9

**ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СДЕЛОК МЕЖДУ СУПРУГАМИ:
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ СДЕЛКА ИЛИ СМЕШАННАЯ
ПРАВОВАЯ КОНСТРУКЦИЯ**

**THE LEGAL NATURE OF TRANSACTIONS BETWEEN SPOUSES:
A CIVIL LAW TRANSACTION OR A MIXED LEGAL STRUCTURE**

Горбунова Дарья Александровна

магистрант Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

научный руководитель: Беляева Кристина Александровна

доцент кафедры гражданского права и процесса, кандидат юридических наук Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Gorbunova Darya Alexandrovna

master's student at the Law Institute. MM. Speransky Vladimir State University named after. A.G. and N.G. Stoletovs

scientific supervisor: Belyaeva Kristina Alexandrovna

associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Candidate of Legal Sciences at Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolay Grigorievich Stoletovs

Аннотация: Исследование посвящено правовой природе сделок между супругами: в ситуации взаимодействия норм гражданского и семейного права анализируется соотношение данных норм; рассматриваются спорные вопросы квалификации сделок; доказывается смешанный характер правовой конструкции сделок между супругами.

Ключевые слова: сделки; супруги; имущественные отношения; дееспособность; совместная собственность.

Abstract. The study is devoted to the legal nature of transactions between spouses: in a situation of interaction between the norms of civil and family law, the correlation of these norms is analyzed; controversial issues of the qualification of transactions are considered; the mixed nature of the legal structure of transactions between spouses is proved.

Keywords: transactions; spouses; property relations; legal capacity; joint ownership.

Правовой статус сделок между супругами в отечественной цивилистике и семейном праве представлен комплексом, обусловленным двойственным правовым положением супругов; двойственность — наличие статуса субъектов гражданского права, обладающих полной правосубъектностью, и вступление в имущественные отношения на общих основаниях; сопоставление данного статуса с участием в особой семейно-правовой сфере, основанной на браке, отличающейся особым субъектным составом, личной доверительной природой отношений и выраженными публично-правовыми элементами; следствие — затруднения при соотношении гражданско-правовых конструкций с нормами семейного права.

Отсутствие единого нормативного определения понятия «сделка между супругами» в российском законодательстве порождает теоретические и практические затруднения: регулирование имущественных отношений супругов в Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ)¹ предусматривает применение норм гражданского законодательства к семейным отношениям в субсидиарном порядке при условии отсутствия противоречия с сущностью семейных отношений; следствие – неопределенность границ применения гражданско-правовых институтов в семейно-правовой сфере.

В судебной практике и правовой доктрине сохраняется методологическая неопределенность в квалификации сделок между супругами: выделяются три основные позиции; первая позиция классифицирует сделки между супругами как разновидность гражданско-правовых сделок, обосновывая применение общих норм гражданского законодательства²; вторая позиция выделяет сделки в самостоятельную правовую категорию, характеризующую специфическими признаками, препятствующими отождествлению с классическими гражданско-правовыми сделками³; третья позиция определяет смешанную правовую природу сделок между супругами, выявляя в них сочетание элементов гражданского и семейного права⁴; следствием становится затруднение квалификации сделок в правоприменительной практике.

Сделки между супругами можно классифицировать по различным основаниям. Например, в зависимости от времени их заключения, сделки могут быть совершены в период брака или после его расторжения. Кроме того, сделки могут подразделяться по их содержанию, например, на сделки, связанные с разделом имущества, передачей имущества в дар, установлением алиментных

¹ Семейный кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ : принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1, ст. 16.

² Маковский А. Л. О концепции первой части Гражданского кодекса // Вестник ВАС РФ. 1995. № 4. С. 56; Егоров А.В. Совместная собственность супругов: на перепутье // Гражданское право социального государства: сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930–2020). М., 2020. С. 232.

³ Нечаева А. М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт, 2007. С. 122.

⁴ Яковлев В. Ф. Россия: экономика, гражданское право (вопросы теории и практики); Акад. соц. наук. Фонд содействия развитию соц. и полит. наук. М., 2000. С. 78.

обязательств и другие. Такая классификация помогает лучше понять правовую природу и особенности сделок, заключаемых между супругами¹.

Концепция смешанной правовой природы сделок между супругами представляет собой научно обоснованную модель правовой конструкции: в ней реализуется интеграция элементов гражданского и семейного права, обеспечивающая учет брачно-семейной специфики при применении гражданско-правовых институтов; это обеспечивает адекватность правоприменительной квалификации отдельных соглашений между супругами.

Смешанная правовая природа сделок между супругами формируется сочетанием формально-юридических и семейно-правовых компонентов: формально-юридический компонент – обращение к общегражданской конструкции сделки; установление надлежащего субъектного состава; совпадение воли и волеизъявления; соблюдение предписанной формы; направленность на достижение правомерного правового результата. В связи с этим осуществляется применение гражданско-правовой регламентации: общие положения о сделках; нормы об условиях действительности; правила о последствиях недействительности; правила толкования договоров.

Содержательный компонент сделок между супругами определяется специальными нормами семейного права: адаптация общегражданских конструкций к семейной специфике; установление особых требований к содержанию сделок; ограничение принципа свободы договора в интересах охраны семьи и каждого супруга; определение специальных оснований недействительности; установление особого порядка изменения и расторжения договоров между супругами.

Также необходимо отметить, что сделки между супругами содержат и публично-правовой элемент, который выражается в осуществлении государственными органами контроля за совершением соответствующих сделок; условие – предусмотренная действующим законодательством обязательная нотариальная форма брачного договора и соглашения о разделе имущества; механизм функционирования включает поэтапные операции: проверка законности сделки; фиксирование воли сторон и подтверждение добровольности; защита интересов слабой стороны и прав третьих лиц; следствие – государственный контроль охватывает правовой статус и условия совершения сделок, в отличие от обычных гражданско-правовых договоров; последние, как правило, совершаются без участия государственных органов.

Сделки между супругами представляют собой смешанную правовую конструкцию, т.к. гражданско-правовая форма сопряжена с семейно-правовым содержанием и с публично-правовым элементом, что обусловлено сосуществованием разнородных правовых компонентов в одной сделке. Гражданско-правовая форма задает юридическую структуру сделки, семейно-правовое содержание определяет материальные правила семейных отношений,

¹ Топольницкая Т. Г. Сделки между супругами в семейном праве // Юридическое обозрение: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей III Международной научно-практической конференции. Пенза, 2025. С. 41.

публично-правовой элемент обеспечивает государственный контроль и охрану интересов третьих лиц. Конкретное проявление смешанной природы обнаруживается в регулировании нотариальной формы, порядке доказывания и применении специальных мер государственного надзора.

Договоры купли-продажи, дарения, займа, аренды, поручения и аналогичные сделки, совершаемые между супругами, подвергаются правовому регулированию общего гражданского законодательства при отсутствии специальной семейно-правовой нормы; правоприменение осуществляется посредством норм обязательственного и вещного права, правил о недействительности сделок и института представительства; семейное состояние сторон оказывает влияние на правовой режим сделок в аспектах распоряжения общим имуществом и ответственности по обязательствам.

Межотраслевой характер сделок между супругами обуславливает наличие проблем при определении применимого права в спорах. При анализе действительности сделок, установлении последствий нарушения и толковании условий используются нормы гражданского и семейного права, что затрудняет их последовательное применение и формулирование критериев. Такая неоднозначность обуславливает колебания в квалификации правовых последствий отдельных сделок.

Правовая неопределенность проявляется в делах о признании брачного договора недействительным: практика применения норм о недействительности включает два блока оснований – специальные семейно-правовые основания, закрепленные в ст.44 СК РФ; общегражданские основания, установленные в §2 главы 9 Гражданского кодекса Российской Федерации¹; при сочетании указанных норм отсутствует четкое соотношение оснований и порядок их последовательного применения, что, в свою очередь, неоднородность правоприменительной практики по делам о недействительности брачных договоров.

Последствия нарушения требования нотариального удостоверения соглашения о разделе имущества супругов образуют отдельную проблему: п.3 ст.163 ГК РФ предусматривает ничтожность сделки при несоблюдении нотариальной формы. Судебная практика содержит случаи признания юридической силы соглашений о разделе имущества без нотариального удостоверения на основании фактического исполнения сторонами. Механизм фактического исполнения применяется судами для защиты добросовестной стороны; последствия правоприменения выражаются в расхождении между буквальным предписанием п.3 ст.163 ГК РФ и выводами судов при рассмотрении споров о разделе имущества.

Соотношение брачного договора и соглашения о разделе имущества обуславливает практические сложности. Различие между институтами основано на том, что регулирование имущественных отношений супругов осуществляется брачным договором, устанавливающим имущественный режим на будущее;

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая : [федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ : принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

соглашение о разделе имущества направлено на прекращение общей совместной собственности по конкретным объектам. Разграничение договоров обуславливает применение норм, соответствующих предмету сделки.

Теоретические и практические проблемы смешанной правовой природы сделок между супругами фиксируют потребность совершенствования правового регулирования в указанной сфере.

Во-первых, считаем необходимым закрепление в законодательстве следующего понятия сделок между супругами и определение их места в системе юридических фактов семейного права: сделка между супругами - волевое и правомерное действие лиц, состоящих в зарегистрированном браке, целью которого является установление, изменение или прекращение взаимных имущественных или личных неимущественных прав и обязанностей.

Закрепление четкой терминологии и ясных критериев квалификации таких сделок при введении соответствующих норм в законодательство: механизм – определение границ применения норм ГК РФ и СК РФ; установление порядка приоритета и субсидиарности правовых норм; конкретизация критериев отнесения сделок к семейному институту; результат – обеспечение однозначности применения норм и сокращение числа судебных споров о квалификации таких сделок.

Требуется уточнение соотношения оснований недействительности сделок между супругами в гражданском и семейном законодательстве: при выявлении коллизий нормативного регулирования предлагается установление приоритета применения специальных семейно-правовых оснований и субсидиарного характера применения общегражданских оснований в части, не противоречащей сущности семейных отношений.

Расширение перечня сделок между супругами, подлежащих нотариальному удостоверению, обусловлено возмездным характером сделки и предметом в виде недвижимого имущества либо иного имущества с превышением установленного законом порога стоимости: предложение законодательного установления нотариального удостоверения, введения процедуры проверки правоустанавливающих документов и документальной фиксации согласия; следствием выступают документальное подтверждение согласия и проверка прав в момент нотариального удостоверения.

Принятие Пленумом Верховного Суда Российской Федерации специального постановления считаем целесообразным для обеспечения единообразия судебной практики по делам о сделках между супругами. Такое постановление, сформулировав методические указания по унификации критериев оценки недействительности и признания сделок, установив порядок взаимодействия судов и нотариатов, восполнило бы пробелы в правовом регулировании данного института

Подводя итог, отметим, что сделки между супругами образуют особую правовую конструкцию смешанной природы, которая обусловлена специфическим субъектным составом – наличием брачных отношений между участниками. Модификация общегражданских институтов обеспечивается

семейно-правовым регулированием: разграничением имущественных режимов; введением ограничений дееспособности и прав распоряжения; включением элементов публично-правового контроля, что вызывает учет семейно-правовых аспектов при правовой квалификации таких сделок.

Библиографический список

1. Егоров А. В. Совместная собственность супругов: на перепутье / А. В. Егоров // Гражданское право социального государства: сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930–2020) / Отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. – М., 2020. – С. 232-294.

2. Маковский А. Л. О концепции первой части Гражданского кодекса / А. Л. Маковский // Вестник ВАС РФ. – 1995. – №4. – С. 56-58.

3. Нечаева А. М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики / А.М. Нечаева. – М.: Юрайт, 2007. – 422 с.

4. Топольницкая Т. Г. Сделки между супругами в семейном праве / Т. Г. Топольницкая // Юридическое обозрение: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей III Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 апреля 2025 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. – С. 41-46.

5. Яковлев В. Ф. Россия: экономика, гражданское право (вопросы теории и практики) / В. Ф. Яковлев; Акад. соц. наук. Фонд содействия развитию соц. и полит. наук. – М., 2000. – 221 с.

УДК 347.785

**СЭМПЛИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ ПЕРЕРАБОТКИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ:
КРИТЕРИИ ТВОРЧЕСТВА И ОХРАНОСПОСОБНОСТИ В СУДЕБНОЙ
ПРАКТИКЕ**

**SAMPLING AS A METHOD OF WORKS PROCESSING: CREATIVITY
AND PROTECTION CRITERIA IN JUDICIAL PRACTICE**

Гордеев Иван Денисович

студент Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Куликова Василиса Валерьевна

студент Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

научный руководитель: Петрова Екатерина Сергеевна

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Gordeev Ivan Denisovich

Student of the Law Institute named after M.M. Speransky of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs

Kulikova Vasilisa Valeryevna

Student of the Law Institute named after M.M. Speransky of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs

scientific supervisor: Ekaterina Sergeevna Petrova

Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Process of the M.M. Speransky Law Institute of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov

Аннотация. В статье исследуются правовые аспекты музыкального сэмплирования как формы переработки оригинальных произведений. На основе анализа положений ГК РФ и постановлений Пленума Верховного Суда РФ обосновывается вывод о необходимости получения согласия правообладателя при использовании любых узнаваемых фрагментов, независимо от степени их творческой переработки. Результаты судебной практики демонстрируют, что несоблюдение указанного требования влечёт квалификацию производного произведения как плагиата с применением мер гражданско-правовой ответственности.

Ключевые слова: сэмпл; сэмплирование; переработка; гражданское право.

Abstract. The article explores the legal aspects of musical sampling as a form of processing original works. Based on an analysis of the provisions of the Civil Code of the Russian Federation and the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, the author concludes that it is necessary to obtain the copyright holder's consent when using any recognizable fragments, regardless of the degree of their creative processing. The results of judicial practice demonstrate that failure to comply with this requirement leads to the classification of the derivative work as plagiarism, which is subject to civil liability measures.

Keywords: sample; sampling; processing; civil law.

Сэмплирование (от англ. digital sampling) - это процесс создания музыкальных композиций, при котором используются оцифрованные звуковые фрагменты, заимствованные из различных источников, включая другие музыкальные произведения или концертные записи музыкантов. Такие фрагменты, называемые семплами, могут представлять собой как отдельные инструментальные партии, так и целые музыкальные отрывки. В процессе сэмплирования исходные фрагменты часто подвергаются значительным изменениям - например, может меняться тональность, ритм или структура, что приводит к созданию нового, самостоятельного произведения.

Сэмплирование может показаться схожим с плагиатом, однако между этими понятиями существует принципиальное различие. Если плагиат предполагает полное отсутствие творческой переработки и оригинального осмысления исходного материала, то использование сэмпла в свою очередь отличается наличием творческой переработки и предполагает интеграцию заимствованных элементов в новый контекст, что не нарушает авторских или смежных прав, а служит основой для оригинального творчества.

Исходя из положений российского гражданского законодательства, сэмпл является частью уже существующего произведения, которую можно использовать самостоятельно с разрешения правообладателя, о чем говорит п.7 ст.1259 ГК РФ¹. Отсюда следует, что музыкальную композицию, для создания которой сэмпл был использован, следует признавать производным произведением.

Также, согласно правовым разъяснениям, содержащимся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10², сэмплирование музыкальных произведений регулируется нормами об исключительном праве на использование результатов интеллектуальной деятельности. Системное

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 01.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2006. N 52. ч. 1. Ст. 5496.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 15.03.2026)

толкование пунктов 80–82 Постановления указывает на то, что любая переработка произведения требует предварительного согласия правообладателя, при этом открытый перечень способов использования позволяет классифицировать сэмплирование как одну из форм такого заимствования. В соответствии с пунктами 81 и 84, правовая охрана предоставляется не только объекту в целом, но и его фрагментам, обладающим признаками творческого характера, что обязывает суды при разрешении споров оценивать оригинальность и узнаваемость конкретных заимствованных элементов. Одновременно с этим положения пунктов 98–99 жестко ограничивают пределы свободного использования произведений, устанавливая критерии целесообразности и оправданности объема заимствования, а также запрет на ущемление законных интересов правообладателя и препятствование нормальной эксплуатации оригинального труда.

В доктрине существует позиция¹, что сам по себе акт переработки является творческим актом, а не способом использования. Право на переработку возникает только при условии, что такая переработка является творческой и создает новый охраняемый результат, а не просто копирует чужую работу. Простое механическое копирование без изменения тембра, ритма, контекста или смысла не порождает нового объекта права.

К сэмплированию не могут применяться нормы о свободном цитировании чужого произведения, так как музыкальные композиции, созданные с использованием семплов, как правило, предназначены для коммерческого использования².

Хотя права на использование семплов можно получить разными способами, наиболее распространёнными остаются выкуп прав и получение лицензий как на само использование, так и на переработку произведений. В этой сфере также действует универсальный принцип автономии сторон, характерный для договорных отношений, что важно учитывать при оформлении и толковании лицензионных и иных соглашений о приобретении прав на музыкальные произведения.

Существует обширная практика правовых конфликтов, вызванных несоблюдением музыкантами установленных процедур лицензирования. Резонансным примером является прецедент³ с участием Ричарда Эшкрофта, фронтмена британской рок-группы The Verve. В композиции «Bitter Sweet Symphony» (1997 г.) была использована оркестровая аранжировка фрагмента сингла The Rolling Stones «The Last Time» без надлежащего оформления прав. По результатам судебного разбирательства, инициированного правообладателями,

¹ Гаврилов, Э. П. Перевод и иная переработка произведения / Э. П. Гаврилов // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2015. № 1. Ст. 34.

² Медведев Артём Александрович Сэмплирование: недостатки применения законодательного подхода о производных произведениях и зарубежный опыт правового регулирования // Юридическая наука. 2025. №3. Ст.216

³ Самый дорогой плагиат 90-х: история песни The Verve «Bitter Sweet Symphony» // Радио ULTRA. 11.09.2025. URL: <https://radioultra.ru/news/samyy-dorogoy-plagiat-90-kh-istoriya-pesni-the-verve-bittersweet-symphony> (дата обращения: 01.04.2026).

Эшкрофт был лишен авторских отчислений: на протяжении двадцати лет вся прибыль от реализации трека в полном объеме перечислялась группе The Rolling Stones.

Представленные прецеденты позволяют сформулировать ключевые принципы правового регулирования музыкального сэмплирования, подтверждая, что использование заимствованного материала без надлежащего лицензирования влечет существенные гражданско-правовые риски вне зависимости от объема творческой переработки. Если в первом случае акцент смещен на безусловный приоритет прав правообладателя оригинала, то российская судебная практика демонстрирует подход, основанный на детальном исследовании характера заимствования и степени его оригинальности. Выявление высокой степени тождества объектов позволяет квалифицировать производное произведение как плагиат, а не как допустимую переработку или пародию, что служит основанием для запрета эксплуатации спорного контента и взыскания соразмерной денежной компенсации в пользу потерпевшей стороны.

При сэмплировании зачастую заимствуются наиболее узнаваемые фрагменты музыкальных произведений, что, несмотря на их малую продолжительность, вызывает у аудитории устойчивые ассоциации с оригиналом. Подобная практика может быть квалифицирована как злоупотребление коммерческим успехом и репутацией чужого произведения с целью извлечения необоснованных преимуществ. В связи с этим при оценке правомерности использования музыкальных фрагментов необходимо придерживаться комплексного подхода, учитывающего совокупность критериев допустимого заимствования.

В своей научной работе А.Н. Рабизов¹ указывает, что несмотря на то, что право использования сэмплов может быть приобретено различными способами, доминирующими являются выкуп прав и получение лицензий на использование сэмплов и на переработку произведений. Универсальный принцип автономии сторон, применимый к договорным обязательствам, действует и в данной области права, что необходимо учитывать при заключении и толковании лицензионных и иных договоров на приобретение прав на произведение. Необходимо отметить, что существующие пробелы в правовом регулировании данной области правоотношений следует восполнять с учетом сложившейся деловой практики и с учетом всех особенностей отношений по поводу музыкальных произведений, вытекающих из сущностных особенностей музыки как таковой.

В современной музыкальной индустрии сэмплирование утвердилось как сложный правовой институт, функционирующий на пересечении свободного творчества и строгого режима охраны исключительных прав. С юридической точки зрения этот процесс рассматривается как форма переработки, требующая легализации через выкуп прав, получение лицензий или оформление цессии.

¹ Рабизов А. Н. Особенности регулирования трансграничных отношений в сфере авторских и смежных прав на музыкальные произведения. Сэмплирование // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2016. №12 (28). Ст.197.

Несмотря на творческую автономность сторон при заключении договоров, ключевым условием правомерности остается выплата вознаграждения в виде части от роялти.

Действующее законодательство подтверждает, что даже минимальные фрагменты произведения подлежат правовой охране, если они обладают признаками оригинальности. Судебная практика исходит из того, что использование узнаваемых элементов без согласия автора квалифицируется как нарушение исключительного права, а не допустимое заимствование. Таким образом, разграничение между легальной трансформацией и плагиатом напрямую зависит от степени творческой переработки, узнаваемости сэмпла и соблюдения интересов правообладателя исходного материала.

Учитывая существующие пробелы в нормативном регулировании, сэмплирование требует комплексного правового подхода, опирающегося не только на букву закона, но и на установившиеся отраслевые обычаи. Дальнейшее развитие этой сферы связано с необходимостью адаптации юридических механизмов к цифровым реалиям и выработкой четких критериев допустимого заимствования. Эффективная правовая модель должна обеспечивать баланс между интересами создателей нового контента и защитой материальных прав авторов оригинальных произведений, исходя из уникальной природы музыки как объекта интеллектуальной собственности.

Библиографический список

1. Гаврилов, Э. П. Перевод и иная переработка произведения / Э. П. Гаврилов // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2015. № 1. Ст. 31-37.

2. Медведев Артём Александрович Сэмплирование: недостатки применения законодательного подхода о производных произведениях и зарубежный опыт правового регулирования // Юридическая наука. 2025. №3. Ст.216-22.

3. Рабизов А. Н. Особенности регулирования трансграничных отношений в сфере авторских и смежных прав на музыкальные произведения. Сэмплирование // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2016. №12 (28). Ст.194-201.

УДК 347.451

ВЗЫСКАНИЕ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ПО ДЕЛАМ О ДТП

CLAIMING COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE IN ROAD ACCIDENTS

Золина Арина Владиславовна

студент Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

научный руководитель: Крайнова Екатерина Романовна

доцент кафедры гражданского права и процесса, к.ю.н., доцент

Zolina Arina Vladislavovna

student at the Law Institute M.M. Speransky Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs

scientific supervisor: Kraynova Ekaterina Romanovna

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Candidate of Legal Sciences

Аннотация: Дорожно-транспортные происшествия причиняют пострадавшим не только имущественный, но и моральный вред, компенсация которого нередко становится предметом судебных разбирательств. Несмотря на закреплённую в законодательстве возможность такой защиты, вопросы определения размера компенсации по-прежнему остаются дискуссионными. Это обусловлено отсутствием чётких критериев её определения, что, в свою очередь, приводит к широкому судебному усмотрению. В связи с этим особую актуальность приобретает анализ соответствующих критериев, выявление проблем, препятствующих формированию единообразной правоприменительной практики и поиск путей их решения.

Ключевые слова: компенсация морального вреда; защита частных прав; личные неимущественные права; судебная практика; ДТП.

Abstract. Road traffic accidents cause not only property damage, but also moral damage to victims, and compensation for such damage is often the subject of legal proceedings. Despite the legal provision for such compensation, the issue of determining the amount of compensation remains controversial. This is due to the lack of clear criteria for determining compensation, which leads to a wide range of judicial discretion. Therefore, it is crucial to analyze the relevant criteria, identify the issues

that hinder the development of uniform legal practice, and find solutions to these issues.

Keywords: compensation for non-pecuniary damage; protection of private rights; personal non-property rights; judicial practice; traffic accidents.

Компенсация морального вреда выступает значимым механизмом защиты личных неимущественных прав и нематериальных благ в гражданском праве Российской Федерации. В Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации (далее – ПП ВС РФ)¹ даётся определение морального вреда как нравственных или физических страданий, причинённых действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага или нарушающими его личные неимущественные права либо нарушающими имущественные права гражданина.

Указанные выше права и защищаются Конституцией РФ², ГК РФ³, УК РФ⁴ и др. Уместно будет упомянуть, что защита осуществляется и с помощью международно – правовых актов⁵.

Компенсация морального вреда обладает своими уникальными характеристиками, одна из которых подразумевает, что компенсация допускается исключительно при наличии вины причинителя. Но здесь важно учитывать ст.1100 ГК РФ которая предусматривает случаи компенсации независимо от вины. Дела, связанные с ДТП, как раз и относятся к таким случаям, так как причинение вреда жизни происходит посредством повышенного источника опасности.

При определении размера компенсации морального вреда суд учитывает характер физических и нравственных страданий потерпевшего, степень вины причинителя вреда, а также требования разумности и справедливости. При этом принимаются во внимание обстоятельства дела, личные особенности потерпевшего и имущественное положение причинителя вреда⁶.

Выбор данной темы вызван массовостью ДТП. По данным МВД за 2025 год в России зарегистрировано 128 тыс. аварий, что составляет около 11 тыс.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 2.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (дата обращения 20.04.2026).

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // «Собрание законодательства РФ», 1994, № 32, Ст. 3301.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954. В данном виде документ опубликован не был.

⁵ «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // «Российская газета», № 67, 05.04.1995. Ст.3

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 "О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина" // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 3, 2010.

происшествий ежемесячно. По статистике за этот период в результате инцидентов погибло почти 14 тыс. человек и 158 тыс. ранено¹.

В 2026 году наблюдается устойчивая тенденция к снижению как общего количества ДТП, так и уровня смертности и травматизма в их результате, что подтверждается материалами ГАИ². По данным ГИБДД, к марту 2026 г. было зарегистрировано около 22 тыс. аварий (в среднем около 7,3 тыс. происшествий в месяц)³, в результате которых погибло 1296 человек, а ранено 16,5 тыс.

Рассмотрим дела, где в результате ДТП был причинён лёгкий вред здоровью.

В первом случае истицей, в результате столкновения с автомобилем ответчика, были получены ушибы мягких тканей головы, левого предплечья и левой голени. Она посчитала, что перенесла не только физическую, но и душевную боль, страдания в связи с повреждением принадлежащего ей автомобиля. В дополнение она указала на то, что из-за случившегося не может вести активную жизнь и просит взыскать с ответчика 200 тыс. рублей в качестве компенсации морального вреда. Суд её требования удовлетворил частично, а именно, в размере 50 тыс. рублей⁴.

В следующей ситуации истица, явившись в суд, указала на то, что в результате ДТП она испытала сильный страх за свою жизнь и глубокие переживания. А полученные ею множественные травмы лица потребовали хирургического вмешательства и длительного лечения. Кроме того, после операций остались рубцы, изменившие её лицо и причиняющие ежедневные нравственные страдания. Суд в данном случае взыскал с ответчицы компенсацию в размере 200 тыс. рублей⁵. По делам о причинении вреда здоровью средней тяжести также можно сравнить два дела.

В первом случае у истца имелись множественные травмы: закрытая черепно-мозговая травма с сотрясением головного мозга, травматическим отеком мягких тканей правой теменно-височной области; закрытая травма грудной клетки, переломы рёбер и др. Полученные повреждения негативно отразились на работоспособности и самочувствии истца. Размер компенсации он оценил в 100 тыс. рублей. На основании вышеизложенного суд решил удовлетворить требования истца в части и взыскать с ответчика 70 тыс. рублей⁶.

¹ В России за год снизилось число смертей на дорогах // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8362307> (дата обращения 29.04.2026).

² ГАИ заявила о снижении ДТП и смертности в России в 2026 году // Царьград [Электронный ресурс]. URL: https://tsargrad.tv/novost/gai-zajavila-o-snizhenii-dtp-i-smertnosti-v-rossii-v-2026-godu_1641825 (дата обращения 29.04.2025)

³ Аварийная статистика I квартала 2026: итоги и лидеры по числу ДТП // Дзен [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/ad4zk40bBXXU2tUF> (дата обращения 29.04.2026).

⁴ Решение Горняцкого районного суда г. Макеевки № 2-2501/2025 2-2501/2025~М-2218/2025 М-2218/2025 от 31 октября 2025 г. по делу № 2-2501/2025 // Судебные и нормативные акты [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 29.04.2026).

⁵ Решение Московского районного суда г. Санкт-Петербург № 2-7018/2025 2-7018/2025~М-4060/2025 М-4060/2025 от 10 декабря 2025 г. по делу № 2-7018/2025 // Судебные и нормативные акты [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 29.04.2026).

⁶ Решение Ленинского районного суда г. Ростова н/Д № 2-2243/2025 2-2243/2025~М-1482/2025 М-1482/2025 от 12 ноября 2025 г. по делу № 2-2243/2025 // Судебные и нормативные акты [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 29.04.2026).

Во втором случае истцом уже являлся пешеход, на которого был совершён наезд. Вследствие наезда были получены тупая травма левой нижней конечности, ссадины и кровоподтеки верхних и нижних конечностей. Истец также указывала на то, что ей были причинены нравственные страдания, так как она мучилась бессонницей, потерей аппетита, не могла вести хозяйство и помогать семье. Несмотря на то, что ответчик всячески помогла, извинялся, приезжал в больницу, ссылаясь на своё материальное положение, суд взыскал 400 тыс. рублей¹.

Наконец, судебная практика по делам с летальным исходом также демонстрирует отсутствие единообразия в принимаемых решениях.

Первым примером является дело, в котором в результате ДТП ответчик совершил наезд на автомобиль пострадавшего. Последний, в свою очередь, множественные травмы, которые в итоге стали причиной наступления смерти. Истицей выступила жена, которая указала на то, что она и её дети навсегда лишились заботы, поддержки, внимания близкого человека, что отразилось на их психологическом состоянии. В итоге суд взыскал с ответчика 1,5 млн. рублей².

В результате второй ситуации водитель грузовика допустил столкновение с автомобилем «Газель», отчего последний умер на месте. Родственники также испытывали тяжёлые нравственные страдания в связи с утратой. Суд взыскал в их пользу компенсацию в размере 7 млн. рублей³.

Можно обратиться к зарубежному опыту. Например, в США же размер компенсации считают с помощью специальных формул. Существует два наиболее распространённых варианта. В первом умножают медицинские расходы на коэффициент, зависящий от тяжести вреда (при незначительных травмах он уменьшается при более серьёзных, соответственно, увеличивается). При втором варианте боль, испытываемая человеком ежедневно, оценивается в долларах и умножается на количество дней, которое необходимо для восстановления (зачастую такой метод применяется, когда испытываемая боль становится хронической). Так, например, человек, пострадавший от травмы шеи может рассчитывать на компенсацию в размере от 20 до 40 тыс. долларов (от 1,5 млн. до 3 млн. рублей по актуальному курсу), при более серьёзных травмах – до 150 тыс. долларов (11,2 млн. рублей)⁴.

Возвращаясь к российской судебной практике, следует подчеркнуть сохраняющуюся проблему отсутствия единообразия: по делам, имеющим

¹ Решение Артемовского городского суда № 2-1055/2025 2-1055/2025~М-969/2025 М-969/2025 от 12 ноября 2025 г. по делу № 2-1055/2025 // Судебные и нормативные акты [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 29.04.2026).

² Решение Тимашевского районного суда № 2-1513/2025 2-1513/2025~М-923/2025 М-923/2025 от 10 ноября 2025 г. по делу № 2-1513/2025 // Судебные и нормативные акты [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 29.04.2026).

³ Компенсация морального вреда в связи с причинением вреда жизни или здоровью в результате ДТП // Вестник прокуратуры Прикамья [Электронный ресурс]. URL: https://vestnik-prokurorperm.ru/news/court/995?utm_source=perplexity (дата обращения 29.04.2026).

⁴ Manilich O. Pain and Suffering in NYC Car Accident Cases // Manilich Law, 2026. URL: <https://manilichlaw.com/> (дата обращения 29.04.2026).

схожие обстоятельства и последствия, размер компенсации зачастую разный. И обзор практики наглядно это продемонстрировал.

При этом суд, определяя размер компенсации, обязан соблюдать баланс между адекватным возмещением нравственных страданий потерпевшего и недопущением его неосновательного обогащения, а также учитывать имущественное положение ответчика, исключая чрезмерно обременительные последствия для него. Однако широкое судебное усмотрение, закреплённое в действующем правовом регулировании, на практике приводит к неоднородности решений и снижает предсказуемость правоприменения.

В качестве возможного решения представляется целесообразным нормативное закрепление более чётких ориентиров для определения размера компенсации морального вреда. Речь может идти о введении на законодательном уровне или в разъяснениях высшей судебной инстанции специальных таблиц (шкал) или систем критериев, учитывающих характер правонарушения, степень вины, тяжесть последствий и иные значимые обстоятельства. Подобный подход позволил бы снизить уровень судебного усмотрения, обеспечить большую единообразность практики, повысить предсказуемость судебных решений и укрепить доверие к судебной системе в целом.

Библиографический список

1. В России за год снизилось число смертей на дорогах // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8362307> (дата обращения 29.04.2026).

2. ГАИ заявила о снижении ДТП и смертности в России в 2026 году // Царьград [Электронный ресурс]. URL: https://tsargrad.tv/novost/gai-zajavila-o-snizhenii-dtp-i-smertnosti-v-rossii-v-2026-godu_1641825 (дата обращения 29.04.2025)

3. Аварийная статистика I квартала 2026: итоги и лидеры по числу ДТП // Дзен [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/ad4zk40bBXXU2tUF> (дата обращения 29.04.2026).

4. Компенсация морального вреда в связи с причинением вреда жизни или здоровью в результате ДТП // Вестник прокуратуры Прикамья [Электронный ресурс]. URL: https://vestnik-prokurorperm.ru/news/court/995?utm_source=perplexity (дата обращения 29.04.2026).

5. Manilich O. Pain and Suffering in NYC Car Accident Cases // Manilich Law, 2026. [Электронный ресурс]. URL: <https://manilichlaw.com/> (дата обращения 29.04.2026).

УДК 347.1

КРИТЕРИИ ТВОРЧЕСКОГО ВКЛАДА ЧЕЛОВЕКА КАК ОСНОВАНИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ АВТОРСТВА НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО И МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА, СОЗДАННЫЕ С ПОМОЩЬЮ СИСТЕМ ИИ

CRITERIA FOR A PERSON'S CREATIVE CONTRIBUTION AS THE BASIS FOR ATTRIBUTION OF AUTHORSHIP TO WORKS OF VISUAL AND MUSICAL ART CREATED USING AI SYSTEMS

Исаева Ариана Денисовна

студент юридического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Косс Алина Евгеньевна

студент юридического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

научный руководитель: Петрова Екатерина Сергеевна

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Isaeva Ariana Denisovna

student of the Law Institute of the Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov Vladimir State University

Koss Alina Evgenievna

student of the Law Institute of the Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov Vladimir State University

scientific supervisor: Ekaterina Sergeevna Petrova

Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Process of the M.M. Speransky Law Institute of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовых критериев определения авторства на произведения, созданные с привлечением систем искусственного интеллекта. Авторы анализируют категорию «творческого вклада» как обязательное условие правовой охраны в российском праве и проводят сравнительный анализ международного опыта, включая прецедентную практику Китая.

Abstract. The article is devoted to the study of legal criteria for determining authorship of works created with the involvement of artificial intelligence systems. The authors analyze the category of "creative contribution" as a mandatory condition for legal protection in Russian law and conduct a comparative analysis of international experience, including Chinese case law.

Ключевые слова: искусственный интеллект; авторство; творческий вклад; изобразительное искусство.

Keywords: artificial intelligence; copyright; creative contribution; visual arts.

Российское законодательство предусматривает, что автором результата интеллектуальной деятельности признается только физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение науки, литературы, искусства (ст. 1228, 1257 ГК РФ¹). Однако развитие искусственного интеллекта ставит под вопрос признание гражданина автором в случае использования им алгоритма как технического инструмента, аналогичного созданию произведений изобразительного и музыкального искусства привычными предметами и способами.

На основании пункта 80 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»², пока не доказано иное, результаты интеллектуальной деятельности признаются созданными творческим трудом. При этом отсутствие оригинальности и уникальности произведения не свидетельствует о том, что такой результат создан не творческим трудом и не является объектом авторского права.

При использовании искусственного интеллекта юридически значимый творческий вклад лица переходит из сферы непосредственного исполнительства в сферу интеллектуального руководства процессом. В данном случае творческий характер деятельности подтверждается не механическим формообразованием, а волеизъявлением автора: формулировкой определенной творческой задачи, определением художественных критериев генерации и последующей проверкой, и корректировкой полученного результата, что позволяет рассматривать искусственный интеллект только как сложный технический инструмент.

Особенность искусственного интеллекта порождает правовую коллизию: формально оставаясь объектом права, искусственный интеллект фактически демонстрирует признаки субъектности. Установленный правовой аппарат, предполагающий указание на конкретного субъекта-человека, оказывается неприспособленным к новой технологической реальности. Основной проблемой

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая : федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2026).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // КонсультантПлюс. (дата обращения: 10.04.2026).

признаний искусственного интеллекта субъектом права является юридическая система норм, исключительно ориентированная на человека. Правовые категории правоспособности и дееспособности неразрывно связаны с волей и сознанием. Поскольку искусственный интеллект лишен эмоционального интеллекта и возможности принимать решения, он лишен способности к субъективной оценке и правосознанию, что является основополагающим для правоприменения¹.

Подтверждение данного тезиса находит место в судебной практике. Например, Постановление Пятнадцатого Арбитражного Апелляционного суда от 28 ноября 2024 г. N 15АП-15937/24². Рассматривая довод ответчика о том, что спорные изображения являются продуктом искусственного интеллекта и не подлежат защите, суд признал исключительные права истца на основании представленных трудовых договоров и актов. Поскольку презумпция авторства (ст. 1257, 1300 ГК РФ³) не была опровергнута, суд подтвердил традиционный подход к субъекту авторского права. Это свидетельствует об интеграции результатов использования нейросетей в существующие рамки ГК РФ и сохранении «человекоориентированной парадигмы законодательства»⁴.

Если рассматривать зарубежный опыт, то там также прослеживаются ярко выраженные тенденции признания исключительно человека как автора.

Ведомство по патентам и товарным знакам США в 2025 году выпустило обновлённое руководство⁵, в котором подчёркивается, что изобретателями могут быть только физические лица, даже если искусственный интеллект играет значительную роль в процессе изобретения. В руководстве чётко указано, что искусственный интеллект лучше всего рассматривать как сложный инструмент, подобный лабораторному прибору, и что критерием изобретательства по-прежнему является «замысел» — действие, присущее только человеку.

Как пример можно рассмотреть дело, описанное в Holland & Knight⁶, и ставшее знаковым прецедентом в США. Спор Стивена Талера относительно ИИ DABUS (2018–2026). Бюро регистрации авторских прав и суды всех инстанций, включая Верховный суд США, последовательно отказали в регистрации прав на произведение, созданное ИИ без участия человека. Итоговым выводом стало признание человеческого авторства «основополагающим требованием» (bedrock requirement), без которого объект не может получить правовую охрану.

¹ Белозерцева В. В. Правовое регулирование искусственного интеллекта // Пробелы в российском законодательстве. 2024. №6. С. 80.

² Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.11.2024 N 15АП-15937/2024 по делу N А32-40085/2024 URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS015&n=279555#yn9OmGVwvTWF1joj>

³ Ст. 1257. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая : федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2026).

⁴ Мачанов Д. Н. Критерии творческой деятельности или вклада объектов авторского права, созданных искусственным интеллектом // Образование и право. 2020. №2.С.38.

⁵ U.S. Copyright Office [Электронный ресурс] URL: <https://www.copyright.gov/newsnet/2025/1060.html>

⁶ Официальный сайт Holland & Knight [Электронный ресурс] URL: <https://www.hklaw.com/en/insights/publications/2026/03/the-final-word-supreme-court-refuses-to-hear-case-on-ai-authorship> (дата обращения 11.04.2026)

Охрана результатов работы ИИ возможна лишь при условии, что человек определяет значительный объем выразительных элементов произведения. Бюро авторского права США подтверждает: использование ИИ как вспомогательного инструмента или включение его генераций в более крупные человеческие труды не лишает их защиты. При этом простое предоставление текстовых подсказок (промттов) не признается достаточным вкладом — требуются существенные творческие изменения. На данный момент оснований для изменения законодательства с целью введения дополнительной защиты ИИ-контента не выявлено.

В основе авторского права лежит творческий потенциал человека. Если творческий потенциал выражается с помощью систем искусственного интеллекта, он по-прежнему охраняется авторским правом. Однако распространение защиты на материалы, выразительные элементы которых определяются машиной, скорее подорвет, чем укрепит конституционные цели авторского права.

Законодательство Европейского Союза и, соответственно, Великобритании, которое по-прежнему соответствует законодательству ЕС об авторском праве, также требует, чтобы авторами творческих произведений были люди.

Суд Европейского союза по вопросам авторского права постановил, что «авторское право в значении (соответствующего законодательства ЕС) может применяться только в отношении оригинального произведения в том смысле, что оно является результатом интеллектуальной деятельности автора»¹.

Согласно праву ЕС и Великобритании, ключевым критерием охраноспособности является репрезентация личности творца в итоговом продукте. Правовая защита предоставляется лишь тем объектам, которые признаются «интеллектуальным творением автора», отражающим его индивидуальность и свободный творческий выбор в процессе создания.

Однако в законодательстве Великобритании есть любопытное исключение, разрешающее авторское право на сокращённые сроки охраны произведений, созданных с помощью компьютера. Закон об авторском праве, промышленных образцах и патентах говорит: «Если произведение создано с помощью компьютера... срок действия авторских прав истекает по истечении 50 лет с конца календарного года, в котором было создано произведение».²

В работе «Creativity, Artificial Intelligence, and the Requirement of Human Authors and Inventors in Copyright and Patent Law»³ также основной блок уделяется изучению креативности, присущей исключительно человеку и как данный фактор влияет как раз на появление авторского права, как обязательного вклада. Так ссылаясь на философскую, нейробиологическую и психологическую

¹ Дело C-5/08 Infopaq International (2009) ECR I-6569, стр. (37). [Электронный ресурс] URL: <https://ipcuria.eu/case?reference=C-5/08> (дата обращения 11.04.2026)

² Copyright, Designs and Patents Act 1988 (UK). Section 12(7). [Электронный ресурс] URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/contents> (дата обращения: 13.04.2026).

³ Mammen C. E. et al. Creativity, Artificial Intelligence, and the Requirement of Human Authors and Inventors in Copyright and Patent Law. // University of Oxford. 2024. С. 14.

литературу, в которой уже достаточно хорошо изучены основные аспекты креативности. Выделяется. Что в большинстве описаний креативности выделяют как внешний компонент (например, проявления идей, в том числе созданные артефакты), так и внутренний (например, мыслительный процесс человека). Творческий процесс включает в себя три основных элемента: внешний (продукт), субъективный (психологический) и социальный контекст.

В деле *Li v. Liu* (2023) Пекинский интернет-суд признал ИИ инструментом, а созданное им изображение — «произведением искусства», защищенным авторским правом. Ключевым критерием стало наличие интеллектуального вклада человека: автор не просто нажал кнопку, а осуществлял творческий выбор через детальную настройку промптов, параметров (масштаб CFG, итерации) и неоднократную корректировку результата. Суд постановил, что такой акт дизайна и волевое управление моделью являются «интеллектуальным достижением», что позволяет признать физическое лицо полноценным автором¹.

Человеческое творчество — это не просто генерация результата, а уникальный когнитивный и социальный процесс, который принципиально отличается от работы систем ИИ. Право IP существует для стимулирования именно человеческих усилий, и наделение ИИ статусом автора подорвало бы сами основы и цели этой правовой системы. В отличие от ИИ, который оперирует вероятностями и статистическими закономерностями, человек вкладывает в произведение смыслы, основанные на его субъективном опыте и эмоциях.

Отсюда может вытекать проблема о том, сколько прикладываемых сил человека во время генерации произведения с помощью ИИ можно считать достаточным, чтобы отразить интеллектуальную, креативную и волевою деятельность. Суд Китая признал 150 изменений достаточными, но не все требуют столько же для достижения желаемого результата, кроме того, человек может вносить дополнительный вклад используя последующие самостоятельные изменения (такие как рендер). Таким образом дискуссия о том какая грань между вкладом сил и его отсутствием является довольно спорной и в ней нельзя найти точного решения так как каждая такая ситуация будет являться уникальной. Особенно стоит выделить создание песен с помощью ИИ, где человек может использовать его для полного написания текста, а может лишь для подбора рифм, в первом случае, очевидно это не будет считаться креативным вкладом, так как текст песен наиболее подвержен сакральному смыслу автора.

Библиографический список

1. Mammen C. E. et al. Creativity, Artificial Intelligence, and the Requirement of Human Authors and Inventors in Copyright and Patent Law. // University of Oxford. 2024. С. 14.

¹ Beijing Internet Court. Civil Judgment: (2023) Jing 0491 Min Chu No. 11279. URL: <https://english.bjinternetcourt.gov.cn/> (дата обращения: 13.04.2026).

2. Белозерцева В. В. Правовое регулирование искусственного интеллекта // Пробелы в российском законодательстве. 2024. №6. С78-86.

3. Мачанов Д. Н. Критерии творческой деятельности или вклада объектов авторского права, созданных искусственным интеллектом // Образование и право. 2020. №2. С. 333-335.

УДК 347.1

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN CIVIL LAW

Клюева Е.А.

Студент Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Халямина М.А.

Студент Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Научный руководитель:

Крайнова Е.Р.

Доцент кафедры гражданского права и процесса, кандидат юридических наук

Klyueva E.A.

Student at the M.M. Speransky Law Institute of the A.G. and N.G. Stoletov Vladimir State University

Khalyamina M.A.

Student at the M.M. Speransky Law Institute of the A.G. and N.G. Stoletov Vladimir State University

Scientific supervisor:

Kraynova E.R.

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Candidate of Legal Sciences

Аннотация. В данной статье исследуется история появления этого принципа, его эволюцию и современное понимание. Особое внимание уделяется анализу понятия добросовестности и её юридических критериев, которые позволяют оценить соответствие действий участников гражданских правоотношений установленным нормам.

В работе рассматриваются различные подходы к определению добросовестности, её роль и значение в системе гражданского права, а также приводится анализ судебной практики, связанной с применением принципа добросовестности.

Ключевые слова. Добросовестность, гражданское законодательство, принцип добросовестности, справедливость.

Annotation. This article explores the history of this principle, its evolution, and its current understanding. It focuses on analyzing the concept of good faith and its legal criteria, which allow for assessing the compliance of the actions of participants in civil legal relations with established norms. The article examines various approaches to defining good faith, its role and significance in the civil law system, and provides an analysis of court practices related to the application of the principle of good faith.

Keywords. Good faith; civil legislation; principle of good faith; justice.

Гражданское право представляет собой одну из важнейших отраслей правовой системы. В современном гражданском праве принцип добросовестности занимает центральное место, пронизывая практически все институты и регулируя поведение участников гражданского оборота. В условиях динамично развивающихся экономических отношений, когда формальные правила не всегда способны охватить все многообразие жизненных ситуаций, принцип добросовестности становится необходимым инструментом для обеспечения справедливости и стабильности в гражданско-правовой сфере. Настоящее исследование посвящено анализу содержания данного принципа, его функциям и практическому применению судами.

Начало принципу добросовестности было положено в римском праве, где он был известен как «*bona fides*» – «добрая вера». В римском праве «*bona fides*» являлась не просто моральным предписанием, но и юридически значимым критерием, особенно в контексте договорных отношений. Она предполагала честность, открытость и справедливость при заключении и исполнении договоров, а также учет интересов другой стороны¹. Преторы активно использовали «*bona fides*» для корректировки формальных требований закона, заполнения пробелов и разрешения ситуаций, когда формальное применение закона приводило к несправедливым результатам.

С падением Римской империи и распространением канонического права добросовестность не утратила своего значения. Средневековые юристы использовали ее для толкования римского наследия, а каноническое право подчеркивало важность моральных аспектов в правовых отношениях. В эпоху Просвещения принцип добросовестности нашел отражение в национальных законодательствах. Французский Гражданский Кодекс 1804 года закрепил *bona fides* в качестве основополагающего принципа договорного права, что впоследствии было воспринято и другими европейскими странами. В XIX и XX веках, с усложнением экономических отношений, добросовестность стала рассматриваться как общеправовой принцип, применимый для защиты слабой стороны и предотвращения злоупотреблений.

В российском гражданском праве история развития данного принципа более сжатая. В дореволюционном праве он в явном виде не формулировался, хотя его элементы прослеживались в отдельных институтах. В советский период

¹. Бартошек М., Римское право: Понятия, термины, определения, Москва 1989, С. 131.

добросовестность, пусть и без широкого доктринального признания, фактически использовалась судами при разрешении споров. Официальное закрепление принципа произошло с принятием Гражданского кодекса РФ в 1994 году. Статья 1 ГК РФ обязывает участников гражданских правоотношений действовать добросовестно, разумно и справедливо. В последующих редакциях ГК РФ принцип добросовестности получил дальнейшее развитие и стал активно применяться в судебной практике.

В правовой науке существуют различные подходы к определению добросовестности. Одни исследователи, например, В.П. Грибанов, связывают добросовестность с моралью и нравственностью. Другие, такие как Л.И. Петражицкий, рассматривают добросовестность как заблуждение по поводу правомерности действий. Современная цивилистика различает добросовестность в субъективном и объективном смысле. Такой подход был впервые предложен И.Б. Новицким. В объективном смысле добросовестность представляет собой принцип гражданского права, действующий при реализации прав и обязанностей. В субъективном смысле она относится к внутреннему осознанию субъектом правомерности своего поведения. Важно подчеркнуть, что, несмотря на развитую доктрину, в гражданском законодательстве легальное определение добросовестности отсутствует.

М.М. Агарков определял добросовестность как честность в межличностных взаимодействиях, ориентированную на предотвращение прямого или косвенного обмана и защиту от использования ошибок другой стороны¹. Анализ трудов цивилистов показывает, что добросовестность часто ассоциируется с нравственностью, то есть моральным качеством индивида. Нравственность выполняет функцию установления границ реализации прав субъектами, что связывает её с принципом добросовестности. Однако безнравственное поведение не всегда противоречит закону (например, правомерное взыскание долга с обанкротившегося должника).

В соответствии с п. 3 ст. 1 ГК РФ, участники гражданских правоотношений обязаны действовать добросовестно при установлении, осуществлении и защите своих прав, а также при исполнении обязанностей. Верховный Суд РФ трактует добросовестность как поведение, соответствующее «ожиданиям от любого участника гражданского оборота, который учитывает права и законные интересы другой стороны, а также содействует ей, в том числе в предоставлении информации»². Пункт 4 указанной статьи запрещает извлечение преимуществ из недобросовестного поведения. Несмотря на отсутствие четкого определения в законе, роль добросовестности очевидна: она является условием формальной справедливости в гражданских правоотношениях и способствует предотвращению злоупотребления правом.

¹ Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР. Отделение экономики и права. – 1946. – № 6. – С. 424-436.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

И.А. Покровский предупреждал, что предоставление судьям широких полномочий в трактовке «справедливости» без должных критериев может привести к субъективизму и произволу¹. Включение принципа добросовестности в ГК РФ не сопровождалось установлением конкретных критериев, позволяющих однозначно идентифицировать добросовестного участника. Для минимизации рисков судебского усмотрения необходимо опираться на доктринальные разработки. В частности, Т.Ю. Дроздова выделяет следующие критерии добросовестности: наличие нарушения субъективных прав других участников; незнание субъекта об обстоятельствах (заблуждение), которое приводит к нарушению прав; отсутствие вины субъекта в его незнании о каких-либо обстоятельствах².

Для иллюстрации практического применения принципа добросовестности обратимся к судебной практике. Судом общей юрисдикции города Жигулёвск было принято решение признать истца добросовестным приобретателем по договору купли-продажи автомобиля марки Opel Corsa и освободить имущество от ареста. Из материалов дела следует, что истец приобрел автомобиль по договору купли-продажи за 267 000 рублей. В договоре отсутствовали сведения об обременениях, истец был уверен в чистоте сделки, а автомобиль был зарегистрирован в РЭО ГИБДД. Впоследствии выяснилось, что на автомобиль наложены ограничения определением суда от 15.05.2023. Суд установил, что истец не знал и не мог знать о существующем аресте на момент покупки. Согласно ст. 302 ГК РФ, собственник не вправе истребовать имущество у добросовестного приобретателя. На этом основании суд пришел к выводу о необходимости освобождения автомобиля от ареста и удовлетворил иск.

Данный пример подтверждает, что при разрешении споров о признании добросовестности приобретателя суд в первую очередь учитывает фактор неосведомленности покупателя об обременениях. Ключевыми доказательствами выступают договор купли-продажи и действия по регистрации имущества, свидетельствующие о легитимности сделки. Судебная практика демонстрирует устойчивую защиту прав добросовестных приобретателей, что подчеркивает необходимость тщательной проверки юридической чистоты имущества перед его приобретением.

Таким образом, принцип добросовестности представляет собой ключевую концепцию, лежащую в основе правового регулирования общественных отношений. Он является фундаментальным в российском гражданском праве и применяется во всех случаях взаимодействия субъектов. Несмотря на нормативное закрепление, на практике принцип добросовестности часто вызывает трудности в интерпретации. Это обусловлено отсутствием единого понимания его содержания и целей, что делает необходимым дальнейшее доктринальное исследование данной темы. Исследование этого принципа представляет собой актуальную научную задачу, требующую более детального анализа и толкования.

¹ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – Петроград: Юрид. кн. кл. Право, 1917. – с. 328.

² Дроздова Т.Ю., Добросовестность в Российском гражданском праве, Иркутск 2006, С. 13-19.

Библиографический список

1. Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР. Отделение экономики и права. – 1946. – № 6. – С. 424-436.
2. Бартошек М., Римское право: Понятия, термины, определения, Москва 1989, С. 131.
3. Дроздова Т.Ю., Добросовестность в Российском гражданском праве, Иркутск 2006, С. 13-19.
4. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – Петроград: Юрид. кн. скл. Право, 1917. – с. 328.

УДК 347.4

**ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ПРЕДДОГОВОРНЫХ
ОТНОШЕНИЯХ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОДХОДЫ И РОССИЙСКАЯ
МОДЕЛЬ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

**THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN PRE-CONTRACTUAL
RELATIONS: INTERNATIONAL APPROACHES AND THE RUSSIAN
MODEL OF RESPONSIBILITY**

Крылов Константин Викторович

студент Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Стаханский Артур Максимович

студент Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

научный руководитель: Петрова Екатерина Сергеевна

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Krylov Konstantin Viktorovich

Student of the Law Institute named after M.M. Speransky of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs

Stakhansky Artur Maksimovich

Student of the Law Institute named after M.M. Speransky of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs

scientific supervisor: Ekaterina Sergeevna Petrova

Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Process of the M.M. Speransky Law Institute of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov

Аннотация. Статья посвящена исследованию принципа добросовестности при ведении переговоров и института преддоговорной ответственности в гражданском праве Российской Федерации. Анализируется вопрос о правовом значении преддоговорной стадии и о месте преддоговорной ответственности в системе гражданско-правовых средств защиты. Особое внимание уделяется сопоставлению российской модели, закрепленной в статье 434.1 ГК РФ, с подходами, отраженными в Принципах УНИДРУА, PECL и DCFR.

Ключевые слова: добросовестность, преддоговорная ответственность, переговоры, принципы УНИДРУА, международные стандарты, преддоговорные отношения.

Abstract. The article is devoted to the study of the principle of good faith in negotiations and the institution of pre-contractual liability in the civil law of the Russian Federation. It analyzes the legal significance of the pre-contractual stage and the place of pre-contractual liability in the system of civil law remedies. Special attention is paid to comparing the Russian model, enshrined in Article 434.1 of the Civil Code of the Russian Federation, with the approaches reflected in the UNIDROIT Principles, PECL, and DCFR.

Keywords: good faith, pre-contractual liability, negotiations, UNIDROIT Principles, international standards, pre-contractual relations.

Трансформация современного гражданского оборота диктует необходимость детального регулирования этапа, предшествующего заключению договора, ведь именно здесь закладывается базис будущих обязательств. Наблюдается качественный переход: классическая парадигма «абсолютной свободы договора» постепенно уступает место требованию этичного и добросовестного поведения сторон уже на стадии первого контакта. Актуальность темы продиктована не только стремлением к защите интересов участников правоотношений, но и глобальным запросом на предсказуемость и доверие в правовой среде.

Ключевая проблема исследования кроется в отсутствии концептуального единства относительно природы преддоговорной ответственности и её места в системе гражданских правоотношений. Несмотря на закрепление соответствующих положений в статье 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, в доктрине и практике сохраняются споры о ее природе, объеме и соотношении с международными моделями добросовестных переговоров.

Преддоговорные отношения следует рассматривать не просто как фактическое действие, а как самостоятельный этап правового регулирования, где субъекты формируют свою волю. Фактически, вступая в диалог, стороны уже оказываются связанными определёнными юридическими узами. Таким образом, добросовестность выходит за пределы исключительно моральных принципов и приобретает статус императивного юридического стандарта. В отечественном праве рассматриваемый подход выражен в статье 434.1 ГК РФ, устанавливающей обязанность сторон действовать добросовестно на преддоговорной стадии. Недобросовестное ведение или прекращение переговоров может служить основанием для возложения на соответствующую сторону обязанности возместить причинённые другой стороне убытки.

Сходные подходы прослеживаются в Принципах международных коммерческих договоров УНИДРУА, Principles of European Contract Law (PECL)

и Draft Common Frame of Reference (DCFR)¹. Указанные акты исходят из того, что стороны свободны в ведении переговоров и не несут ответственности за сам факт недостижения соглашения. Вместе с тем недобросовестное ведение или прекращение переговоров может повлечь обязанность возместить причинённые контрагенту убытки. Это позволяет выделить несколько общих положений: признание юридической значимости преддоговорной стадии, распространение на неё требования добросовестности и допущение ответственности за его нарушение.

Анализ статьи 434.1 ГК РФ показывает, что российское право развивается в сходной правовой логике. Законодатель, с одной стороны, закрепляет свободу переговоров, а с другой — устанавливает обязанность сторон действовать добросовестно при вступлении в переговоры, в ходе их проведения и по их завершении. Недобросовестное поведение на этой стадии может повлечь возникновение обязанности возместить причинённые убытки. В этом смысле российская модель обнаруживает концептуальную близость международным подходам к регулированию преддоговорной ответственности.

Вместе с тем российская конструкция имеет и собственные особенности. В отечественной доктрине преддоговорная ответственность нередко рассматривается через категорию преддоговорных отношений, что позволяет обосновывать наличие правовой связи между сторонами ещё до заключения договора². Кроме того, данному институту присуща не только превентивная, но и компенсаторная функция, поскольку его применение связано с возмещением убытков, причинённых недобросовестным поведением в процессе переговоров. Одновременно в научной литературе обращается внимание на сохраняющиеся проблемы, связанные с определением критериев недобросовестности и пределами возмещения убытков³

Проведённое сопоставление позволяет сделать вывод о том, что российская модель преддоговорной ответственности формировалась в контексте общих для современного частного права представлений о добросовестности переговоров, но не сводится к простому воспроизведению международных положений. Значение статьи 434.1 ГК РФ состоит в признании преддоговорной стадии юридически значимым этапом, на котором свобода переговоров ограничивается обязанностью учитывать интересы контрагента. В этом проявляется назначение преддоговорной ответственности как механизма, направленного на предотвращение недобросовестного поведения и компенсацию вызванных им имущественных потерь.

¹ Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) (1994 год) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.03.2026).

² Кадочников Е.В. Преддоговорная ответственность через призму преддоговорного отношения// СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.03.2026).

³ Пасенко Ю.И. Ответственность за срыв переговоров: по итогам реформы// СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.03.2026).

Библиографический список

1. Кадочников Е.В. Преддоговорная ответственность через призму преддоговорного отношения // СПС КонсультантПлюс
2. Пасенко Ю.И. Ответственность за срыв переговоров: по итогам реформы// СПС КонсультантПлюс

УДК 347.6

СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

SURROGATE MOTHERHOOD: LEGAL ISSUES AND WAYS TO IMPROVE LEGISLATION

Малышева Елизавета Вячеславовна, Казакова Евгения Игоревна
студенты Юридического института им. М.М. Сперанского
Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н.Г. Столетовых

Научный руководитель: Крайнова Екатерина Романовна
доцент кафедры гражданского права и процесса, кандидат юридических наук

Malysheva Elizaveta Vyacheslavovna, Kazakova Evgeniya Igorevna
students at the Law Institute named after M.M. Speransky Vladimir State University
named after A.G. and N.G. Stoletovs

Scientific Supervisor: Kraynova Ekaterina Romanovna
associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Candidate of Legal
Sciences

Аннотация: данная статья посвящена гражданско-правовому анализу института суррогатного материнства в Российской Федерации. Исследуются актуальные правовые проблемы института суррогатного материнства. В центре внимания - дискуссионные вопросы его квалификации в доктрине гражданского права, а также проблемы правоприменения, связанные с установлением родительских прав и защитой интересов участников правоотношений.

Ключевые слова: суррогатное материнство; договор о суррогатном материнстве; гражданско-правовой договор; генетические родители.

Abstract: this article is devoted to the civil law analysis of the institution of surrogacy in the Russian Federation. It examines the current legal issues of the institution of surrogacy. The focus is on the controversial issues of its qualification in the civil law doctrine, as well as the problems of law enforcement related to the establishment of parental rights and the protection of the interests of legal relations participants.

Keywords: surrogacy; surrogacy agreement; civil law agreement; genetic parents.

Что для вас суррогатное материнство? В современном обществе существуют два противодействующих лагеря: одни считают, что суррогатное

материнство – это «торговля детьми», другие – единственным шансом для пар, которые по какой-либо причине не могут иметь ребёнка.

Что касается правового регулирования в мировом пространстве, то в ряде стран (Швеция, Франция, Германия и др.) суррогатное материнство полностью запрещено на законодательном уровне. Так, в Германии есть отдельный закон о защите эмбриона, который предусматривает уголовную ответственность в виде лишения свободы или штрафа в отношении любого лица, которое обязуется провести искусственное оплодотворение или передать эмбрион женщине, которая готова оставить своего ребёнка третьим лицам после его рождения.

В ряде таких стран как Израиль, Великобритания, Канада, имеет место только некоммерческое суррогатное материнство. Это обусловлено общественными устоями данных государств¹.

Россия же относится к третьей категории. Наличие законодательства, послужившего основой для развития коммерческого суррогатного материнства, подтверждает законность данной процедуры в России. Однако легальным является только гестационное суррогатное материнство, при котором суррогатная мать и малыш не являются кровными родственниками, так как она не может быть одновременно донором яйцеклетки.

В основе договора о суррогатном материнстве лежат обязательства суррогатной матери выносить ребёнка для других родителей за определённую плату. Оказание подобных услуг осуществляется на основании гражданско-правового договора, в котором чрезвычайно сложно предусмотреть все ситуации развития событий.

Кого же закон защищает в первую очередь – генетических родителей, суррогатную мать или ребёнка, который становится «объектом» договора?

В основе суррогатного материнства России лежит принцип, закреплённый в ст. 48 Семейном кодексе РФ: матерью ребёнка признаётся женщина, которая его родила². Данный принцип вступает в противоречие с концепцией суррогатного материнства, в которой биологическая мать и женщина, вынашивающая ребёнка – разные люди. Согласно п.5 ст. 16 Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния», биологические родители, воспользовавшиеся услугами суррогатной матери, могут зарегистрировать ребенка в ЗАГСе как своего собственного. Однако для успешной регистрации им потребуется предоставить документ из медицинского учреждения, подтверждающий письменное согласие суррогатной матери на передачу ребенка. В противном случае, без такого согласия, регистрация новорожденного на имя биологических родителей будет невозможна³.

¹ Васильев А. М., Елец Е. А. СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО И ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ // МНИЖ. 2023. №8 (134). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/surrogatnoe-materinstvo-i-torgovlya-lyudmi-ugolovno-pravovye-aspekty> (дата обращения: 18.04.2026).

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

³ Гаджимагомедова Шумайсат Солеймановна, Магомедова Патимат Юсуповна, Хочберова Хавва Адиль Кызы ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА // Право и управление. 2023. №11.

Законодательно закреплено, что суррогатной программой может воспользоваться только супружеская пара (Семейный кодекс РФ и Федеральный закон «Об актах гражданского состояния»), а в ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение ребенка по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям¹. Вследствие чего возникают значительные сложности при определении круга лиц, имеющих право на участие в программах суррогатного материнства. Действующее регулирование (ч. 3 ст. 55 [ФЗ № 323 от 21.11.2011 "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации"](#)) предоставляет такое право мужчине и женщине, а также одинокой женщине. Одинокие мужчины такой возможностью не обладают².

В контексте суррогатного материнства, ребенок представляет собой наиболее уязвимую сторону. Применение вспомогательных репродуктивных технологий такого рода потенциально может привести к нарушению прав ребенка, в частности, его права на воспитание и проживание в семье. Дополнительно, отсутствие правового регулирования отдельных аспектов суррогатного материнства создает неопределенность относительно дальнейшей судьбы ребенка в ситуациях, когда как суррогатная мать, так и биологические родители отказываются от него. Это ставит ребенка под угрозу полного отсутствия семейного окружения, что является прямым нарушением его прав. Важно подчеркнуть, что семейное законодательство не содержит положений, регулирующих ответственность биологических родителей, которые, с согласия суррогатной матери, отказываются от внесения своих имен в свидетельство о рождении ребенка, если последний рождается с умственными или физическими отклонениями. В подобной ситуации ребенок может оказаться лишенным поддержки и столкнуться с судьбой, аналогичной той, что постигает детей, от которых отказались биологические родители после естественного зачатия³.

В исследовании Д.И. Джулая, опубликованном в 2025 году, формулируются оригинальные выводы «относительно сложной природы договоров о суррогатном материнстве как специфического вида обязательственного договора, сочетающего частноправовые и публично-правовые элементы».

Автор подчеркивает, что в данном договорном институте «совокупность императивных норм публичного и семейного права» накладывает существенные

¹ Федеральный закон "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" от 21.11.2011 N 323-ФЗ (последняя редакция) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/7025>

² Федеральный закон "Об актах гражданского состояния" от 15.11.1997 N 143-ФЗ (последняя редакция) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

³ Воробьева И. В., Мельников А. В. ПРАВА РЕБЕНКА В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2020. №1.

ограничения на принцип свободы договора и автономии воли сторон. При этом особо отмечается отсутствие фидуциарного характера соответствующих правоотношений¹.

Ключевой особенностью договора о суррогатном материнстве является его направленность на достижение результата, который не может быть гарантирован (успешное вынашивание и рождение живого здорового ребенка).

Из всего вышесказанного мы можем сделать вывод, что российское законодательство в данной сфере является непроработанным. При том, что в России официально разрешено суррогатное материнство, государство не принимает активного участия в его регулировании и развитии.

Мы считаем необходимым:

Во-первых, разработать и принять отдельную главу Гражданского кодекса, посвященную договору (вопросам) суррогатного материнства, так как существующее законодательство не предусматривает легального определения договора суррогатного материнства. По нашему мнению, в данной главе нужно четко закрепить определение договора суррогатного материнства, содержание данного договора, существенные условия, форму, прописать права, обязанности сторон и правовые последствия. Также мы считаем необходимым введение единых реестров таких договоров, ведением которых будут заниматься органы опеки и попечительства.

Во-вторых, внести изменения в пункт 4 статьи 51 Семейного кодекса РФ, исключив необходимость согласия суррогатной матери для записи родителями ребёнка лиц, чьи генетические материалы были использованы и которые заключили договор о суррогатном материнстве. Необходимо закрепить принцип, согласно которому родителями ребёнка признаются лица, чьи генетические материалы были использованы. Отказ от передачи ребёнка должен рассматриваться только как основание для возмещения убытков генетическим родителям.

В-третьих, предоставить право участия в программе суррогатного материнства одиноким мужчинам, а также убрать требование о полном генетическом родстве обоих родителей (оставить главным критерием наличие генетической связи с одним из потенциальных родителей).

В-четвертых, в законе следует установить запрет на отказ супругов заказчиков от записи их родителями ребенка, рожденного суррогатной матерью. В противном случае интересы новорожденного ребенка не будут защищены должным образом.

В-пятых, целесообразно дополнить Гражданский кодекс РФ нормой о добросовестности участников договора суррогатного материнства, в соответствии с которой:

1) Стороны обязаны действовать добросовестно, в том числе суррогатная мать не должна препятствовать регистрации биологических родителей в качестве законных родителей.

¹ Джулай Д.И. Анализ гражданско-правовой характеристики договора суррогатного материнства: основные и альтернативные подходы // Russian Studies in Law and Politics. - 2025. - Т. 9. - №4. - С. 125-149.

2) Генетические родители, выполнившие обязательства по договору, не могут быть лишены права на признания их законными родителями малыша в судебном порядке, если суррогатная мать отказывается выполнять обязательства со своей стороны.

3) Суд вправе принять решение о передаче ребёнка генетическим родителям с учётом интересов ребёнка.

Это нововведение мы считаем важным, так как действующее законодательство не в полной мере защищает права участников договора суррогатного материнства. Также не урегулированы случаи, в которых суррогатная мать отказывается передать малыша после получения вознаграждения, что влечёт судебные споры и нарушает права генетических родителей.

В-шестых, помимо всего сказанного, мы предлагаем дополнить раздел VI Гражданского кодекса РФ «Международное частное право» нормами, которые будут определять:

1) право применимое к договору суррогатного материнства, осложненному иностранным элементом.

2) порядок признания в России судебных решений и актов гражданского состояния об установлении отцовства и материнства в отношении ребёнка, рожденного по программе суррогатного материнства за рубежом.

Предлагаемые изменения несут комплексный характер. Они позволяют:

1) Признать договор суррогатного материнства самостоятельным видом гражданско-правового договора.

2) Устранить правовую неопределенность в вопросах регистрации ребёнка, установлении в отношении него отцовства и материнства.

3) Привести российское законодательство в соответствие с международными стандартами и зарубежным опытом регулирования суррогатного материнства.

Библиографический список

1. Васильев А. М., Елец Е. А. СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО И ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ // МНИЖ. 2023. №8 (134). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/surrogatnoe-materinstvo-i-torgovlya-lyudmi-ugolovno-pravovye-aspekty> (дата обращения: 18.04.2026).

2. Воробьева И. В., Мельников А. В. ПРАВА РЕБЕНКА В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2020. №1.

3. Гаджимагомедова Шумайсат Солеймановна, Магомедова Патимат Юсуповна, Хочберова Хавва Адиль Кызы ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА // Право и управление. 2023. №11.

4. Джулай Д.И. Анализ гражданско-правовой характеристики договора суррогатного материнства: основные и альтернативные подходы // Russian Studies in Law and Politics. - 2025. - Т. 9. - №4. - С. 125-149.

УДК 347.24/.243

**ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ПРАВ СОБСТВЕННИКОВ ПРИ ИЗЪЯТИИ
ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД**

**THE PROBLEM OF PROTECTING THE RIGHTS OF OWNERS
IN THE SEIZURE OF LAND FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS**

Пашкова Юлия Сергеевна

студент Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

научный руководитель: Беляева Кристина Александровна

доцент кафедры гражданского права и процесса, кандидат юридических наук Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Pashkova Yulia Sergeevna

student at the Law Institute. MM. Speransky Vladimir State University named after. A.G. and N.G. Stoletovs

scientific supervisor: Belyaeva Kristina Alexandrovna

associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Candidate of Legal Sciences at Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolay Grigorievich Stoletovs

Аннотация: Статья посвящена анализу проблем защиты прав собственников при изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд. В рамках статьи проанализирована судебная практика, свидетельствующая о том, что при изъятии земель для государственных нужд интересы собственников часто учитываются не в полном объеме, что влечет несправедливые компенсации, формальность процедур и злоупотребления под видом общественных интересов.

Ключевые слова: Земельный участок; государственные и муниципальные нужды; изъятие; выкупная цена; компенсация;

Abstract: The article is devoted to the analysis of the problems of protecting the rights of owners during the seizure of land for state and municipal needs. The article analyzes judicial practice, which indicates that when land is seized for state needs, the interests of owners are often not fully taken into account, which entails unfair compensation, formality of procedures and abuse under the guise of public interests.

Keywords: Land plot; state and municipal needs; withdrawal; purchase price; compensation;

В современной правовой доктрине Российской Федерации вопрос баланса частных и публичных интересов является одним из наиболее дискуссионных, в том числе когда речь заходит о праве государства на принудительное отчуждение частной собственности. Институт изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд представляет собой исключительную меру, которая, с одной стороны, необходима для инфраструктурного развития государства, обеспечения обороноспособности и безопасности, а с другой – является наиболее радикальным вмешательством в фундаментальное право частной собственности. Конституция Российской Федерации в статье 35 закрепляет положение, согласно которому никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда, а принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения. Однако анализ правоприменительной практики и действующего законодательства, включая Гражданский кодекс РФ (ГК РФ) и Земельный кодекс РФ (ЗК РФ), свидетельствует о наличии системных проблем в реализации этих гарантий, создающих ситуацию правовой неопределенности и уязвимости для собственников.

Фундаментальной проблемой является сама концепция «равноценного возмещения». В теории права предполагается, что собственник, лишаемый имущества против своей воли, должен остаться в том же имущественном положении, в котором он находился до изъятия. Это означает не просто выплату рыночной стоимости актива, но и полную компенсацию всех сопутствующих потерь. Тем не менее, на практике механизм определения размера возмещения часто превращается в инструмент бюджетной экономии, где административный ресурс органов власти доминирует над слабой переговорной позицией гражданина или юридического лица. Актуальность данной темы усиливается в свете активной реализации масштабных инфраструктурных проектов и программ комплексного развития территорий (КРТ), которые существенно расширили перечень оснований для изъятия земель, зачастую размывая границы между сугубо государственными нуждами и интересами частных девелоперов.

Процедура изъятия земельного участка представляет собой сложный юридический состав, включающий принятие решения уполномоченным органом, уведомление правообладателя, проведение оценки, заключение соглашения либо судебное разрешение спора. Законодатель в главе VII.1 Земельного кодекса РФ попытался детально регламентировать данный процесс, однако остался ряд пробелов. Ключевым этапом является принятие решения об изъятии, которое должно быть обосновано документами территориального планирования и проектами планировки территории. Здесь возникает первая проблема защиты прав собственника: ограниченные возможности оспаривания самого факта необходимости изъятия. Судебная практика показывает, что суды,

рассматривая иски об оспаривании решений об изъятии, как правило, не входят в обсуждение целесообразности градостроительных решений, ссылаясь на дискреционные полномочия органов власти. Фактически собственник лишен возможности доказать, что дорога или трубопровод могли бы пройти по альтернативному маршруту, минуя его участок, если проектная документация уже утверждена.

Далее следует этап уведомления и переговоров. Законом установлен срок действия проекта соглашения об изъятии, по истечении которого уполномоченный орган вправе обратиться в суд с иском о принудительном изъятии. С 2015 года этот срок был сокращен, что существенно сузило временные рамки для собственника на поиск альтернативного жилья или проведение собственной независимой оценки. Если собственник не согласен с предложенной ценой, он вынужден выступать ответчиком в суде, где бремя доказывания иной рыночной стоимости ложится на него, что влечет существенные финансовые затраты на оплату услуг юристов и судебных экспертов. При этом законодательство позволяет осуществлять переход права собственности к государству даже в процессе судебного спора о цене, если судом будет удовлетворено ходатайство заявителя об установлении сервитута или иного права пользования до окончательного расчета, что хоть и является редкой практикой, но создает риски фактической утраты владения до получения компенсации.

Фундаментальной основой для осуществления данной процедуры служит Земельный кодекс Российской Федерации, который регламентирует основания и порядок изъятия, устанавливая императивные требования к процедуре и гарантии для правообладателей¹. Однако анализ научной литературы и судебной практики показывает, что наличие законодательной базы не исключает множества правоприменительных проблем, ставящих собственника в уязвимое положение.

Исследователи уделяют значительное внимание теоретическим аспектам гарантий прав граждан и юридических лиц в этом процессе. Так, Н. А. Исакова справедливо отмечает, что, несмотря на детальную регламентацию процедуры, фактическая защита прав собственника при изъятии земельного участка в интересах государства зачастую требует от правообладателя активных юридических действий и преодоления административных барьеров². Автор акцентирует внимание на том, что процедура уведомления и переговоров нередко носит формальный характер, что вынуждает собственников искать защиты в судебных инстанциях. Данную позицию поддерживают и развивают В.В. Булгаков и Д.П. Гасанова, которые в своем исследовании указывают на ключевую проблему — определение равноценного возмещения. Исследователи подчеркивают, что понятие «рыночная стоимость» в контексте изъятия часто трактуется органами власти по нижней границе оценки, что ведет к нарушению

¹ Ошибка! Источник ссылки не найден.

² Исакова Н. А. Защита прав собственника при изъятии земельного участка в интересах государства // Современная наука. 2015. № 4. С. 18–19.

принципа эквивалентности обмена и ущемлению имущественных интересов граждан¹. По их мнению, защита прав должна строиться на более прозрачных методиках оценки, учитывающих не только стоимость земли, но и упущенную выгоду.

Современный взгляд на проблематику представлен в работе С. Ю. Денисова и К. А. Степанова. Авторы рассматривают «хронические» проблемы правоприменения и приходят к выводу, что существующий механизм защиты прав собственников нуждается в совершенствовании. В частности, они отмечают, что процедура оспаривания решения об изъятии крайне сложна, а бремя доказывания несоразмерности компенсации целиком ложится на плечи бывшего собственника, что создает экономическое неравенство сторон в процессе². Исследователи также обращают внимание на проблему сроков возмещения, затягивание которых может привести к дополнительным убыткам для владельцев изымаемых участков.

Таким образом, анализ литературы и правовых источников свидетельствует о том, что, несмотря на закрепленные в Земельном кодексе РФ гарантии³, на практике собственники сталкиваются с серьезными трудностями. Как указывают Н. А. Исакова, а также В. В. Булгаков и Д. П. Гасанова, основной конфликт лежит в плоскости экономической оценки изымаемого имущества. Судебная практика, представленная решениями судов общей юрисдикции, подтверждает необходимость постоянного судебного контроля за действиями публичных органов. В свою очередь, С. Ю. Денисов и К. А. Степанов резюмируют, что без дальнейшей детализации механизмов расчета убытков и усиления процессуальных гарантий, баланс интересов будет неизменно смещаться в пользу государства.

Центральным узлом конфликта интересов выступает институт оценки изымаемого имущества. Согласно статье 281 ГК РФ, в состав возмещения включаются рыночная стоимость земельного участка и находящегося на нем недвижимого имущества, а также все убытки, причиненные собственнику изъятием, включая убытки, которые он несет в связи с досрочным прекращением своих обязательств перед третьими лицами, в том числе упущенную выгоду. Формально эта норма соответствует принципу полного возмещения. Однако реализация данного положения сталкивается с методическими и практическими препятствиями.

Во-первых, органы власти, заказывающие первичную оценку, действуют в рамках Федерального закона № 44-ФЗ о контрактной системе, где основным критерием выбора оценщика часто является минимальная цена его услуг. Это приводит к тому, что массовая оценка проводится формально, без глубокого анализа уникальных характеристик объектов, с использованием аналогов,

¹ Булгаков В. В., Гасанова Д. П. Защита прав собственника при изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 2-6. С. 31–34.

² Денисов С.Ю., Степанов К.А. К вопросу о проблемах защиты прав собственников при изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд // Вопросы российской юстиции. 2023. № 27. С. 360–365.

³ **Ошибка! Источник ссылки не найден.**

которые не сопоставимы по локации или качеству. Оценщики, работающие по госконтрактам, склонны занижать стоимость, ориентируясь на нижней границе рынка, чтобы избежать обвинений в нецелевом расходовании бюджетных средств.

Во-вторых, существует колоссальная проблема учета упущенной выгоды и нематериальных потерь. Для коммерческих организаций изъятие участка часто означает не просто потерю актива, но и разрушение налаженного бизнеса. Методики расчета упущенной выгоды сложны и требуют доказательства реальности возможности получения доходов, что на практике крайне затруднительно. Суды скептически относятся к расчетам будущих прибылей, требуя чуть ли не подписанных контрактов на годы вперед. Для физических лиц проблема кроется в другом: рыночная стоимость старого жилого дома и участка в депрессивном районе или зоне старой застройки может быть объективно низкой и недостаточной для приобретения равнозначного жилья в том же населенном пункте без ухудшения жилищных условий. В этом случае принцип «рыночной стоимости» вступает в противоречие с конституционным принципом права на жилище, так как компенсация не обеспечивает восстановительную стоимость объекта – сумму, необходимую для строительства или покупки аналога.

Введение в законодательство механизма Комплексного развития территорий создало новый пласт проблем. КРТ позволяет изымать не только аварийное жилье, но и вполне качественные объекты недвижимости, если они попадают в границы развиваемой территории, включающие в себя, например, частный сектор или гаражные кооперативы. В данном контексте понятие «государственные нужды» трансформируется. Изъятие производится по инициативе публичного образования, но конечным выгодоприобретателем часто становится частный инвестор-застройщик, реализующий коммерческий проект. Законодательство о КРТ предусматривает возможность принудительного изъятия даже тех объектов, которые не являются аварийными, если они не соответствуют видам разрешенного использования или предельным параметрам строительства, установленным новыми градостроительными регламентами.

Проблематика здесь заключается в снижении стандарта защиты прав собственников по сравнению с классическим изъятием для строительства дорог или оборонных объектов. В ряде случаев для собственников жилых помещений в многоквартирных домах, включенных в КРТ, предусмотрены гарантии предоставления равнозначного жилья, однако для собственников нежилой коммерческой недвижимости или индивидуальных жилых домов ситуация сложнее. Они получают денежное возмещение, размер которого, как уже было отмечено, может не позволять возобновить бизнес или купить аналогичный дом в той же локации, учитывая, что новое строительство в районе КРТ приведет к резкому росту цен на недвижимость. Таким образом, происходит вытеснение собственников с их земли с выплатой компенсации, которая фиксируется на момент «до развития», лишая их права на участие в росте стоимости земли, обусловленном развитием инфраструктуры.

На основании проведенного анализа можно констатировать, что текущая модель защиты прав собственников при изъятии земельных участков в РФ имеет выраженный прогосударственный уклон, где эффективность и скорость реализации инфраструктурных проектов ставятся выше имущественных интересов частных лиц. Система страдает от формализма в оценке, отсутствия реальных механизмов компенсации восстановительной стоимости и усложненной процедуры защиты в суде. Для гармонизации отношений и восстановления баланса интересов необходим комплекс мер и рекомендаций.

Во-первых, требуется законодательное закрепление приоритета «восстановительной стоимости» над «рыночной» при изъятии единственного жилья или земельных участков, используемых для личного подсобного хозяйства. Компенсация должна рассчитываться исходя из реальных затрат, необходимых собственнику для приобретения равнозначного имущества в том же административном районе без привлечения заемных средств.

Во-вторых, необходимо ввести институт обязательного страхования ответственности оценщиков, выполняющих государственные заказы по оценке изымаемого имущества, и повысить требования к квалификации таких специалистов. Оценка должна проходить процедуру обязательной независимой экспертизы в СРО оценщиков до направления соглашения собственнику, чтобы исключить заведомое занижение цены на этапе предложения.

В-третьих, законодателю следует пересмотреть подход к моменту перехода права собственности. Переход права должен регистрироваться только после фактического зачисления средств возмещения на счет собственника, а не после внесения их на депозит нотариуса или суда, доступ к которому может быть затруднен бюрократическими процедурами. Это обеспечит реальное выполнение конституционного принципа предварительного возмещения.

В-четвертых, целесообразно разработать и внедрить методику расчета «социальной компенсации» для уязвимых категорий граждан, вынужденных менять место жительства из-за изъятия, покрывающую моральный вред и организационные неудобства, связанные с переездом, которые сейчас вообще не учитываются в структуре выкупной цены.

В-пятых, касательно процессуальных норм, необходимо закрепить правило, согласно которому, если итоговая рыночная стоимость, установленная судом, превышает первоначальное предложение уполномоченного органа более чем на определенный процент (например, 10%), все судебные издержки, включая расходы на экспертизу и представителей, безусловно возлагаются на орган власти, инициировавший изъятие. Это создаст экономический стимул для государства предлагать справедливую цену на досудебной стадии.

Таким образом, совершенствование механизма изъятия земель требует перехода от фискально-ориентированного подхода к социально-ориентированной модели, где изъятие рассматривается не как административный акт подавления воли собственника, а как вынужденная сделка, в которой государство обязано выступить добросовестным и щедрым

приобретателем, компенсирующим гражданину все неудобства, связанные со служением общему благу.

Библиографический список

1. Исакова Н. А. Защита прав собственника при изъятии земельного участка в интересах государства // Современная наука. 2015. № 4. С. 18–19.

2. Решение Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга № 2-1537/2020 2А-1537/2020 от 17.07.2020 г. // <https://sudact.ru/regular/doc/eYhgZnZg57du/> (дата обращения: 26.12.2025).

3. Булгаков В. В., Гасанова Д. П. Защита прав собственника при изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 2-6. С. 31–34.

4. Денисов С.Ю., Степанов К.А. К вопросу о проблемах защиты прав собственников при изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд // Вопросы российской юстиции. 2023. № 27. С. 360–365.

УДК 347.91

ПРОБЛЕМЫ ИСЧИСЛЕНИЯ СРОКА ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ В ДЕПРИВАТИЗАЦИОННЫХ СПОРАХ

PROBLEMS OF CALCULATING THE PERIOD OF LIMITATION IN DEPRIVATIZATION DISPUTES

Перевалов Егор Сергеевич

Студент Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

научный руководитель: Петрова Екатерина Сергеевна

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Perevalov Egor Sergeevich

Student of the Law Institute named after M.M. Speransky of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs

scientific supervisor: Ekaterina Sergeevna Petrova

Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Process of the M.M. Speransky Law Institute of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы исчисления срока исковой давности в деприватизационных спорах. Особое внимание уделяется вопросу о начале течения срока исковой давности по искам прокурора, заявленным в интересах публичного собственника. Анализируется судебная практика, в рамках которой начало течения срока связывается с моментом проведения прокурорской проверки, а также оцениваются последствия такого подхода для правовой определенности и стабильности отношений собственности.

Ключевые слова: исковая давность; деприватизация; начало течения срока исковой давности.

Abstract. The article examines current issues related to calculating the limitation period in deprivatization disputes. Special attention is paid to the starting point of the limitation period in claims filed by a prosecutor in the interests of the public owner. The author analyzes court practice linking the beginning of the limitation period to the moment of a prosecutorial inspection and assesses the implications of this approach for legal certainty and the stability of property relations.

Keywords: limitation period; deprivatization; commencement of the limitation period.

Исковая давность традиционно рассматривается как один из ключевых институтов гражданского права, обеспечивающих устойчивость гражданского оборота. В соответствии со статьей 195 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено. Значение этого института состоит не только в процессуальном упорядочении защиты права, но и в обеспечении правовой определенности и стабильности имущественных отношений.

Целью установления исковой давности является предотвращение бесконечного возобновления правовых споров и обеспечение стабильности в юридической сфере.

Важным вопросом выступают границы сроков исковой давности, а именно являются ли данные сроки исключительно цивилистическим явлением или данный механизм стоит рассматривать и в других частных отраслях права, а также применим ли он в отношении публичных отраслей права. Исходя из целеполагания исковой давности стоит признать, что такие сроки необходимы и в других отраслях права, более того сроки давности касающиеся собственности по возможности должны соотноситься с гражданским законодательством.

По общему правилу, установленному статьей 200 Гражданского кодекса Российской Федерации, срок исковой давности начинает течь с момента, когда управомоченное лицо узнало либо должно было узнать о факте нарушения его прав, а также о том, кто является надлежащим ответчиком по делу. Однако в современной практике с 2021 года в связи с практикой деприватизационных исков Прокуратуры наблюдается новый подход в определении начала течения сроков исковой давности.

Одним из первых таких исков стало дело № А03-15486/2021, прокуратура против ОАО «Кучуксульфат» об истребовании в собственность Российской Федерации акций², в обосновании удовлетворения требований прокуратуры суд Арбитражный суд Алтайского края отклоняя доводы ответчика о пропуске прокуратурой сроков исковой давности, указал что сделки с приватизированными акциями совершались неоднократно в плоть до 2021 года и что после каждой перепродажи акций и смене их владельца срок исковой давности начинает течь заново, поскольку нарушение прав государства в таком случае носило длящийся и видоизменяющийся характер, а право требовать возврата акций возникало у Российской Федерации к каждому новому владельцу с отдельным исчислением срока исковой давности.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ [Электронный ресурс]. - URL: Официальный интернет-портал правовой информации <http://publication.pravo.gov.ru>

² Решение Арбитражного суда Алтайского края от 17.03.2022 по делу N А03-15486/2021 // КонсультантПлюс. (дата обращения: 23.03.2025)

Тринадцатый арбитражный апелляционный суд, оставляя в силе решение по делу № А56-5390/2023¹, который обосновал это в связи с тем, что срок в три года фактически должен исчисляться с момента прокурорской проверки, хотя приватизация проходила в период с 1970-1980 год.

Данная позиция представляется заслуживающей критики, поскольку она ошибочно опускает заложенный в ст. 200 ГК РФ критерий должностования знания о факте нарушения права. Иными словами, в силу буквального указания в тексте ст. 200 ГК РФ не только на момент, когда управомоченное лицо узнало, но и когда должно было узнать о нарушении своих прав, кажется сомнительным утверждение о том, что государством не должно было (не имело возможность) выявить произошедшие более 30 лет назад нарушения приватизационного законодательства, в особенности учитывая регулярность проводимых контрольными и надзорными органами проверок соблюдения законодательства о приватизации государственного имущества.

Важное значение имеет Определение Конституционного Суда РФ от 14.04.2025 № 913-О². Конституционный Суд отказал в принятии жалобы к рассмотрению и не поставил под сомнение саму возможность учета судами фактических обстоятельств, связанных с моментом выявления нарушения. Однако из данного определения не следует вывод о существовании универсального правила, согласно которому срок исковой давности во всех подобных спорах должен исчисляться исключительно с момента прокурорской проверки. Напротив, вопрос о начале течения срока сохраняет оценочный характер и подлежит разрешению с учетом обстоятельств конкретного дела.

Поэтому в центре дискуссии должен находиться не вопрос о полном отрицании возможности защиты публичного интереса, а вопрос о допустимых пределах судебной интерпретации норм об исковой давности. Перенос начала течения срока исковой давности на момент прокурорской проверки способен ослабить принцип правовой определенности в отношениях собственности.

Подобный подход приводит к тому, что вопрос об устойчивости ранее возникших отношений собственности остается открытым. Данное положение влияет на интересы участников гражданского оборота, поскольку возможность предъявления соответствующих требований оказывается поставленной в зависимость не столько от момента нарушения, сколько от момента его выявления в ходе прокурорской проверки. В связи с этим при рассмотрении деприватизационных споров требуется установить, имелись ли объективные препятствия для более раннего выявления нарушения и действительно ли существуют основания для исчисления срока исковой давности с более позднего момента. В противном случае возможно чрезмерно широкое усмотрение публичных органов при определении начала течения срока исковой давности.

¹ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.11.2023 N 13АП-32216/2023, 13АП-32212/2023, 13АП-32213/2023 по делу N А56-5390/2023 // КонсультантПлюс. Россия (дата обращения: 23.03.2025).

² Определение Конституционного Суда РФ от 14.04.2025 N 913-О // СПС Консультант Плюс // (дата обращения: 23.03.2025).

Библиографический список

1. Горбунов Т.Д. К вопросу о применении срока исковой давности к деприватизационным искам //Право и управление. 2024. №12. С.234-239.
2. Лаптев В.А. О соотношении частного и публичного права при защите государственной собственности //Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. №6. С.76-91.

УДК 347.4

**ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,
РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО МЕДИЦИНСКИЕ УСЛУГИ,
И ПРОБЛЕМА ИХ РЕГУЛИРОВАНИЯ**

**CHARACTERISTICS OF LEGISLATION REGULATING MEDICAL
SERVICES AND THE PROBLEM OF THEIR REGULATION**

Рогожин Кирилл Александрович

магистрант Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Rogozhin Kirill Alexandrovich

master's student at the Law Institute. MM. Speransky Vladimir State University named after. A.G. and N.G. Stoletovs

научный руководитель: Крайнова Екатерина Романовна

Доцент кафедры гражданского права и процесса, кандидат юридических наук

scientific supervisor: Kraynova Ekaterina Romanovna

Associate Professor of the Department Of Civil Law and Procedure, Candidate of Legal Sciences

Аннотация. В статье дается определение медицинской услуге. Рассматриваются ключевые нормативно-правовые акты, регулирующие оказание медицинских услуг в Российской Федерации, включая конституционные положения и отраслевое законодательство. Анализируются основные проблемы правового регулирования в сфере медицинских услуг.

Abstract. The article provides a definition of medical services. It examines key legal and regulatory acts governing the provision of medical services in the Russian Federation, including constitutional provisions and sector-specific legislation. The main problems of legal regulation in the field of medical services are analyzed.

Ключевые слова: медицинские услуги; право на охрану здоровья; нормативно-правовое регулирование; здравоохранение; проблемы регулирования.

Keywords: medical services; right to health protection; legal and regulatory framework; healthcare; regulatory issues.

Система здравоохранения – одна из самых сложных сфер правового регулирования, так как в ней сочетаются нормы публичного и частного права, а также она затрагивает базовые права человека – право на жизнь и здоровье. В

настоящее время в условиях реформирования системы здравоохранения особую значимость приобретают вопросы правовой природы медицинской услуги, качества её регулирования и того, насколько эффективно применяются нормы на практике.

В настоящее время определение термина «медицинская услуга» раскрывается через понятие «медицинская помощь» согласно ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹. То есть «медицинская услуга – это медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение»².

Некоторые ученые, в том числе А.А. Мохов, раскрывает понятие медицинской услуги, опираясь на выделение её ключевых признаков. То есть медицинская услуга характеризуется нематериальным, профессиональным, стоимостным характером, а также автономией воли сторон, участников, непостоянством ее качества, изменчивостью, потребляемостью в процессе исполнения³.

Согласно Постановлению Правительства РФ от 11.05.2023 N 736 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 г. N 1006», под медицинскими услугами понимаются медицинские услуги, предоставляемые на платной основе за счет средств граждан и/или юридических лиц. Данные услуги оказываются только на основании договора⁴.

Кроме того, важно отметить, что общественные отношения, складывающиеся в сфере оказания медицинских услуг, характеризуются сложностью и многоуровневой организацией, охватывая большое количество участников⁵.

Следовательно, с позиции гражданского права медицинская услуга трактуется как деятельность исполнителя (медицинской организации), удовлетворяющая потребностям пациента в медицинских вмешательствах. В то же время, изучив действующее законодательство Российской Федерации, мы пришли к выводу, что указанные характеристики проявляются неоднородно и не

¹ Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 29.12.2025) "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2026) // Собрание законодательства РФ", 28.11.2011, N 48, ст. 6724

² Там же.

³ Мохов, А.А. Концепция правового регулирования медицинской деятельности // Актуальные проблемы российского права. – № 4 (149). – 2023. – С. 93-104

⁴ Постановление Правительства РФ от 11.05.2023 N 736 "Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 г. N 1006" // Собрание законодательства РФ", 15.05.2023, N 20, ст. 3565

⁵ Мазина, Н.Е. Особенности медицинской услуги как объекта гражданских прав // Символ науки. – № 11-2-3. – 2024. – С. 112-115

во всех случаях в равной степени, что не позволяет рассматривать их в качестве универсальных для всех правоотношений, возникающих в системе здравоохранения.

Право на охрану здоровья, наряду с другими правами человека, относится к числу базовых общечеловеческих ценностей, получивших закрепление как в международно-правовых актах, так и на государственном уровне в Российской Федерации. Согласно ч. 1 ст. 41 Конституции РФ¹, каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь.

В Российской Федерации реализация права гражданина на охрану здоровья в полном объеме невозможна без эффективно функционирующей системы нормативно-правовых актов, регулирующих общественные отношения, складывающиеся при оказании медицинских услуг².

Нормативно-правовые акты, регулирующие общественные отношения, складывающиеся в сфере оказания медицинских услуг, определены в «Перечне нормативных правовых актов (их отдельных положений), содержащих обязательные требования, оценка соблюдения которых осуществляется в рамках предоставления государственных услуг по состоянию на 19.03.2026 (утв. Росздравнадзором)»³. Основными являются:

- Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»;
- Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 «О защите прав потребителей»;
- Постановление Правительства РФ от 11.05.2023 N 736 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 г. N 1006» и другие.

Анализ действующего законодательства показывает потребность в пересмотре ключевых принципов и условий функционирования системы здравоохранения, особенно в сфере оказания медицинских услуг. В связи с этим в научной и профессиональной среде всё чаще высказываются предложения о необходимости отказа от использования категории «медицинская услуга», а также о пересмотре подходов к правовой оценке медицинской деятельности, вплоть до её «декриминализации»⁴.

Фрагментарный характер правового регулирования оказания медицинских услуг создает условия для роста правонарушений в данной сфере. Обеспечение

¹ "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 20.04.2026 г.)

² Маресьева, А.С. Медицинские услуги: границы правовых аспектов // Вестник Поволжского института управления. – № 1. – 2026. – С. 124-134

³ "Перечень нормативных правовых актов (их отдельных положений), содержащих обязательные требования, оценка соблюдения которых осуществляется в рамках предоставления государственных услуг по состоянию на 19.03.2026" (утв. Росздравнадзором) // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://roszdravnadzor.gov.ru> (дата обращения 20.04.2026)

⁴ Мохов, А.А. Концепция правового регулирования медицинской деятельности // Актуальные проблемы российского права. – № 4 (149). – 2023. – С. 93-104

надлежащего уровня здоровья населения через систему здравоохранения является одной из ключевых основ функционирования общества¹.

Одной из ключевых проблем правового регулирования медицинских услуг является отсутствие единообразного подхода к определению их правовой природы. В действующем законодательстве одновременно используются понятия «медицинская помощь» и «медицинская услуга», что приводит к неопределенности в квалификации возникающих правоотношений.

Также существенной проблемой является фрагментарность законодательного регулирования. Несмотря на наличие закона, регулирующего сферу охраны здоровья граждан, большая часть проблем регулируется подзаконными нормативными актами. Следовательно, возникают пробелы в правовом регулировании, а также неодинаковое толкование норм судами.

Привлечение к ответственности за ненадлежащее оказание медицинских услуг осложняется трудностями доказывания нарушения, установления причинно-следственной связи и определения размера компенсации вреда. В судебной практике чаще применяются нормы законодательства о защите прав потребителей².

Существенная проблема правового регулирования сферы медицинских услуг связана, в частности, с дифференциацией сроков исковой давности в зависимости от характера требований. Так, однолетний срок исковой давности применяется к требованиям, связанным с материальным результатом медицинской услуги (Решение Асбестовского городского суда Свердловской области № 2-1311/2023). Двухлетний срок используется при предъявлении требований, обусловленных нарушением условий договора и причинением имущественного ущерба (Определение Верховного Суда РФ от 30.06.2022 по делу № 45-КГ21-5). Трёхлетний срок исковой давности, как правило, применяется к большинству требований, связанных с ненадлежащим качеством оказанных медицинских услуг, а также к требованиям о компенсации морального вреда при отсутствии причинения вреда здоровью (Апелляционное определение Московского городского суда от 26.05.2020 № 33–26590/2020). Специальный правовой режим установлен для требований, связанных с возмещением вреда жизни и здоровью: на них исковая давность не распространяется. Вместе с тем судебная защита в таких случаях ограничивается возможностью взыскания компенсации только за три года, предшествующих обращению в суд, если вред не был возмещен ранее (Решение Ишимбайского городского суда Республики Башкортостан №2-5/2020)³.

В результате возникает правовая неопределённость: даже при бессрочности права на возмещение морального вреда, фактическая реализация

¹ Воронцова, М.А., Алексеева, А.А. Актуальные проблемы государственно-правового регулирования в сфере здравоохранения // Право и правосудие в современном мире. – 2023. – С. 860-864

² Галляутдинова, Г.И., Масалимова, А.А. Проблемы правового регулирования оказания медицинских услуг в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – № 1-1 (76). – 2023. – С. 124-128

³ Смирнов, И. Сроки исковой давности для медицинских услуг: что надо знать клиникам // // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://companies.rbc.ru/> (дата обращения 20.04.2026)

требований ограничена установленными временными сроками. Это приводит к тому, что пациент, столкнувшийся с последствиями некачественно оказанной медицинской услуги по прошествии значительного времени, имеет возможность добиться лишь частичного возмещения причинённого ущерба. В данном случае есть необходимость унификации подходов в законодательстве и судебной практике к определению сроков исковой давности.

Таким образом, регулирование общественных отношений в сфере медицинских услуг отличается комплексностью и опирается на значительное количество нормативных правовых актов. Вместе с тем для данной системы характерна несогласованность отдельных положений, многие из которых нуждаются в уточнении и унификации. Представляется, что выработка единого подхода и закрепление норм, учитывающих специфику медицинских услуг и ограниченную применимость общих положений, позволит снизить количество правоприменительных пробелов и проблем.

Библиографический список

1. Воронцова, М.А., Алексеева, А.А. Актуальные проблемы государственно-правового регулирования в сфере здравоохранения // Право и правосудие в современном мире. – 2023. – С. 860-864
2. Галляутдинова, Г.И., Масалимова, А.А. Проблемы правового регулирования оказания медицинских услуг в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – № 1-1 (76). – 2023. – С. 124-128
3. Мазина, Н.Е. Особенности медицинской услуги как объекта гражданских прав // Символ науки. – № 11-2-3. – 2024. – С. 112-115
4. Маресьева, А.С. Медицинские услуги: границы правовых аспектов // Вестник Поволжского института управления. – № 1. – 2026. – С. 124-134
5. Мохов, А.А. Концепция правового регулирования медицинской деятельности // Актуальные проблемы российского права. – № 4 (149). – 2023. – С. 93-104

УДК 347.64

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА

ON THE ACTIVITIES OF GUARD AND CUSTODY BODIES

Савинова Лина Владимировна

магистрант Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

научный руководитель: Крайнова Екатерина Романовна

доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, к.ю.н., доцент

Savinova Lina Vladimirovna

master's student at the Law Institute. MM. Speransky Vladimir State University named after. A.G. and N.G. Stoletovs

scientific supervisor: Kraynova Ekaterina Romanovna

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure at the Law Institute named after M. M. Speransky of the A. G. and N. G. Stoletov Vladimir State University, Candidate of Law, Associate Professor

Аннотация. Данная научная статья ориентирована на исследование правовой основы осуществления органами опеки и попечительства возложенных на них полномочий. Также выявляются проблемы в практике правоприменения, связанной с осуществлением задач в сфере опеки и попечительства данными органами. В качестве выводов обозначаются пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: опека; попечительство; органы опеки и попечительства; защита прав и законных интересов; ответственность.

Abstract. This scientific article focuses on the study of the legal basis for the exercise of guardianship and guardianship authorities assigned to them. Problems in the practice of law enforcement related to the implementation of tasks in the field of guardianship and guardianship by these bodies are also identified. The conclusions identify ways to solve the identified problems.

Keywords: guardianship; trusteeship; guardianship and trusteeship authorities; protection of rights and legitimate interests; responsibility.

В целях защиты и контроля здоровья, имущества, прав и законных интересов подопечных лиц в Российской Федерации был создан институт опеки и попечительства.

Среди состава участников правоотношений опеки и попечительства особое место занимают органы опеки и попечительства, являющиеся административными органами, которые призваны защищать интересы членов семьи. Органы опеки и попечительства действуют на основании Конституции Российской Федерации, норм Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ). Между тем, в связи с важностью защиты прав и интересов подопечных, основы правового статуса органов опеки и попечительства регламентированы законодателем отдельным Федеральным законом «Об опеки и попечительстве» (далее – Федеральный закон № 48).

Круг полномочий органов опеки и попечительства определен в статье 8 Федерального закона № 48, и является довольно обширным¹. В целом, все они сводятся к обеспечению прав на жизнь и воспитание подопечных; защите имущественных и личных неимущественных прав; обеспечению необходимых условий для жизни, способствующих полноценному физическому, нравственному, духовному и интеллектуальному развитию; решению организационных вопросов опеки и попечительства; участие в судебных спорах. Между тем, в настоящее время наблюдается наличие проблемных аспектов, возникающих при реализации возложенных на органы опеки и попечительства задач в Российской Федерации. Более подробно рассмотрим некоторые из них.

Среди первостепенных функций органов опеки и попечительства является выявление лиц, которым необходима государственная защита. Реализуя данное полномочие, орган опеки и попечительства преследует своей целью обнаружение признаков неблагополучия среди граждан (выражающиеся, например, в физическом или эмоциональном насилии, оставлении ребенка без попечения родителей) для их дальнейшей защиты.

Также к компетенции органов опеки и попечительства относится осуществление контроля за условиями жизни и воспитания детей, которые находятся под их надзором, а также за исполнением опекунами и попечителями возложенных на них обязанностей и реализации своих прав². Сотрудник органа опеки и попечительства проводит плановые и внеплановые проверки, оценивает внешний вид, состояние здоровья, воспитание, жилищно-бытовые условия проживания, а также целевое расходование денежных средств подопечных.

В связи с вышеперечисленными полномочиями при обеспечении прав подопечных в практической деятельности органов опеки и попечительства возникает проблема неэффективной организации их деятельности, выражающаяся в отсутствии единого подхода к подготовке специалистов.

¹ Федеральный закон Российской Федерации «Об опеке и попечительстве» от 24.04.2008 № 48-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 17. ст. 1755.

² Колябин А. Ю. Проблемы теории и практики в деятельности органов опеки и попечительства // Вестник ВИЭПП. 2019. № 2. С. 115.

Низкий уровень подготовки среди сотрудников опеки и попечительства совместно с их профессиональной некомпетентностью приводит, к сожалению, к нарушению прав подопечных, а в некоторых случаях и к трагическому исходу.

Так, 15.01.2021 в орган опеки и попечительства администрации МО «Булунский улус (район)» поступило экстренное сообщение от жительницы, состоящей на учете в комиссии по делам несовершеннолетних, которая сообщила об угрозе убийства своих сыновей со стороны мужа. Принятия мер, направленных на защиту подопечных, при наличии обстоятельств, действительно угрожающих жизни и здоровью малолетних, должностные лица не осуществили, что привело к гибели детей. В результате Следственными органами Следственного комитета по Республике Саха (Якутия) было возбуждено уголовное дело о халатности¹.

Проблема бездействия органов опеки и попечительства остается актуальной и по сей день. Так, Октябрьским районным судом г. Орска Оренбургской области 10.04.2026 был вынесен приговор в отношении начальника отдела опеки и попечительства управления образования администрации г. Орска по делу о халатности, повлекшей по неосторожности смерть малолетнего ребенка. Подсудимой не были учтены условия жизни ребенка, не поддалось оценке поведение родителей детей, не был осуществлен должный контроль за деятельностью подчиненных ей сотрудников и не были установлены значимые обстоятельства для изъятия детей из семьи социального риска. То есть, со стороны руководителя надлежащая работа органа опеки и попечительства в полной мере не была организована².

Исходя из изложенного, деятельность органов опеки и попечительства нуждается в системном подходе к подбору, а также обучению специалистов. Эффективными мерами решения проблемы представляется установление единых федеральных стандартов для подготовки соответствующих специалистов, проведение специальных кадровых подготовок, переподготовок и повышение квалификации. Кроме того, необходимо делать акцент в деятельности должностных лиц на практическую педагогику, психологию, а также юриспруденцию.

Орган опеки и попечительства принимает непосредственное участие в процессе назначения опеки и попечительства. При реализации указанного полномочия органы опеки (попечительства) осуществляют проверку граждан, выразивших желание стать опекуном (попечителем): отсутствие судимостей, состояние здоровья (медицинские противопоказания), дееспособность, а также доход. Необходимый перечень документации для кандидата на роль опекуна (попечителя) установлен в правилах подбора, учета и подготовки граждан, выразивших желание стать опекунами или попечителями совершеннолетних

¹ По факту ненадлежащего исполнения должностных обязанностей сотрудниками органа опеки и попечительства возбуждено уголовное дело о халатности // [Электронный ресурс]. URL: <https://ykt.sledcom.ru/news/item/1559280/> (дата обращения: 10.04.2026).

² Официальный сайт Октябрьского районного суда г. Орска Оренбургской области // [Электронный ресурс]. URL: https://oktyabrskyorsk--orb.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=1526 (дата обращения: 12.04.2026).

недееспособных или не полностью дееспособных граждан, принятых постановлением Правительства РФ от 17.11.2010 № 927 (далее – Правила № 927)¹.

Стоит отметить, что на практике встречаются случаи, когда органы опеки и попечительства выходят за рамки норм, установленных действующим законодательством. В частности, гражданин обратился в отдел опеки и попечительства с пакетом документации, необходимой для установления опеки над его недееспособной матерью. В приеме документов было отказано в связи с отсутствием справок о доходе за последние 12 месяцев и отсутствии задолженности по коммунальным платежам. При этом административный орган ссылаясь на административный внутренний регламент, утвержденный в данном органе опеки и попечительства. Не согласившись с решением, гражданин обратился в суд.

Отменяя судебный акт суда первой инстанции, и признавая отказ органа опеки (попечительства) незаконным, апелляционный суд указал, что административный орган не вправе устанавливать дополнительные требования, не предусмотренные федеральным законодательством².

Также органы опеки и попечительства выступают гарантом защиты имущественных прав лиц, находящихся под опекой (попечительством). В частности, им делегировано право на выдачу разрешений на совершение сделок с имуществом подопечных. В статье 21 Федерального закона № 48 указан единый критерий, которым должен руководствоваться орган опеки и попечительства при принятии решения о предварительном разрешении на совершение сделки с недвижимостью, принадлежащей подопечному, а именно: недопущение уменьшения стоимости имущества подопечного.

Между тем, возникает проблема относительно достаточности данного критерия, поскольку часто в правоприменительной практике при сохранении данного критерия выпадают другие, не предусмотренные законодательством, но не менее важные критерии, например, качество жилого помещения, его технические характеристики³. Вследствие этого возникает обратная ситуация: вместо защиты имущественных прав подопечных и обеспечения достойного уровня жизни, происходят различного рода нарушения. В качестве примера, подтверждающего факт формального соответствия акта органа опеки и попечительства правовым нормам, рассмотрим следующую судебную практику.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 17.11.2010 № 927 «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении совершеннолетних недееспособных или не полностью дееспособных граждан» // [Электронный ресурс]: сайт правовой системы Консультант Плюс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107070/39503e61b5523e7f094ea7bc4a11de6078c7109e/ (дата обращения: 12.04.2026).

² Апелляционное определение Камчатского краевого суда от 07.09.2023 по делу № 33а-1682/2023 // [Электронный ресурс]: сайт правовой системы Консультант Плюс: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SODV&n=153800#yJloYFVA3qapm8Sq1> (дата обращения: 12.04.2026).

³ Киселева К.А., Улимаев Р.Ю. Проблемы защиты органами опеки и попечительства имущественных прав малолетних на жилое помещение // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 82.

Так, истица, мать несовершеннолетнего ребенка, обратилась в Верховный Суд Российской Федерации с кассационной жалобой о признании незаконным распоряжения от 02.03.2022 № 9 «Об отказе в выдаче разрешения на продажу жилого помещения с участием несовершеннолетней Антонян Анастасии Максимовны, <...> года рождения» (далее - Распоряжение). Мать подопечной обратилась в орган опеки и попечительства с заявлением о разрешении продать однокомнатную квартиру, в которой ее несовершеннолетней дочери принадлежала доля, с одновременной покупкой двухкомнатной квартиры, указывая на то, что средства, оставшиеся после приобретения новой квартиры, будут зачислены на расчетный счет дочери. Истица привела мотивированное обоснование для выдачи соответствующего разрешения. Однако, орган опеки и попечительства отказал в выдаче Разрешения, ссылаясь на уменьшение имущества несовершеннолетней в результате совершения сделки и ущемление имущественных прав ребенка, несмотря на очевидное улучшения условий проживания¹.

Отменяя нижестоящие судебные акты и признавая незаконным Распоряжение, суд кассационной инстанции указал, что при совершении сделок, связанных с имуществом подопечных, необходимо оценивать все имеющиеся обстоятельства, а не ограничиваться лишь формальными условиями применения норм права. Таким образом, должностные лица должны оценивать реальную выгоду для подопечного.

Органу опеки и попечительства необходимо, в первую очередь, ставить во главу безопасность и защищенность интересов подопечных, любая сделка, совершенная опекуном (попечителем) должна совершаться в интересах лица, находящегося под опекой (попечительством). Одним из решений представленной проблемы является разработка и внедрение дополнительных общих критериев во избежание злоупотреблений и обхода закона.

Подводя итог, стоит отметить, что органы опеки и попечительства выступают гарантом защиты прав и интересов подопечных, и для этого им делегированы различные полномочия. Между тем, на практике часто возникают проблемные аспекты в работе данных органов. В связи с чем, реформирование законодательства, касающегося регулирования деятельности органов опеки и попечительства, необходимо. Реализация предложенных автором мер позволит повысить эффективность работы органов опеки и попечительства, и, следовательно, защиту прав подопечных лиц.

Библиографический список

1. Киселева К.А., Улимаев Р.Ю. Проблемы защиты органами опеки и попечительства имущественных прав малолетних на жилое помещение //

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.08.2023 N 35-КАД23-3-К2 [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-02082023-n-35-kad23-3-k2/> (дата обращения: 13.04.2026).

Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2022. – № 4 (98). – С. 79–85;

2. Колябин А. Ю. Проблемы теории и практики в деятельности органов опеки и попечительства / А. Ю. Колябин // Вестник ВИЭПП. – 2019. – № 2. – С. 113-118.

3. Парий-Сергеенко Е.П. Проблемы правового регулирования института опеки и попечительства // Научный журнал «Эпомен». – 2022. – № 68. – С. 260-268.

УДК 347.451

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ НА ЦИФРОВЫХ ТОРГОВЫХ ПЛАТФОРМАХ КАК ФОРМА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ

CONSUMER EXTREMISM ON DIGITAL TRADING PLATFORMS AS A FORM OF ABUSE OF RIGHTS

Сергеева Анастасия Максимовна

студент Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

научный руководитель: Крайнова Екатерина Романовна

доцент кафедры гражданского права и процесса, к.ю.н., доцент

Sergeeva Anastasia Maksimovna

student at the Law Institute M.M. Speransky Vladimir State University named after. A.G. and N.G. Stoletovs

scientific supervisor: Kraynova Ekaterina Romanovna

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Candidate of Legal Sciences

Аннотация. В статье исследуется феномен потребительского экстремизма на цифровых торговых платформах как специфической формы злоупотребления правом в гражданском праве. Автор анализирует правовую природу этого явления и выявляет особенности его проявления в условиях дистанционного взаимодействия сторон. На основе изучения законодательства, научной доктрины и судебной практики формулируются предложения по совершенствованию механизмов противодействия потребительскому экстремизму в цифровой среде.

Ключевые слова: потребительский экстремизм; цифровые торговые платформы; злоупотребление правом; недобросовестный потребитель; защита прав потребителей.

Abstract. This article examines the phenomenon of consumer extremism on digital trading platforms as a specific form of abuse of civil law. The author analyzes the legal nature of this phenomenon and identifies the specifics of its manifestation in the context of remote interaction between parties. Based on a study of legislation, scientific doctrine, and judicial practice, proposals are formulated to improve mechanisms for combating consumer extremism in the digital environment.

Keywords: consumer extremism; digital trading platforms; abuse of rights; dishonest consumer; consumer protection.

В гражданских правоотношениях потребитель рассматривается законодателем как наиболее уязвимая сторона, нуждающаяся в предоставлении дополнительных правовых гарантий. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) закрепляет широкий перечень прав данной категории граждан, объём которых существенно превышает количество обязанностей. В связи с этим на продавца возлагается повышенный уровень ответственности.

Вместе с тем предусмотренные механизмы защиты обеспечивают не только охрану интересов потребителя, но и создают предпосылки для их недобросовестного использования.

В соответствии с пунктом 1 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации злоупотребление правом может выражаться в действиях, совершаемых с намерением нанести вред другому лицу, в обходе закона с противоправной целью, а также в иных формах недобросовестного осуществления гражданских прав¹.

В контексте потребительских правоотношений злоупотребление правом приобретает специфические черты и обозначается в научной литературе термином «потребительский экстремизм». В рамках настоящей статьи под потребительским экстремизмом понимаются недобросовестные действия потребителя, выражающиеся в формальном использовании предоставленных ему законом прав вопреки их назначению и направленные на формирование искусственных оснований для извлечения материальной выгоды за счёт продавца.

Особую актуальность данная проблема приобретает в условиях цифровой трансформации экономики. Развитие электронных торговых платформ кардинально изменило характер взаимодействия продавца и покупателя, что неизбежно отразилось на способах осуществления и защиты субъективных прав. Возникшая цифровая среда, с одной стороны, сделала процесс приобретения товаров более удобным для покупателей, но с другой стороны, расширила спектр возможностей для злоупотребления правом, придав известным ранее формам новые масштабы.

Какие же механизмы злоупотребления формируются в условиях функционирования онлайн-платформ? Рассмотрим некоторые из них.

З. З. Маздогова и С. И. Балаева отмечают, что одной из самых распространённых форм злоупотребления потребительскими правами выступает использование товара для краткосрочного пользования с последующим возвратом². Суть данной схемы заключается в том, что покупатель использует

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. Ст. 10.

² Маздогова З. З., Балаева С. И. Экстремизм в сфере потребления как фактор влияния на экономическую безопасность торговой сферы // Индустриальная экономика. – 2022. С. 753.

товар в течение непродолжительного времени, к примеру, для участия в торжественном мероприятии или фотосессии, а после возвращает его продавцу, ссылаясь на статью 25 Закона о защите прав потребителей. Указанная норма наделяет потребителя правом обменять непродовольственный товар надлежащего качества на аналогичный у того же продавца в течение четырнадцати дней, если приобретённый товар не подошёл по определённым параметрам¹. В случае отсутствия у продавца подходящего для обмена товара потребитель, руководствуясь частью 2 указанной статьи, вправе потребовать возврата уплаченной денежной суммы². Недобросовестный покупатель, зная об этом, может заранее сделать вид, что предлагаемый для обмена товар ему не подходит, фактически используя приобретённую вещь на безвозмездной основе.

Необходимо отметить, что подобная практика существовала и до появления цифровых торговых платформ. Однако именно онлайн-платформы в значительной степени упростили её реализацию, сделав её более удобной и менее рискованной для недобросовестного потребителя. В соответствии с частью 4 статьи 26.1 Закона о защите прав потребителей по общему правилу покупатель может вернуть товар в течение семи дней³. Но в чём же заключается упрощение?

В отличие от обычного магазина продавец не может сразу создать условия для быстрого обмена товара, приёмка которого осуществляется через пункт выдачи заказов или посредством курьерской службы доставки. В результате покупателю просто возвращают уплаченную денежную сумму с расчётом на то, что он приобретёт другой товар. Стоит упомянуть, что в законе не содержится обязанности покупателя обосновывать свой отказ от вещи.

Продавец, столкнувшийся с такой ситуацией, оказывается в уязвимом положении. На маркетплейсах существует большая конкуренция за внимание потребителя. Любой негативный отзыв о товаре способен повлиять на его рейтинг, а также на его позицию при поиске, что напрямую отражается на объёмах продаж. Исходя из этого, продавец, опасаясь изменения репутационных показателей в худшую сторону, как правило, предпочитает удовлетворять требования покупателя, избегая конфликта. Восстановление репутации требует от продавца значительных временных и финансовых затрат, что делает данную форму потребительского экстремизма особенно чувствительной для субъектов торговли в цифровом пространстве.

А. Н. Сторожева, Е. В. Дадаян и А. С. Горелова выделяют такую форму потребительского экстремизма на маркетплейсах, как возврат товара, бывшего в употреблении, под предлогом обнаружения скрытого недостатка с применением репутационного давления на продавца⁴. В ряде случаев возможно, что дефекты, на которые ссылается покупатель, могли стать следствием небрежной

¹ Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 28.12.2025, с изм. от 17.02.2026) "О защите прав потребителей" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1992. – № 15. Ст. 25.

² Там же. Ст. 25.

³ Там же. Ст. 26.1.

⁴ Сторожева А.Н., Дадаян Е. В., Горелова А. С. Потребительский экстремизм // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 4. С. 348.

эксплуатации товара им самим. Вместе с тем в соответствии с частью 1 статьи 18 Закона о защите прав потребителей покупатель вправе требовать возврата уплаченной суммы¹. Таким образом, после того как покупатель извлёк полезные свойства из вещи, он стремится переложить последствия собственной неаккуратности на продавца, который, понимая его истинные намерения и опасаясь за свою репутацию, вынужденно идёт на уступки.

Ещё одной формой является подмена оригинального товара на контрафактный при оформлении возврата в соответствии с вышеупомянутой статьёй 26.1 Закона о защите прав потребителей. З. З. Маздогова и С. И. Балаева отмечают, что данное действие является преступлением². Подобные случаи известны и при традиционной розничной купле-продаже. Однако цифровые платформы создают благоприятные условия для масштабирования данной формы потребительского экстремизма.

В обычной торговой точке возврат товара осуществляется при непосредственном контакте покупателя с продавцом (или сотрудником магазина), при котором продавец может оценить подлинность товара. В случае обнаружения факта подмены у продавца есть высокая вероятность идентифицировать недобросовестного покупателя, к примеру, путём восстановления хронологии событий и просмотра записей камер видеонаблюдения.

Иная ситуация складывается на цифровых торговых платформах, где покупатель осуществляет возврат не самому продавцу, а работнику пункта выдачи заказов, который не обладает специальными познаниями для установления оригинальности товара. В результате товар проходит через определённый логистический путь и поступает к продавцу. Установление личности лица, осуществившего подмену, становится практически невозможным. Неблагоприятные последствия, которые в данном случае претерпевает продавец, имеют комплексный характер. Ключевым из них являются прямые финансовые потери в размере стоимости оригинального товара. Контрафактное изделие не подлежит дальнейшей реализации. Таким образом, разрыв между продавцом и покупателем, характерный для дистанционной торговли, создаёт условия для совершения безнаказанной подмены товаров.

Показательным примером, иллюстрирующим описанную форму потребительского экстремизма и подтверждающим наличие указанной проблемы в правоприменительной практике является Решение Арбитражного суда города Москвы от 08.11.2021 года по делу № А40-113779/2021. Продавец передал на хранение маркетплейсу два робота-пылесоса, которые впоследствии были проданы через платформу. Доставка покупателю пылесосов осуществлялась курьерской службой, которую привлекла сама платформа. Однако покупатель вступил в сговор с курьером и при возврате заказа подменил

¹ Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 28.12.2025, с изм. от 17.02.2026) "О защите прав потребителей" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1992. – № 15. Ст. 18.

² Маздогова З. З., Балаева С. И. Указ. соч. С. 753.

оригинальные товары на иные изделия. Маркетплейс принял возврат без должной проверки и в результате с него была взыскана сумма убытков в размере стоимости двух пылесосов и расходы по уплате государственной пошлины¹.

Рассмотренные нами злоупотребления свидетельствуют о необходимости выработки механизмов противодействия потребительскому экстремизму на цифровых торговых площадках. Несмотря на то, что описанные нами схемы существовали и до появления цифровой среды, именно она сделала их реализацию значительно проще, а выявление более затруднённым. Отсутствие прямого контакта между продавцом и покупателем способствует распространению потребительского экстремизма.

В связи с этим представляется необходимым уточнение в законодательстве правовых последствий злоупотребления правом и выработки критериев его определения в цифровой торговле. Помимо этого, важным направлением противодействия данному явлению выступает повышение правовой грамотности продавцов, что позволит им разграничивать добросовестные механизмы защиты потребителем своих прав от случаев злоупотребления ими.

Библиографический список

1. Маздогова, З. З. Экстремизм в сфере потребления как фактор влияния на экономическую безопасность торговой сферы / З. З. Маздогова, С. И. Балаева // Индустриальная экономика. – 2022. С. 751-754.

2. Сторожева, А.Н. Потребительский экстремизм / А.Н. Сторожева, Е. В. Дадаян, А. С. Горелова // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 4. С. 347-349.

¹ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 8 октября 2021 г. по делу N А40-113779/2021.

УДК 347.9

**ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ СПОРОВ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ
И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО
В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

**THE SPECIFICS OF THE CONSIDERATION OF DISPUTES
ON THE PROTECTION OF THE RIGHTS AND LEGITIMATE
INTERESTS OF MINORS IN CIVIL PROCEEDINGS**

Тишина Екатерина Николаевна

магистрант Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

научный руководитель: Кивленок Татьяна Валентиновна

заведующий кафедрой гражданского права и процесса, к.ю.н., доцент

Tishina Ekaterina Nikolaevna

master's student at the Law Institute. MM. Speransky Vladimir State University named after. A.G. and N.G. Stoletovs

scientific supervisor: Kivlenok Tatyana Valentinovna

Head of the Department of Civil Law and Procedure, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Аннотация. Исследуемая тема в статье посвящена особенностям рассмотрения споров по защите прав и законных интересов несовершеннолетнего в гражданском судопроизводстве. В статье дается подробный анализ ведения судами дел по данной категории спора. Делаются выводы относительно рассмотрения судами дел, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство; защита прав и законных интересов несовершеннолетних; гражданское судопроизводство; участие несовершеннолетнего в суде.

Annotation. The topic under study in the article is devoted to the specifics of dispute resolution for the protection of the rights and legitimate interests of minors in civil proceedings. The article provides a detailed analysis of the court's handling of cases in this category of dispute. Draws conclusions regarding the court's handling of cases related to the protection of the rights and legitimate interests of the child.

Keywords: civil proceedings; protection of the rights and legitimate interests of minors; civil proceedings; participation of minors in court.

В силу статьи 46 Конституции Российской Федерации каждому, в том числе и ребенку гарантируется судебная защита его прав и свобод. Статья 3 ГПК РФ гласит, что каждый имеет право на обращение в суд, однако самостоятельно ребенок не может обратиться за восстановлением своих нарушенных прав. Как гласил Гражданский процессуальный кодекс несовершеннолетние, достигшие возраста 14-ти лет, вступившие в брак или обладающие полной дееспособностью (эмансипацией) в праве самостоятельно обратиться в суд за восстановлением своих нарушенных прав. Однако, на практике, в силу отсутствия понимания своих законных прав и юридической неграмотности по объективным причинам, не могут самостоятельно защищать свои права. Нельзя недооценивать такие препятствия, как сложность судебной системы, незнание своих прав и важной информации, например, о том, как получить правовую помощь.¹

В первую очередь за соблюдением прав, а в случае их нарушения, за восстановлением, должен обратиться законный представитель несовершеннолетнего (родители, опекуны). Их роль в жизни ребенка очень важна, поскольку именно законные представители действуют в интересах несовершеннолетнего, именно на них возложена обязанность по соблюдению защиты прав и законных интересов их ребенка.

В случае обращения в суд законных представителей, выступающих в защиту прав и законных интересов своего несовершеннолетнего ребенка, например, по спору о взыскании морального вреда, связанных с причинением вреда здоровью, то судом обязательно привлекается несовершеннолетний (с учетом его возраста), а в случае достижения 10-летнего возраста, то опрашивает его в судебном заседании с участием прокурора, органов опеки и попечительства и педагога, в отсутствие сторон.

По спорам, связанных с определением места жительства ребенка, порядка общения с ребенком, ограничении или лишении в родительских правах судом запрашивается определенный ряд характеризующих документов на родителей несовершеннолетнего (сведения о судимости, о привлечении к административной ответственности по ст. 5.35 КоАП РФ, объективные характеристики из отдела полиции по месту жительства, из здравоохранительных учреждений о нахождении на учете у врача-нарколога или врача-психиатра, сведения о доходах, о наличии/отсутствия объектов движимого или недвижимого имущества и другие), в том числе запрашиваются в органах опеки и попечительства акты обследования жилищно-бытовых условий несовершеннолетнего как у матери, так и у отца (при раздельном проживании), это необходимо для подтверждения того, что ребенок содержится в надлежащих условиях, имеет все необходимо для нормальной жизнедеятельности и развития.

В некоторых, спорных, случаях судом назначается судебная психолого-педагогическая экспертиза. В рамках данной экспертизы, специалисты, обладающие специальными познаниями в области психологии и педагогики,

¹ Лиефаард Т. Доступ к правосудию для детей: на пути к специальной программе исследования и ее осуществлению // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. - Сер. 4: Государство и право. - 2021. - N 1. - С. 217

проводят исследования, беседы, тесты с несовершеннолетним и его родителями. Данные экспертизы назначаются судом при ситуациях, когда необходима помощь специалиста в разрешении того или иного вопроса. Государственная психолого-педагогическая экспертиза призвана отразить ситуацию в целом, в совокупности собранных материалов, исследуя жилищно-бытовые условия детей, их психологическое состояние, отношения детей к каждому из родителей, условия воспитания, психологическое состояние ребёнка в сложившейся ситуации, что позволит исключить влияние родителей на несовершеннолетнего. Поможет установить доказательства в исполнении родителями своих обязанностей в интересах детей или нет, установит индивидуально-личностные особенности родителей в познавательной, эмоциональной, волевой сферах; установки и доминанты поведения (особенно действующие в конфликтных ситуациях, типичные способы разрешения конфликтов); основные линии поведения в семье; структуру потребностей и социальных ценностей; выявление истинных и мнимых причин семейного конфликта.¹

Часто, на стадии рассмотрения судами таких дел как ограничение или лишения в родительских правах, определение места жительства ребенка, порядок общения с ребенком, стороны (родители) могут вести себя недобросовестно, «делить» ребенка, оказывать не него психологическое давление. В случае, установления данного факта судом, суд вправе по собственной инициативе или по ходатайству стороны наложить обеспечительные меры на период рассмотрения данного гражданского дела и определить определенный порядок общения с ребенком или его место жительства. Обеспечение иска выноситься только на период рассмотрения данного гражданского дела и отменяется тем же судом при вынесении окончательного судебного акта (где это и прописывается). Наложение обеспечительных мер, в ходе судебного разбирательства, не означает принятия судом позиции одной из сторон, суд действует всегда исключительно в интересах ребенка.

По завершению судебного следствия, при рассмотрении вышеуказанных категорий дел, судом заслушиваются заключение органов опеки и попечительства на основании ст. 47 ГПК РФ и прокурора на основании ст. 45 ГПК РФ, которые излагают свою позицию, как органы, дающие заключение по рассматриваемому делу.

Защита прав и законных интересов несовершеннолетнего является важной задачей демократического государства. Задача государства перед несовершеннолетним – обеспечить надежную защиту его прав и законных интересов, а в случае их нарушения обратиться в соответствующие инстанции за их восстановлением.

Нередко встречаются случаи, когда дети могут сталкиваться и с дополнительными правовыми препятствиями, в силу того, что им отказано в правосубъектности, процессуальной правоспособности или личном

¹ Сахнова Т.В. Судебно-психологическая экспертиза в гражданском процессе. – Красноярск. - 1990. - С. 120.

представителе. Эта проблема особенно значима в ситуации конфликта между ребенком и его законным представителем.¹

В случае установления органами опеки и попечительства нарушений со стороны законных представителей несовершеннолетнего его прав, то они вправе выйти в суд с отдельным исковым заявлением об ограничении или лишении в родительских правах и передачи несовершеннолетнего на попечение государству для дальнейшего определения ребенка в то или иное учреждение или на опеку ближайшему родственнику (при его согласии) или в дальнейшем другой семье.

При рассмотрении судами дел данной категории спора роль самого несовершеннолетнего немало важна. Данная особенность ведения дел ничем не будет отличаться от той, что описана выше. В случае, если ребенок достиг 10-ти летнего возраста, то он вправе высказать свое мнение относительно поданного искового заявления. Опрос несовершеннолетнего производится исключительно только с участием председательствующего по делу, секретаря судебного заседания (или помощника судьи), представителя отдела опеки и попечительства, прокурора и педагога. Педагог, принимающий участие при опросе несовершеннолетнего в порядке ст. 189 ГПК РФ в деле должен иметь высшее педагогическое образование. Критерий относительно того, что он должен преподавать в каком-либо учебном заведении в законодательстве отсутствует. Педагог, участвующий в допросе несовершеннолетнего свидетеля, не оказывает суду техническую помощь, но может давать консультации и пояснения по вопросам, за исключением оценки личности свидетеля и содержания данных им показаний.² Опрос несовершеннолетнего производится без участия иных лиц, участвующих в деле в целях избежание давления на несовершеннолетнего и установления объективной истины по делу.

Опираясь на собственную практику, могу выделить, что при опросе несовершеннолетнего судом, ребенок испытывает страх, волнение, тревожность, поэтому роль органов опеки и попечительства и педагога очень важна при его опросе. Именно они должны создать для ребенка чувство безопасности, защиты и уверенности. Повторюсь, что вследствие этого, опрос несовершеннолетнего производится без участия сторон (родителей). Важным в опросе ребенка является факт отсутствия какого-либо давления на него, он должен говорить только те обстоятельства, которые ему известны, и выражать только свое личное мнение.

Обращая внимания на тот факт, что в суды иногда обращаются лица, которые имеют процессуальное и материальное право обратиться в суд с данным иском, по данной категории спора, но их юридический интерес не усматривается судами. Так, данным лицам Якушев П.А. в своей работе дает понятие «нетипичные истцы». Под нетипичным истцом понимается, что это лицо, имеющее материальное и процессуальное право на иск, но юридический

¹ Лиефаард Т. Там же

² Тетюев С.В. Участие педагога в гражданском судопроизводстве России и других стран СНГ // Российский юридический журнал. - 2023. - N 4. С. 89 – 97.

интерес, которого неочевиден, напрямую не усматривается из избранного способа защиты, либо лицо, правовое регулирование полномочий которого на обращение в суд в интересах материального истца имеет недостатки¹.

Нельзя не отметить, что при подаче искового заявления в суд, одного из родителей к другому родителю, например, по спору об определении порядка общения с ребенком, когда одна сторона препятствует другой общаться с ребенком, заявитель, также защищает свои права и действует в своих интересах.

Нередко, в судебной практике, встречаются случаи, когда подаются иски об определении места жительства ребенка, хотя спор о месте проживания с ребенком у сторон (матери и отца) отсутствует. Так, например, для получения выплаты/пособия по линии Социального Фонда необходимо установить факт проживания ребенка с одним из родителей. В данном случае, юридический интерес у стороны заявителя будет не в защите прав несовершеннолетнего, а только в своем личном, что в целом нарушает принцип, механизм и порядок рассмотрения судом спора данной категории.

Важной категорией дел, связанных с защитой прав и законных интересов несовершеннолетних, является усыновление. Заявление об усыновлении рассматривается судами в особом производстве, в закрытом судебном заседании, без ведения аудио протокола судебного заседания. К участию в деле по таким делам привлекается орган опеки и попечительства на основании ст. 47 ГПФ РФ и прокурор в соответствии со статьей 45 ГПФ РФ. Председательствующим в обязательном и установленном порядке разъясняются положения статей 139 СК РФ, 155 УК РФ о тайне усыновления. В закрытом судебном заседании заслушиваются мнения лиц, участвующих в деле, выясняется намерения заявителя, выясняется его связь с ребенком, личные взаимоотношения. В случае, если ребенок, в отношении которого подано заявление, достиг возраста 14-ти лет, то он также привлекается судом к участию в деле, а с достижения возраста 10-ти лет опрашивается в судебном заседании.

Изучая все особенности рассмотрения гражданских дел, связанных с защитой прав и интересов несовершеннолетнего, можно сделать вывод, что происходит четкий механизм и законные процедуры по недопущению нарушений прав ребенка. Судами, при рассмотрении дел данной категории запрашиваются, исследуются, проверяются все необходимые материалы для установления объективной истины по делу. Существенным доказательством при рассмотрении таких дел являются показания несовершеннолетнего, его мнение по существу спора, именно оно ложится в основу окончательного решения по спорам, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка.

¹ Якушев П.А. Нетипичные истцы в спорах о воспитании детей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - 2018. - N 2. - С. 189.

Библиографический список

1. Лиефаард Т. Доступ к правосудию для детей: на пути к специальной программе исследования и ее осуществлению // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. 2021. N 1. С. 217.

2. Сахнова Т.В. Судебно-психологическая экспертиза в гражданском процессе. - Красноярск, 1990. С. 120.

3. Тетюев С.В. Участие педагога в гражданском судопроизводстве России и других стран СНГ // Российский юридический журнал. 2023. N 4. С. 89 – 97.

4. Якушев П.А. Нетипичные истцы в спорах о воспитании детей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. N 2. С. 189.

УДК 347.13

**ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ
ОТ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В ГРАЖДАНСКИХ
ПРАВООТНОШЕНИЯХ**

**THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH: AS A TOOL TO PROTECT AGAINST
ABUSE OF LAW IN CIVIL LAW RELATIONS**

Улискова Арина Игоревна

студент Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Научный руководитель: Крайнова Екатерина Романовна, доцент кафедры гражданского права и процесса, к.ю.н., доцент

Uliskova Arina Igorevna

student of the M.M. Speransky Law Institute of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov

Scientific supervisor: Ekaterina Romanovna Krainova, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Candidate of Law, Associate Professor

Аннотация. Статья посвящена принципу добросовестности как ключевой правовой механизм, ограничивающий злоупотребление субъективными гражданскими правами. Анализируются нормативные основания принципа, его доктринальное соотношение с категорией злоупотребления правом, а также конкретные механизмы реализации — презумпция добросовестности, эстоппель и судебное усмотрение. Особое внимание уделяется современным вызовам, связанным с цифровизацией гражданского оборота, и сравнительно-правовым аспектам. Делается вывод о том, что эффективность принципа добросовестности как защитного инструмента зависит от его гибкости и способности адаптироваться к изменяющимся общественным отношениям.

Ключевые слова: принцип добросовестности, злоупотребление правом, презумпция добросовестности, обход закона, цифровизация гражданского оборота.

Abstract. The article is devoted to the principle of good faith as a key legal mechanism limiting the abuse of subjective civil rights. The article analyzes the normative foundations of the principle, its doctrinal relationship with the category of abuse of law, as well as specific implementation mechanisms — the presumption of good faith, estoppel, etc. Special attention is paid to modern challenges related to the digitalization of civil turnover and comparative legal aspects. It is concluded that the

effectiveness of the principle of good faith as a protective tool depends on its flexibility and ability to adapt to changing social relations.

Keywords: the principle of good faith, abuse of law, presumption of good faith, circumvention of the law, digitalization of civil turnover.

Принцип добросовестности занимает центральное место в системе принципов современного гражданского права. В отличие от формальных правовых предписаний, этот принцип обращён к нравственным основаниям поведения участников оборота, позволяя правоприменителю оценивать действия сторон не только с точки зрения их формальной законности, но и с позиций справедливости и разумности. В юридической литературе добросовестность нередко характеризуется как «способность личности самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности и обеспечивать их исполнение».¹ Именно эта особенность превращает принцип добросовестности в универсальный инструмент противодействия злоупотреблению правом — явлению, при котором лицо, формально действуя в пределах предоставленных ему правомочий, на деле использует их в противоречии с их социальным назначением.

Актуальность обращения к данной теме обусловлена не только сохраняющимися доктринальными дискуссиями о соотношении добросовестности и запрета злоупотребления правом, но и практическими вызовами, с которыми сталкиваются суды при квалификации недобросовестного поведения в условиях цифровизации экономических отношений и усложнения гражданского оборота.

В цивилистической науке сложилось несколько подходов к пониманию взаимосвязи рассматриваемых категорий. Одна из позиций трактует добросовестность как более широкое правовое явление, включающее в себя и злоупотребление субъективным правом. Согласно иному взгляду, категория злоупотребления правом уже содержит в себе нарушение принципа добросовестности, поэтому выделение добросовестности в качестве самостоятельной категории применительно к злоупотреблениям не имеет смысла.

Е. М. Полтавец, автор одной из актуальных работ по этой проблематике, приходит к выводу, что «поскольку категория злоупотребления субъективным правом уже включает в себя принцип добросовестности (нарушение принципа добросовестности приравнивается к злоупотреблению субъективным правом), то говорить о выделении самостоятельной категории добросовестности (когда речь идет о злоупотреблениях субъективным правом) не имеет смысла»². Вместе с тем большинство исследователей сходятся в том, что доктринальное

¹ Федосов Е. Э. Реализация принципа добросовестности в современном гражданском праве / Е. Э. Федосов // Молодой учёный. -2025. -№ 20 (571). Ст.593-596.

² Полтавец Е. М. Добросовестность и злоупотребление субъективным правом: соотношение правовых категорий / Е. М. Полтавец // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». -2025. -№ 3 (59). С. 94-101.

понимание принципа добросовестности должно наполняться содержанием нормы закона, даже если их буквальные формулировки несовершенно.

Принцип добросовестности реализуется через систему конкретных правовых механизмов. Первым из них является презумпция добросовестности, которая перераспределяет бремя доказывания: сторона, утверждающая о недобросовестности контрагента, обязана представить соответствующие доказательства, причём суд может усмотреть недобросовестность и по собственной инициативе при очевидном отклонении поведения участника оборота от добросовестных стандартов. Вторым механизмом выступают последствия злоупотребления правом, предусмотренные п. 2 ст. 10 ГК РФ: отказ в защите права полностью или частично, а также применение иных мер, обеспечивающих защиту интересов добросовестной стороны.¹

Особого внимания заслуживает эстоппель — правило о запрете противоречивого поведения. Родившись в англосаксонской правовой семье, эстоппель воспринят российской судебной практикой как частное проявление принципа добросовестности.² Верховный Суд РФ неоднократно указывал на обязательность применения этого правила: содержанием принципа эстоппеля является «недопустимость противоречивого и непоследовательного поведения участника правоотношений, ущемляющего интересы других участников правоотношений либо посягающего на публичные интересы, права и охраняемые законом интересы третьих лиц». Показательным является пример из арбитражной практики: суд расценил как злоупотребление правом поведение фермера, который в течение полугода исполнял договор поставки, не заявляя о недостатках товара, и лишь в судебном процессе выдвинул соответствующий довод, указав, что «принцип эстоппель не позволяет участникам гражданского оборота кардинально менять свою позицию в ущерб контрагенту».

Цифровизация гражданского оборота вносит коррективы в применение принципа добросовестности. Субъектам становится всё сложнее доказать своё извинительное незнание, поскольку многочисленные цифровые сервисы предоставляют возможность проверить контрагента. Само наполнение понятия «добросовестность» в условиях цифровизации не меняется, однако существенно трансформируются критерии его определения и, как следствие, механизмы привлечения к ответственности за недобросовестное поведение.³

Сравнительно-правовой анализ показывает, что принцип добросовестности закреплён в правовых системах стран как континентального, так и общего права, однако содержание этого принципа существенно различается. Во Франции традиционно широкое толкование добросовестности (*bonne foi*) закреплено в ст. 1134 и 1135 Французского гражданского кодекса. В Германии принцип добросовестности (*Treu und Glauben*) имеет

¹ Демишева К. И. Пределы добросовестности и начала злоупотребления правом в гражданском праве / К. И. Демишева // Современное право. -2025. № 8. -Ст. 84–92.

² Бурнос Е. Н. Эстоппель: возможность правоприменения в трудовых спорах // Российский судья. -2026. -№ 1. -Ст. 29–33.

³ Шухарева А.В. Влияние цифровых технологий на критерии недобросовестности в гражданских правоотношениях // Юридический мир. -2024. -№ 7. -Ст. 22-25

фундаментальное значение и закреплён в § 242 Германского гражданского уложения. Англосаксонская традиция, напротив, долгое время отвергала общий принцип добросовестности, допуская лишь его частичное признание в отдельных категориях дел¹. Российская модель, воспринявшая континентальные подходы, демонстрирует устойчивую тенденцию к расширению сферы применения принципа добросовестности и его конкретных проявлений, таких как эстоппель.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Принцип добросовестности выполняет в гражданском праве двоякую функцию: с одной стороны, он задаёт стандарт должного поведения участников оборота, с другой — служит инструментом пресечения злоупотреблений правом. Его эффективность как защитного механизма обусловлена гибкостью оценочных критериев, позволяющих суду учитывать конкретные обстоятельства дела, и одновременной опорой на формализованные правила, такие как презумпция добросовестности и эстоппель. В условиях цифровизации и усложнения экономических связей значение этого принципа будет только возрастать, что требует дальнейшего доктринального осмысления и совершенствования правоприменительных практик.

Библиографический список

1. Бурнос Е. Н. Эстоппель: возможность правоприменения в трудовых спорах // Российский судья. -2026. -№ 1. -Ст. 29–33.
2. Демишева К. И. Пределы добросовестности и начала злоупотребления правом в гражданском праве / К. И. Демишева // Современное право. -2025. № 8. -Ст. 84–92.
3. Полтавец Е. М. Добросовестность и злоупотребление субъективным правом: соотношение правовых категорий / Е. М. Полтавец // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». -2025. -№ 3 (59). Ст. 94-101.
4. Современная концепция добросовестности в обязательственном праве Франции, Германии, США и Англии [Электронный ресурс] // Open Repository. - 2021. -URL: <https://www.openrepository.ru> .
5. Федосов Е. Э. Реализация принципа добросовестности в современном гражданском праве / Е. Э. Федосов // Молодой учёный. -2025. -№ 20 (571). Ст.593-596.
6. Шухарева А.В. Влияние цифровых технологий на критерии недобросовестности в гражданских правоотношениях // Юридический мир. - 2024. -№ 7. -Ст. 22-25.

¹ Современная концепция добросовестности в обязательственном праве Франции, Германии, США и Англии [Электронный ресурс] // Open Repository. -2021. -URL: <https://www.openrepository.ru>

УДК 347.77

ВВЕДЕНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЯ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОТКАЗА В РЕГИСТРАЦИИ ТОВАРНОГО ЗНАКА

INTRODUCING CONSUMER CONFUSION AS A BASIS FOR TRADEMARK REGISTRATION REFUSAL

Ухолова Анна Олеговна

магистрант Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

научный руководитель: Крайнова Екатерина Романовна

доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, к.ю.н., доцент.

Uholova Anna Olegovna

master's student at the Law Institute. MM. Speransky Vladimir State University named after. A.G. and N.G. Stoletovs.

scientific supervisor: Kraynova Ekaterina Romanovna

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure at the Law Institute named after M. M. Speransky of the A. G. and N. G. Stoletov Vladimir State University, Candidate of Law, Associate Professor.

Аннотация. В данной научной статье рассматривается такое основание для отказа в регистрации товарного знака как введение потребителя в заблуждение, анализируются его критерии. Автором приводятся примеры оценки Роспатента потенциальной возможности формирования у потребителя ложного мнения относительно товара на основе его товарного знака, выделяются противоречия и предлагается способ совершенствования данного института с целью защиты прав не только потребителей, но и правообладателей.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, товарный знак, введение потребителя в заблуждение, регистрация товарного знака.

Abstract. This scientific article examines the grounds for refusing trademark registration based on consumer deception and analyzes its criteria. The author provides examples of how the Russian Patent Office assesses the potential for creating a false impression among consumers regarding a product based on its trademark. Contradictions are highlighted, and a method for improving this institution is proposed to protect the rights of both consumers and trademark holders.

Keywords: intellectual property, trademark, consumer deception, trademark registration.

Введение потребителя в заблуждение наряду со сходством до степени смешения и отсутствием у обозначений различительной способности традиционно является одним из наиболее распространенных оснований для отказа в регистрации товарного знака.

В силу того, что данный критерий по своей сути является довольно субъективным, конкретные признаки сходства не установлены, именно проблемные вопросы установления возможности введения потребителя в заблуждение часто становятся предметом рассмотрения в Палате по патентным спорам и Суде по интеллектуальным правам.

В поисках причины столь частого отказа в регистрации товарного знака по указанному основанию, ученые-цивилисты приходят к выводу, что в большинстве случаев Роспатент и суды не проводят чёткого разграничения между институтами нарушения, связанными с введением в заблуждение, и сходствами, достигающими степени смешения, рассматривая их в совокупности¹.

Кроме того, значительная степень субъективности обусловлена тем, что подтверждение или опровержение потенциальной возможности к введению в заблуждение базируется на основании реакции рынка при реализации товаров или услуг, в связи с чем профессиональный эксперт может выдвигать лишь собственные субъективные предположения относительно данного вопроса.

Как отмечает Э.П. Гаврилов в постатейном Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса, «само введение в заблуждение относительно товара или его изготовителя происходит при использовании товарного знака. Любые попытки до этого момента определить возможность введения потребителя в заблуждение – умозрительны, а потому не являются точными»².

Фактически получается, что потребителя вводят в заблуждение уже после регистрации товарного знака, в процессе его использования на определенных товарах, в то время как эксперту необходимо установить, сходный ли товарный знак, поданный на регистрацию, до степени смешения с уже зарегистрированным, до попадания маркированных товаров на рынок.

Так как различительная способность является немаловажным критерием охраноспособности товарного знака, то вопрос о введении потребителей в заблуждение относительно средств индивидуализации товаров и услуг приобретает особую актуальность.

Чаще всего Роспатент отказывает в регистрации товарного знака по причине введения потребителя в заблуждение, когда название не соответствует продаваемой продукции или оказываемой услуги.

¹ Губаева Е.А. Введение потребителя в заблуждение как основание для отказа в предоставлении правовой охраны товарному знаку // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2021. – №1. – С. 37.

² Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // – М.: Экзамен, 2009. – С. 585.

Так, например, Палата по патентным спорам пришла к выводам, что обозначение «sweet nuts» в отношении пищевой продукции (30 класс МКТУ: продукты питания растительного происхождения, например, крупы, лапша, мучные изделия, специи) потенциально способно ввести потребителя в заблуждение, поскольку, как правило, такие продукты не содержат в составе орехи. Кроме того, в отношении второй части товаров, сладостей, был так же сделан вывод, что потребители могут расценить указанное название как фактическое содержание орехов в реализуемой продукции. Представляется целесообразным, что такой формальный подход применим только во втором случае, так как действительно среднестатистический потребитель может сделать вывод о содержании орехов в шоколаде или печенье, но никак в составе лапши или крупы.

На примере тех же кондитерских изделий рассмотрим обозначение «ШОКОЛАДНАЯ МЯТА» по заявке № 2010702873, в регистрации которого Роспатентом было отказано в отношении товара «мята для кондитерских изделий», а для других товаров – по мотиву введения потребителя в заблуждение, так как эксперт установил, что существовании особого сорта, «шоколадной мяты», листья которой имеют шоколадный оттенок, может создать у потребителей ложное представление о компонентах данной продукции.

В связи с таким формальным подходом, представляется разумной позиция Роспатента, которая позже нашла отражение в судебной практике, согласно которой если обозначение может ввести потребителя в заблуждение, но при этом такое заблуждение объективно не является правдоподобным, то нецелесообразно отказать в регистрации такого товарного знака.

Например, Суд по интеллектуальным правам в деле № СИП-282/2015 установил, что обозначение «Мягкий хлеб» не может быть зарегистрировано в отношении алкогольной продукции, так как алкоголь не содержит хлеб, что вводит потребителя в заблуждение. Президиум Суда по интеллектуальным правам в своем постановлении от 25 января 2016 г. № С01-998/2015 не согласился с такими выводами и отметил, что установленная судом первой инстанции не соответствующая действительности ассоциация обозначения «Мягкий хлеб» в отношении алкогольных напитков не обладает признаками правдоподобности¹. Таким образом, в судебной практике закрепился подход, согласно которому не всякое заблуждение имеет юридическое значение, а только существенное. Юридически значимым с точки зрения ГК РФ является только существенное заблуждение, в частности, когда словесный элемент формирует впечатление о наличии у товара определенных свойств, выступающих конкурентными преимуществами при выборе потребителем среди аналогичных товаров на рынке, при этом, на самом деле, таковыми не обладающим. В качестве примеров можно привести обозначения, включающие словесные элементы «эко», «био», «органик». Подобные слова могут придать товарам преимущество, поскольку воспринимаются значительной частью потребителей не просто как

¹ Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 25 января 2016 г. № С01-998/2015 по делу N СИП-282/2015 // [Электронный ресурс]. URL:<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71256046/>.

указание на свойство товаров, а как превосходство перед остальными товарами. Особенно актуальна такая позиция в настоящее время, с учетом того, что в последние годы наблюдается устойчивый рост спроса на натуральные и экологически чистые товары.

Тем не менее, анализируя решения Роспатента, можно установить, что данные рекомендации не всегда выполняются не только с точки зрения формальной составляющей, но и на предмет правдоподобности такого заблуждения. Так, в своем заключении от 28 ноября 2022 Палата по патентным спорам года установила, что в отношении товаров 29 класса МКТУ (мясо, рыба, фрукты, яйца) заявленное обозначение «аqua» будет являться ложным указанием на вид товара, поскольку, так как на названные пищевые продукты написано «аqua», то и потребители придут к выводу, что приобретают воду. При этом, сложно представить, что среднестатистический потребитель ошибочно идентифицирует мясную или рыбную продукцию, даже если на упаковке будет нанесен товарный знак «аqua».

Таким образом, представляется рациональным при оценке способности обозначения или товарного знака вводить потребителей в заблуждение относительно товара или его изготовителя, целесообразно учитывать только существенное заблуждение. Существенным следует считать такое заблуждение, при котором правдоподобность неправильной ассоциации и, как следствие, вероятность дезинформации покупателя достаточно высоки и очевидны для эксперта без дополнительного анализа конкретных обстоятельств использования спорной маркировки.

Библиографический список

1. Губаева Е.А. Введение потребителя в заблуждение как основание для отказа в предоставлении правовой охраны товарному знаку // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2021. – №1. – 33-38 с.

ЭСТОПШЕЛЬ НАЛОГОВОГО ОРГАНА ПРИ ИЗМЕНЕНИИ ПРАВОВОЙ ПОЗИЦИИ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ

ESTOPPEL OF THE TAX AUTHORITY WHEN CHANGING ITS LEGAL POSITION BASED ON TAX CONTROL RESULTS

Филичкина Валерия Александровна

магистрант Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

научный руководитель: Крайнова Екатерина Романовна

доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, к.ю.н., доцент.

Filichkina Valeria Alexandrovna

master's student at the Law Institute. MM. Speransky Vladimir State University named after. A.G. and N.G. Stoletovs.

scientific supervisor: Krainova Ekaterina Romanovna

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure at the Law Institute named after M. M. Speransky of the A. G. and N. G. Stoletov Vladimir State University, Candidate of Law, Associate Professor.

Аннотация. В статье рассматривается проблема изменения налоговым органом правовой позиции после завершения налогового контроля или на стадии административного обжалования. Обосновывается, что российское законодательство не содержит прямого запрета на такую смену позиции, вследствие чего соответствующие гарантии формируются преимущественно судебной практикой и доктриной защиты правомерных ожиданий налогоплательщика. На основе положений Налогового кодекса Российской Федерации и двух судебных дел показано, что отсутствие четких процессуальных пределов создает риск ухудшения положения налогоплательщика вследствие противоречивого поведения публичного субъекта. Предлагаются пути совершенствования законодательства и правоприменения.

Ключевые слова: эстоппель, налоговый орган, налоговый контроль, правомерные ожидания, добросовестное налоговое администрирование.

Abstract. The article examines the problem of a tax authority changing its legal position after tax control has been completed or at the stage of administrative appeal. It is argued that Russian legislation does not contain a direct prohibition on such a

change of position, which is why the relevant guarantees are formed mainly by judicial practice and the doctrine of protection of taxpayers' legitimate expectations. Based on the provisions of the Tax Code of the Russian Federation and two court cases, it is shown that the absence of clear procedural limits creates a risk of worsening the taxpayer's position due to the contradictory behavior of a public authority. The article proposes ways to improve legislation and law enforcement practice.

Keywords: estoppel, tax authority, tax control, legitimate expectations, good-faith tax administration.

Последовательность поведения налогового органа имеет для налогоплательщика самостоятельное правовое значение. В условиях обязательного досудебного обжалования лицо, не согласное с выводами инспекции, должно быть уверено, что подача жалобы не приведет к появлению новых оснований ответственности и к ухудшению его положения. Именно поэтому категория эстоппеля все заметнее входит в сферу налогового права.

В современной научной литературе эстоппель определяется как «правовой запрет на противоречивое (непоследовательное) поведение участника правоотношения»¹, а проблема защиты законных интересов налогоплательщика по-прежнему характеризуется «дефицитом фундаментальных комплексных исследований»². Такая постановка вопроса показывает, что речь идет не о частном техническом дефекте налоговой процедуры, а о более широкой проблеме доверия к действиям публичной власти.

Российское законодательство прямо не закрепляет эстоппель налогового органа. Вместе с тем действующий Налоговый кодекс Российской Федерации содержит ряд норм, из которых может быть выведена идея последовательного и добросовестного поведения публичного субъекта. Так, статья 32 НК РФ возлагает на налоговые органы обязанность соблюдать законодательство о налогах и сборах, бесплатно информировать налогоплательщиков и руководствоваться письменными разъяснениями Минфина России. Статья 34.2 НК РФ закрепляет полномочие финансовых органов давать письменные разъяснения по вопросам применения налогового законодательства, а статья 111 НК РФ придает следованию таким разъяснениям защитный эффект, относя его к обстоятельствам, исключаящим вину в совершении налогового правонарушения. Тем самым закон уже признает, что официальная позиция государства способна влиять на объем защиты налогоплательщика.

Вместе с тем вопрос о допустимости изменения правовой позиции по результатам налогового контроля в НК РФ решен неполно. Статьи 138–140 НК РФ регулируют порядок административного обжалования, но не содержат общего запрета на вынесение вышестоящим налоговым органом решения,

¹ Изотов А. В. Эстоппель в налоговом праве: не последовательное поведение публичного субъекта и защита правомерных ожиданий налогоплательщика // Финансовое право. – 2025. – № 2. – С. 21.

² Ядрихинский С. А. Законные интересы налогоплательщиков: теория и практика реализации, обеспечения, защиты: дис. д-ра юрид. наук. – Москва, С. 3.

основанного на новых фактах и новой правовой конструкции спора. На уровне судебного толкования этот пробел частично компенсируется пунктом 81 Постановления Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 57, согласно которому при рассмотрении жалобы вышестоящий налоговый орган не вправе принимать решение о взыскании налогов, пеней и штрафов в большем размере по сравнению с первоначальным решением инспекции. Однако такая гарантия не раскрывает всех аспектов проблемы: она не отвечает прямо, где проходит граница между допустимым уточнением мотивировки и недопустимой заменой правовой позиции, а также в какой мере налогоплательщик может рассчитывать на сохранение уже сформировавшихся правомерных ожиданий.

В научной литературе защита законных ожиданий справедливо связывается с необходимостью поддержания баланса частных и публичных интересов¹, а добросовестность и эффективность налогового администрирования рассматриваются как самостоятельный законный интерес налогоплательщика². Следовательно, основная проблема заключается в отсутствии в налоговом законодательстве прямого и системного запрета на противоречивое поведение налогового органа после завершения контрольной процедуры.

Первый пример, наглядно отражающий данную проблему, представляет дело № А17-10786/2021. По итогам выездной проверки инспекция доначислила обществу НДС и пени, исходя из неподтвержденности налоговых вычетов. Налогоплательщик обжаловал решение, после чего вышестоящее управление отменило решение инспекции, но одновременно построило иную правовую конструкцию спора, сославшись на новые обстоятельства и новые материалы, которые не были предметом оценки в первоначальном решении. Арбитражный суд Волго-Вятского округа в постановлении от 25 января 2023 г. указал, что подобный подход нарушает права и законные интересы налогоплательщика, поскольку решение управления фактически не дополняло прежнее решение, а подменяло его новым решением, основанным на иных обстоятельствах, без назначения новой проверки и без надлежащего процессуального участия самого налогоплательщика. Это дело показывает, что при отсутствии четкой законодательной границы процедура жалобы может быть превращена в способ ухудшения положения заявителя.

Второй пример связан с Определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 4 марта 2024 г. № 306-ЭС23-25757 по делу № А06-461/2022. В данном споре Суд подчеркнул, что установленный Налоговым кодексом порядок принятия решения по результатам проверки должен обеспечивать надлежащую реализацию прав и законных интересов налогоплательщика, а налоговый орган обязан установить действительный размер налоговой обязанности, не создавая формальных

¹ Овсянников С. В., Ногина О. А. Защита законных ожиданий налогоплательщика в условиях действия и применения антиуклонительных налоговых правил: баланс частных и публичных интересов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2022. – Т. 13. – № 1. – С. 83-84.

² Тиханычев А. П. Законные интересы как элемент правового механизма реализации правового статуса налогоплательщика-организации: дис. канд. юрид. наук. – Москва, 2024. – С. 25.

условий для взимания сумм сверх того, что требуется по закону. Хотя в этом деле речь шла не о классической замене правового обоснования на стадии жалобы, его значение для рассматриваемой темы принципиально: Верховный Суд фактически сформулировал стандарт добросовестного налогового администрирования, несовместимый с произвольным изменением подхода налогового органа по одним и тем же обстоятельствам. Иначе говоря, если администрация обязана действовать добросовестно и устанавливать реальную, а не максимально возможную налоговую обязанность, она не должна использовать процедурные возможности для усиления претензий вопреки ранее сформированной логике контроля.

Представляется, что решение обозначенной проблемы должно носить комплексный характер. Прежде всего в статье 140 НК РФ целесообразно закрепить прямое правило о том, что при рассмотрении жалобы вышестоящий налоговый орган не вправе основывать новое решение на фактических обстоятельствах и правовых основаниях, которые не были предметом первоначальной налоговой проверки, если не проводится новая контрольная процедура в установленной законом форме. Кроме того, необходимо нормативно разграничить допустимое уточнение мотивировки и недопустимую замену правовой позиции: первое может касаться технических ошибок и правовой конкретизации уже исследованных обстоятельств, второе должно влечь запрет на ухудшение положения налогоплательщика. Также целесообразно расширить защитный эффект официальных разъяснений и ранее выраженной позиции налогового органа: добросовестное следование такой позиции должно защищать налогоплательщика не только от санкций, но и от ретроактивного ухудшения его положения. Наконец, в правоприменительной практике следует закрепить стандарт мотивированного отступления от прежней позиции, когда налоговый орган обязан прямо указать, изменился ли закон, были ли выявлены новые существенные факты либо установлена недобросовестность самого налогоплательщика. Только при таком подходе досудебное обжалование сможет выполнять свою защитную функцию, а доктрина эстоппеля налогового органа получит реальные нормативные очертания.

Библиографический список

1. Изотов А. В. Эстоппель в налоговом праве: непоследовательное поведение публичного субъекта и защита правомерных ожиданий налогоплательщика // Финансовое право. – 2025. – № 2. – С. 20–23.

2. Овсянников С. В., Ногина О. А. Защита законных ожиданий налогоплательщика в условиях действия и применения антиуклонительных налоговых правил: баланс частных и публичных интересов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2022. – Т. 13. – № 1. – С. 83–106.

3. Тиханычев А. П. Законные интересы как элемент правового механизма реализации правового статуса налогоплательщика-организации: дис. канд. юрид. наук. – Москва, 2024. – 255 с.

4. Ядрихинский С. А. Законные интересы налогоплательщиков: теория и практика реализации, обеспечения, защиты: дис. д-ра юрид. наук. – Москва, 2022. – 575 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗЕМЕЛЬНОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

УДК 349.6

**МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КИТАЯ
В ОБЛАСТИ СОХРАНЕНИЯ БИОРАЗНООБРАЗИЯ: ПРОБЛЕМЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**INTERSTATE COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND CHINA
IN THE FIELD OF BIODIVERSITY CONSERVATION: PROBLEMS
AND PROSPECTS**

Антошин Иван Алексеевич, Николаев Иван Михайлович

студенты Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Научный руководитель: Юсипова Ирина Викторовна

доцент кафедры гражданского права и процесса, к.ю.н., доцент

Antoshin Ivan Alekseevich, Ivan Mikhailovich Nikolaev

Students at the Law Institute. M.M. Speransky Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs

Scientific supervisor: Yusipova Irina Viktorovna

associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Аннотация. В статье анализируются правовые и организационные проблемы сохранения биоразнообразия в России и Китае, а также препятствия, возникающие в рамках двустороннего трансграничного сотрудничества. На основе сравнительного анализа национальных подходов автором выделяются недостатки экологического контроля, различия в правовых системах и фрагментарность обмена научными данными. Предлагаются конкретные направления совершенствования сотрудничества, включая создание совместных научных центров и гармонизацию законодательства.

Ключевые слова: биоразнообразие; экологическое право; Россия; Китай; трансграничное сотрудничество; особо охраняемые природные территории

Abstract. The article analyzes the legal and organizational problems of biodiversity conservation in Russia and China, as well as the obstacles arising in the framework of bilateral cross-border cooperation. Based on a comparative analysis of

national approaches, the author identifies shortcomings of environmental control, differences in legal systems and fragmentation of scientific data exchange. Specific directions for improving cooperation, including the creation of joint scientific centers and harmonization of legislation, are proposed.

Keywords: biodiversity; environmental law; Russia; China; cross-border cooperation; specially protected natural areas

Сохранение биологического разнообразия является одной из глобальных проблем современности, эффективное решение которой невозможно без международного взаимодействия. Для России и Китая, имеющих общую границу протяженностью более 4 200 км и обладающих уникальными экосистемами на сопредельных территориях, двустороннее сотрудничество в этой сфере приобретает особое значение. Как справедливо отмечает Е.Ю. Моклокова, «охрана биологического разнообразия требует комплексного подхода, учитывающего как национальные интересы, так и трансграничный характер многих экосистем»¹. Китай, в свою очередь, провозгласил курс на «экологическую цивилизацию», что нашло отражение в стратегических документах, включая Белую книгу «Сохранение биоразнообразия в Китае» (2021). Однако, несмотря на декларируемые цели, как в национальных системах двух стран, так и в механизмах их взаимодействия сохраняются серьезные проблемы, требующие научного анализа и выработки практических решений. Целью настоящей работы является выявление ключевых препятствий в российско-китайском сотрудничестве по сохранению биоразнообразия и обоснование направлений совершенствования правовых и организационных механизмов.

Анализ российского законодательства в области охраны окружающей среды и животного мира позволяет констатировать наличие развитой нормативной базы. Федеральный закон «Об охране окружающей среды»² закрепляет основные принципы, а Федеральный закон «О животном мире»³ регулирует отношения в области охраны и использования объектов животного мира. Кроме того, Стратегия экологической безопасности Российской Федерации до 2025 года⁴ определяет сохранение биоразнообразия в качестве одного из приоритетов. Однако, как показывает практика правоприменения, декларируемые нормы не всегда подкрепляются эффективными механизмами реализации. К числу системных проблем, на наш взгляд, относятся недостаточная эффективность государственного экологического контроля, хронический дефицит финансирования природоохранных мероприятий, низкий

¹ Моклокова Е.Ю. Охрана биологического разнообразия // Молодой ученый. 2019. № 43. С. 113.

² Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

³ Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 17. Ст. 1462.

⁴ Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года».

уровень экологической культуры населения, а также сохраняющаяся сырьевая ориентация экономики. Как отмечает А.А. Петров, «новые системы экологического контроля, основанные на цифровых технологиях, только начинают внедряться и сталкиваются с институциональными ограничениями».¹ Данные факторы существенно снижают результативность даже самых прогрессивных законодательных инициатив.

В свою очередь, китайская модель охраны природы демонстрирует иные как достоинства, так и вызовы. Как отмечает Г.В. Выпханова, «правовое обеспечение концепции устойчивого развития в Китае отличается жёсткостью государственного контроля и активным внедрением технологических решений».² Китай активно использует спутниковый мониторинг, беспилотные летательные аппараты и цифровые платформы для контроля за соблюдением природоохранных требований. Законы КНР «Об охране окружающей среды» и «О защите диких животных» устанавливают высокие стандарты и значительные санкции за нарушения. Вместе с тем, масштабы промышленного производства в Китае создают колоссальную антропогенную нагрузку на экосистемы, что требует, по мнению ряда исследователей, масштабной технологической перестройки и перехода к «зелёному развитию». Кроме того, сохраняется проблема недостаточной экологической ответственности части бизнеса, которая, несмотря на ужесточение контроля, не всегда соблюдает установленные стандарты. Как обоснованно отмечает Ма Синь, «принцип предупреждения экологического вреда в праве Китая и России имеет общие черты, но механизмы его реализации различаются».³

Помимо национальных проблем, существуют специфические препятствия, возникающие непосредственно в сфере двустороннего взаимодействия. Россия и Китай активно сотрудничают на основе Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 года⁴, реализуют совместные проекты по сохранению амурского тигра и дальневосточного леопарда. Однако, как указывают С.Н. Ляпустин и Н.В. Первушина, «развитие природоохранного законодательства Китая и взаимодействие таможенных органов двух стран сталкиваются с различиями в правовых подходах и процедурах»⁵. К числу наиболее значимых препятствий можно отнести отсутствие постоянно действующих механизмов координации экологической политики, фрагментарность обмена научными данными (включая результаты мониторинга и генетическую информацию), а

¹ Петров А.А. Новые системы экологического контроля и мониторинга // Социальные новации и социальные науки. 2020. № 1. С. 90.

² Выпханова Г.В. Понятие и правовое обеспечение концепции устойчивого развития // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2016. № 1. С. 19.

³ Ма Синь. Предупреждение экологического вреда как принцип права Китая и России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 105.

⁴ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 г.

⁵ Ляпустин С.Н., Первушина Н.В. Развитие природоохранного законодательства Китая и роль таможенных органов в сохранении биоразнообразия // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2008. № 2. С. 38.

также несовершенство механизмов международного контроля за соблюдением природоохранных обязательств на трансграничных территориях.

Для преодоления выявленных проблем представляется необходимым реализовать комплекс мер, направленных как на совершенствование национальных систем, так и на углубление двустороннего взаимодействия. В части национального регулирования, на наш взгляд, требуется усиление экологического контроля путём цифровизации надзорных процедур и повышения ответственности за нарушения; увеличение финансирования природоохранных программ, в том числе через механизмы государственно-частного партнёрства; развитие экологического образования и просвещения; а также стимулирование экологизации промышленности посредством налоговых преференций. Как отмечает А.А. Петров, «внедрение спутникового мониторинга и систем дистанционного зондирования позволяет существенно повысить эффективность экологического контроля на трансграничных территориях».¹

В сфере двустороннего сотрудничества наиболее перспективными направлениями, по мнению автора, являются: создание совместных научных центров по изучению и сохранению биоразнообразия, которые позволят унифицировать методики мониторинга и наладить регулярный обмен данными; разработка международных экологических программ с чёткими индикаторами реализации и совместным финансированием; гармонизация правовых подходов к охране редких и исчезающих видов; расширение системы трансграничных особо охраняемых природных территорий и формирование единой сети мониторинга с использованием спутниковых технологий и искусственного интеллекта. Полагаем, что именно эти меры способны обеспечить переход от декларативного сотрудничества к реальной интеграции природоохранных усилий. Как справедливо отмечает Г.В. Выпханова, «устойчивое развитие невозможно без гармонизации правовых систем сопредельных государств в сфере охраны окружающей среды».²

Таким образом, подводя итог проведённому анализу, можно сделать вывод о том, что проблемы сохранения биоразнообразия в России и Китае имеют как общие черты (недостаточная эффективность контроля, необходимость модернизации экономики), так и национальные особенности, обусловленные различиями в правовых системах и экономических моделях. Двустороннее сотрудничество уже демонстрирует позитивные примеры, однако его потенциал сдерживается фрагментарностью обмена данными, отсутствием полноценных совместных институтов и различиями в правовых подходах. Реализация предложенных решений — от создания совместных научных центров до гармонизации законодательства и внедрения цифрового мониторинга — позволит не только повысить эффективность охраны биоразнообразия, но и укрепить экологическую безопасность всего региона. В долгосрочной

¹ Петров А.А. Новые системы экологического контроля и мониторинга // Социальные новации и социальные науки. 2020. № 1. С. 92.

² Выпханова Г.В. Понятие и правовое обеспечение концепции устойчивого развития // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2016. № 1. С. 21.

перспективе российско-китайское взаимодействие в этой сфере может стать моделью для международного природоохранного сотрудничества, демонстрирующей баланс между национальными интересами и глобальной экологической ответственностью.

Библиографический список

1. Выпханова, Г. В. Понятие и правовое обеспечение концепции устойчивого развития / Г. В. Выпханова. – Текст: непосредственный // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2016. – № 1. – С. 15–22.

2. Ляпустин, С. Н. Развитие природоохранного законодательства Китая и роль таможенных органов в сохранении биоразнообразия / С. Н. Ляпустин, Н. В. Первушина. – Текст: непосредственный // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2008. – № 2. – С. 34–41.

3. Ма Синь. Предупреждение экологического вреда как принцип права Китая и России: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: специальность 12.00.06 / Ма Синь. – Москва, 2020. – 210 с. – Текст: непосредственный.

4. Моклокова, Е. Ю. Охрана биологического разнообразия / Е. Ю. Моклокова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2019. – № 43. – С. 112–115.

5. Петров, А. А. Новые системы экологического контроля и мониторинга / А. А. Петров. – Текст: непосредственный // Социальные новации и социальные науки. – 2020. – № 1. – С. 87–94.

УДК 347.9

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

PROBLEMS OF LEGAL RESPONSIBILITY FOR ENVIRONMENTAL CRIMES

Герасимова Екатерина Алексеевна, Горельченкова Инна Сергеевна,
студенты Юридического института им. М.М. Сперанского, Владимирского
государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая
Григорьевича Столетовых.

Научный руководитель: Юсипова Ирина Викторовна,
доцент кафедры гражданского права и процесса Владимирского
государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая
Григорьевича Столетовых, кандидат юридических наук, доцент.

Gerasimova Ekaterina Alekseevna, Gorelchenkova Inna Sergeevna,
students of the Law Institute named after M.M. Speransky, Vladimir State University
named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov.

Scientific supervisor: Yusipova Irina Viktorovna,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure at the Alexander
Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov Vladimir State University, Candidate
of Legal Sciences, Associate Professor.

Аннотация. В работе рассмотрены дефекты уголовно-правовой охраны окружающей среды в России. Так же проведен анализ законодательства и были выявлены его пробелы. Рассмотрены позиции различных ученых и проведено сравнение разных точек зрения.

Ключевые слова: квалификация; латентность; экологический вред; правоприменение; коллизия норм права.

Abstract. The paper examines the defects of criminal law protection of the environment in Russia. It also analyzes the legislation and identifies its gaps. The paper examines the positions of various scientists and compares different points of view.

Keywords: qualification; latency; environmental damage; law enforcement; conflict of legal norms.

Экологическое преступление определяется в науке как виновное общественно опасное деяние, посягающее на экологический правопорядок и

конституционное право граждан на благоприятную окружающую среду, закреплённое статьёй 42 Конституции РФ.¹ Глава 26 УК РФ объединяет 18 составов — от нарушения правил охраны окружающей среды при производстве работ (ст. 246) до нарушения режима особо охраняемых природных территорий (ст. 262)². По итогам 2024 года в России зарегистрировано 13,6 тыс. экологических преступлений, что на 16,1% меньше аналогичного периода 2023 г.³ При этом в 2023 г. показатель составлял 16 211 деяний, в 2022 г. — 19 070, а ещё семь лет назад превышал 22 тыс.⁴ Снижение официальных цифр не тождественно улучшению экологической обстановки: исследователи связывают динамику с высокой латентностью и снижением выявляемости.⁵ Актуальность темы усиливается ростом техногенной нагрузки, увеличением числа объектов накопленного вреда и обновлением природоохранного блока законов в 2023–2024 гг.⁶

Отечественное законодательство не содержит легального определения «экологического преступления»: ни УК РФ, ни Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» такой дефиниции не закрепляют.⁷ Данный пробел вынуждает суды опираться на доктринальные конструкции и разъяснения Пленума ВС РФ от 18.10.2012 № 21, что, как отмечает А.И. Чучаев, усложняет единообразие квалификации.⁸ Обратимся к природе норм главы 26. Все диспозиции статей 246–262 УК РФ носят бланкетный характер и отсылают к лесному, водному, земельному законодательству, а также к подзаконным методикам Минприроды. Верховный Суд РФ в Обзоре от 24 июня 2022 г. прямо указал: без ссылки на конкретный пункт природоохранного акта приговор подлежит возврату прокурору.⁹

Практическое следствие — правовая неопределённость при исчислении ущерба. Так, по ст. 260 УК РФ (незаконная рубка) размер вреда определяется по таксам, утверждённым постановлением Правительства РФ от 29.12.2018 № 1730, а изменение коэффициентов мгновенно меняет квалификацию деяния — от

¹ Чучаев А.И., Маликов С.В. и др. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка: закон, теория, практика: монография / под ред. А.И. Чучаева. М.: Городец, 2022.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Глава 26. Экологические преступления.

³ Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2024 года: статистический сборник ГИАЦ МВД России.

⁴ Антонян Е.А., Гончарова М.В. и др. Комплексный анализ состояния экологической преступности в Российской Федерации по итогам 2023 года: аналитический обзор. М.: Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. — с.7.

⁵ Антонян Е.А., Гончарова М.В. и др. Комплексный анализ состояния экологической преступности в Российской Федерации по итогам 2023 года: аналитический обзор. М.: Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024.

⁶ Федеральный закон от 25.12.2023 № 683-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁷ Жаров Д.В. Уголовная ответственность за экологические правонарушения.

⁸ Чучаев А.И., Маликов С.В. и др. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка: закон, теория, практика: монография / под ред. А.И. Чучаева. М.: Городец, 2022.

⁹ Обзор практики применения судами положений главы 26 Уголовного кодекса Российской Федерации об экологических преступлениях (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24 июня 2022 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 9.

административного к уголовному.¹ Ряд авторов (Е.В. Виноградова, Н.А. Лопашенко) указывает на заниженность категорий тяжести: максимум по ст. 250 и 251 УК РФ составляет 5 лет лишения свободы, что относит их к средней тяжести и исключает применение ряда процессуальных мер. Повышенная общественная опасность сбросов и выбросов, влияющих на здоровье населения целых регионов, требует пересмотра санкций в сторону ужесточения.²

Насколько уверенно следователь доказывает связь между сбросом и гибелью рыбы спустя полгода? Трудности установления причинно-следственной связи — одна из ключевых проблем: вред носит длящийся, отложенный и кумулятивный характер.³ По данным аналитического обзора Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в 2023 г. по ст. 250 УК РФ зарегистрировано всего 34 факта загрязнения вод, по ст. 252 — 8 фактов загрязнения морской среды.⁴ Эти цифры несопоставимы с реальной картиной сбросов, фиксируемой Росприроднадзором.

Диспозиции статей главы 26 насыщены оценочными понятиями: «существенный вред», «значительный ущерб», «иные тяжкие последствия». Е.А. Нагаев отмечает, что отсутствие строгих количественных критериев приводит к противоречивым судебным решениям по аналогичным деяниям.⁵ Отдельный узел — разграничение со ст. 8.2, 8.3 КоАП РФ. В публикации Н.В. Генрих показано, что по схожим фактическим обстоятельствам квалификация колеблется между уголовной и административной плоскостью. Автор настоящей работы полагает, что без количественных порогов по массе и концентрации загрязнителей конкуренция составов будет сохраняться.

Латентность — отдельная беда. Сопоставление 13,6 тыс. зарегистрированных деяний 2024 г. со статистикой Росприроднадзора о десятках тысяч выявленных нарушений указывает на разрыв в разы.⁶ По оценке Д.В. Жарова, до 80% экологических посягательств остаются вне уголовного учёта. Снижение на 16,1% за год при одновременном росте обращений граждан и пожарной активности в лесах — индикатор проблем выявления, а не оздоровления среды.

Статья 78 Закона № 7-ФЗ предусматривает две формы возмещения — денежную (по таксам и методикам) и натуральную (рекультивация, восстановление). Верховный Суд РФ в определении по делу № 305-ЭС22-11324 подчеркнул: взысканная сумма может направляться как на устранение

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Глава 26. Экологические преступления.

² Лопашенко Н.А. Экологические преступления: уголовно-правовой анализ: монография.

³ Забавко Р.А. Общественно опасные последствия преступлений, связанных с загрязнением окружающей среды: системный анализ // *Lex russica*. 2020. Т. 73. № 2. С. 50–63.

⁴ Антонян Е.А., Гончарова М.В. и др. Комплексный анализ состояния экологической преступности в Российской Федерации по итогам 2023 года: аналитический обзор. М.: Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. – с.10-11.

⁵ Нагаев Е.А. Оценочные понятия в нормах главы 26 УК РФ: проблемы толкования // *Российский следователь*. 2023. № 5. С. 42–47.

⁶ Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2024 года: статистический сборник ГИАЦ МВД России. М.: МВД России, 2025.

добавленного, так и накопленного вреда, но приоритет имеет реальный причинитель. На практике предприятия добиваются зачёта затрат на природоохранные мероприятия, что Росприроднадзор оспаривает как двойной учёт.

Проблема накопленного вреда обострилась после Федерального закона от 25.12.2023 № 683-ФЗ: выявление объектов отнесено к регионам и муниципалитетам, однако финансирование ликвидации переложено на те же бюджеты. По данным реестра объектов накопленного вреда (ГРОНВОС), в России учтено более 1,9 тыс. таких объектов, значительная часть — бывшие промплощадки без установленного правопреемника.¹ Когда собственник ликвидирован, а земля перешла муниципалитету, вопрос о субъекте ответственности остаётся открытым. Нами выявлено, что именно это обстоятельство блокирует взыскание по сотням объектов.

Первое направление — кодификация. Разработка единого федерального закона «О возмещении экологического вреда» позволит консолидировать таксы, методики и правила зачёта в одном акте, устранив конкуренцию ведомственных документов. Второе — цифровизация мониторинга. Внедрение автоматических средств измерения (АСИ) на объектах I категории, предусмотренное ст. 67 Закона № 7-ФЗ, к 2025 г. охватило около 7 тыс. источников выбросов.² Расширение АСИ и интеграция данных с ФГИС «Наш контроль» способны снизить латентность на десятки процентов.

Третье направление — гармонизация отраслей. Проведённый анализ показал, что без единых количественных критериев «существенного вреда», закреплённых одновременно в УК, КоАП и Законе № 7-ФЗ, коллизии сохранятся. Целесообразно закрепить в примечаниях к ст. 247, 250, 251 УК РФ пороговые значения в рублях и натуральных показателях, как это сделано для ст. 260. Альтернативный сценарий — расширение уголовной ответственности юридических лиц — пока отвергается отечественной доктриной, однако опыт стран СНГ (Казахстан, Молдова) демонстрирует его результативность.

Проведённый анализ показал, что институт ответственности за экологические преступления в России страдает от трёх взаимосвязанных дефектов: отсутствия легальной дефиниции, бланкетности норм и размытости оценочных категорий.³ Статистика 2020–2024 гг. фиксирует формальное снижение регистрируемых деяний при сохранении реальной нагрузки на природу.⁴ Преодоление латентности требует цифровизации мониторинга, а устранение коллизий — принятия рамочного закона о возмещении экологического вреда и закрепления количественных критериев в УК РФ. Только

¹ Федеральный закон от 25.12.2023 № 683-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

² Федеральный закон от 25.12.2023 № 683-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

³ Обзор практики применения судами положений главы 26 Уголовного кодекса Российской Федерации об экологических преступлениях (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24 июня 2022 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 9.

⁴ Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2024 года: статистический сборник ГИАЦ МВД России. М.: МВД России, 2025.

комплексная перестройка способна превратить главу 26 УК РФ из декларативной в рабочую.

Библиографический список

1. Антонян Е.А., Гончарова М.В. и др. Комплексный анализ состояния экологической преступности в Российской Федерации по итогам 2023 года: аналитический обзор. М.: Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024.

2. Жаров Д.В. Уголовная ответственность за экологические правонарушения // Гарант.ру: информационно-правовой портал. 2023.

3. Забавко Р. А., Рогова Е. В. Общественно опасные последствия преступлений, связанных с загрязнением окружающей среды: системный анализ // Lex Russica. 2020. №2 (159).

4. Лопашенко Н.А. Экологические преступления: уголовно-правовой анализ: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 528 с. ISBN 978-5-4396-1322-9.

5. Нагаев Е.А. Оценочные понятия в нормах главы 26 УК РФ: проблемы толкования // Российский следователь. 2023. № 5. С. 42–47. ISSN 1812-3783.

6. Чучаев А.И., Маликов С.В. и др. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка: закон, теория, практика: монография // под ред. А.И. Чучаева. М.: Городец, 2022.

УДК 347.9

ОБРАЩЕНИЕ С ОТХОДАМИ: ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ МУСОРНОЙ РЕФОРМЫ И ЕЁ ПЕРСПЕКТИВЫ

WASTE MANAGEMENT: CHALLENGES AND LEGISLATIVE REFORMS

Гордеев Иван Денисович

студент Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Волкова Алина Ивановна

студент Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

научный руководитель: Юсипова Ирина Викторовна

доцент кафедры гражданского права и процесса, к.ю.н., доцент

Gordeev Ivan Denicovich

student at the Law Institute. MM. Speransky Vladimir State University named after. A.G. and N.G. Stoletovs

Volkova Alina Ivanovna

student at the Law Institute. MM. Speransky Vladimir State University named after. A.G. and N.G. Stoletovs

scientific supervisor: Petrov Ivan Ivanovich

Assistant of the Department/Senior Lecturer of the Department/Associate Professor of the Department/Head of the Department of Civil Law and Procedure, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы обращения с отходами в современных условиях, связанные с ростом объемов мусора, недостаточным уровнем переработки и загрязнением окружающей среды. Анализируются основные направления законодательного регулирования в экологической сфере, а также современные реформы, направленные на совершенствование системы утилизации отходов.

Ключевые слова: обращение с отходами; экологическое право; переработка отходов; охрана окружающей среды; экологические реформы;

Abstract. The article examines current problems of waste management in modern conditions, including the growth of waste volumes, insufficient recycling rates, and environmental pollution. The main directions of legal regulation in the environmental sphere, as well as modern reforms aimed at improving the waste disposal system, are analyzed.

Keywords: waste management; environmental law; waste recycling; environmental protection; environmental reforms;

Огромной проблемой для России до сих пор остается экологическая и законная утилизация мусора. Несмотря на то, что во многих крупных городах работают мусороперерабатывающие заводы, проблема загрязнения мусором вовсе не перестает быть актуальной за счет плохо налаженной системы вывоза и переработки мусора.

Ключевым законом, который регулирует отходы производства и потребления, является Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления».¹ Часть 1 статьи 1 этого закона дает четкие определения слову отходы – это вещества или предметы, которые образованы в процессе производства, выполнения работ, оказания услуг или в процессе потребления, которые удаляются, предназначены для удаления или подлежат удалению.

Важно указать, что при нынешней складывающейся ситуации на российском рынке, где происходит постоянный поток увеличения товарного разнообразия, который непосредственно ведет к переизбытку товарного разнообразия – напрямую образуются коммунальные отходы. По данным Росприроднадзора² общая генерация мусора достигла 7,841 млрд тонн отходов, что меньше на 674 млн тонн, чем в 2024. Но такая тенденция происходит только второй год, именно после некоторых поправок в законодательстве, которые позволили не относить некоторые виды отходов к общей генерации мусора. Тогда как твердые коммунальные отходы (далее – ТКО) держится примерно на одном уровне. Таким образом, если не уменьшать уровень производства мусора, то к 2050 году территории свалок займут 1% территории России.

Е.Ю. Краева и Е.А. Никифорова³ указывали в своей работе, что ввиду большого количества вопросов и жалоб от населения, на территории РФ с 1 января 2019 г. началась реализация комплекса мероприятий по разрешению проблем, связанных с утилизацией ТКО (за исключением Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя – там его реализация началась с 1 января 2022 г.).

¹ «Об отходах производства и потребления» Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 29. – Ст. 3009.

² Росприроднадзор сформировал официальную статистику об обращении с отходами в 2025 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росприроднадзора. — URL: <https://rpn.gov.ru/regions/02/news/rosprirodnadzor-sformiroval-ofitsialnuyu-statistiku-ob-obrashchenii-s-otkhodami-v-2025-godu-5978541.html> (дата обращения: 17.05.2026)

³ Краев Е. Ю., Никифорова Е. А. Право и экология: проблемы и недостатки реализации «мусорной реформы» // Global and Regional Research. 2025. Т. 7. № 3. С. 163.

Официальное наименование он получил «Реформы обращения с отходами производства и потребления», но в общественном пространстве он именуется как «мусорная реформа». Период реализации данной реформы рассчитан до 2030 г., когда общая доля перерабатываемых отходов должна составлять 100 %.

На данный момент ключевыми изменениями с начала реформы стали:

1. Была введена Статья 24.14 в ФЗ №89, которая вводила новую организацию - Российский экологический оператор, который должен осуществлять деятельность в области обращения с ТКО.

2. С 1 сентября 2025 года были введено Постановление Правительства РФ от 7 марта 2025 года №293 «О порядке обращения с твердыми коммунальными отходами»¹, которое устанавливало наиболее подробный порядок утилизации отходов региональными операторами.

3. Для покрытия расходов на утилизацию транспортных средств были внесены изменения в Постановление Правительства РФ от 26.12.2013 №1291², которые начали действовать с 1 января 2026 года, где был значительно повышен утилизационный сбор.

4. Наиболее подробно раскрывается статья 24.6 ФЗ №89, которая описывает права и обязанности Регионального оператора по обращению с твердыми коммунальными отходами.

5. Статьей 24.12 ФЗ №89 вводится усиление контроля и санкции для региональных операторов.

Стратегия развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года³ содержит в себе два сценария развития отрасли переработки отходов:

1. Консервативный вариант предусматривает сохранение текущих тенденций медленное изменение или отсутствие позитивных изменений по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов без развития ее инфраструктуры, отсутствие или низкие темпы внедрения отечественных инновационных технологий, оборудования, техники без реализации мер государственной поддержки и стимулирования. При этом значения показателей останутся на текущем уровне либо будут снижаться из-за роста импортозависимости. При этом указываются несколько негативных последствий: рост объемов образования отходов, ухудшение экологической ситуации, увеличение разрыва между состоянием и ключевыми показателями промышленности по переработке и утилизации отходов, усиления риска утраты и ослабления технологических тенденций.

¹ «О порядке обращения с твердыми коммунальными отходами» Постановление Правительства Российской Федерации от 7 марта 2025 г. №293 // Собрание законодательства РФ. 2025. № 11. Ст. 1456

² Постановление Правительства РФ от 26 дек. 2013 г. № 1291 (ред. от 6 февр. 2026 г.) «Об утилизационном сборе в отношении колесных транспортных средств (шасси) и прицепов к ним и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 2 (ч. 1). Ст. 115.

³ Стратегия развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 января 2018 г. № 84-р // Собрание законодательства РФ. 2018. № 6. Ст. 920.

В стратегическом интервале (10-15 лет) развитие отрасли утратит устойчивость и эффективность.

2. Инновационный вариант содержит в себе комплексное сбалансированное эффективное развитие отрасли промышленности по обработке и утилизации отходов с возвратом вторичного сырья в хозяйственный оборот, предусматривающее привлечение необходимого и достаточного объема финансирования, которое будет направлено на реализацию мер этих мер. Исходя из Стратегии этот вариант является целевым, но переход к нему может быть только поэтапный. Данный вариант предполагает внедрение ресурсосберегающих технологий. Успешное эффективное развитие отрасли промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов в рамках данного сценария зависит от функционирования системы организации, управления и регулирования на всех этапах обращения с отходами, начиная от их отдельного сбора и обработки и заканчивая производством и реализацией высококачественной, экологически безопасной, конкурентоспособной продукции из вторичного сырья, отечественного высокотехнологичного оборудования, техники, установок, инновационных технологий на российском и международном рынках.

О.С. Порошин и А.Б. Храмцов¹ в своей работе указывали на несколько явных проблем реформы. Во-первых, сортировка ТКО происходит только в отдельных субъектах России, а граждане не готовы психологически сортировать мусор. Во-вторых, полигоны для размещения отходов должны быть расположены в расстоянии не менее 50 км от населенного пункта, что порождает рост тарифов вывоза мусора. В-третьих, у населения отсутствует ответственность за выброс и утилизацию мусора. Четвертая проблема заключается в том, что многие жители просто сжигают свой мусор, отравляя при этом окружающую среду. Пятая проблема - многие полигоны ТКО не соответствуют требованиям законодательства. Несанкционированные свалки порождают шестую проблему. Седьмой проблемой является острая нехватка сборов макулатуры. Наконец, люди просто не хотят сортировать мусор с нуля, то есть у себя дома.

Ч.Ф. Габидуллина² указывает, что если данная реформа как одна из составляющих социально-экономических преобразований на уровне субъектов Российской Федерации оправдает себя, то общество получит в конечном счете тот искомый набор социальных благ, который в наибольшей степени

¹ Порошин О.С., Храмцов А.Б. Проблемы и перспективы реализации мусорной реформы в регионах России // Теория и практика общественного развития. 2020. №12(154). С. 53-54.

² Габидуллина Ч.Ф. «Мусорная реформа» в регионах Российской Федерации: социально-экономические аспекты // Образование и право. 2019. №8. С. 17.

удовлетворяет общественным интересам в контексте повышения уровня и качества жизни населения региона.

Таким образом, для повышения эффективности «мусорной» реформы и в целом развития Стратегии развития по обработке, утилизации и обезвреживанию мусора, первоочередным видится целесообразным совершенствование нормативно-правовой базы. Также нужно ужесточить государственный надзор за региональными операторами и незаконным устраниением отходов населения. Ключевым изменением должны стать постройка большего количества мусоросжигающих заводов и значительные инвестиции в систему рециклинга. Параллельно с этим необходимо проводить трансформацию экологического правосознания у населения страны, «прививать с малых лет» переработку мусора и недопустимость выбрасывания мусора на не специализированных площадках. Полная и единовременная реализация этих направлений позволит минимизировать объемы захоронения отходов и позволит повысить экологическую безопасность страны в условиях неуклонно развивающейся экономики современной России.

Библиографический список

1. Краев Е. Ю., Никифорова Е. А. Право и экология: проблемы и недостатки реализации «мусорной реформы» // *Global and Regional Research*. 2025. Т. 7. № 3. С. 162-170.

2. Порошин О.С., Храмцов А.Б. Проблемы и перспективы реализации мусорной реформы в регионах России // *Теория и практика общественного развития*. 2020. №12(154). С. 51-55.

3. Габидуллина Ч.Ф. «Мусорная реформа» в регионах Российской Федерации: социально-экономические аспекты // *Образование и право*. 2019. №8. С. 11-18.

УДК 343.775

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОХОТЫ

LEGAL REGULATION OF HUNTING

Жизнякова Софья Дмитриевна студент Юридического института имени М.М. Сперанского Владимирского Государственного Университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Колосницына Виктория Владимировна студент Юридического института имени М.М. Сперанского Владимирского Государственного Университета им.А.Г. и Н.Г. Столетовых

научный руководитель: Юсипова Ирина Викторовна доцент кафедры гражданского права и процесса, кандидат юридических наук

Zhiznyakova Sofya Dmitrievna student of the Law Institute named after M.M. Speransky of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs

Kolosnitsyna Victoria Vladimirovna student of the Law Institute named after M.M. Speransky of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs

scientific supervisor: Yusipova Irina Viktorovna Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Candidate of Legal Sciences

Аннотация: В статье анализируется правовое регулирование охоты в Российской Федерации, выявляются критерии разграничения законной охотничьей деятельности и браконьерства. Авторы демонстрируют наличие существенных правовых пробелов, связанных с неоднозначностью трактовки законодательных норм и сложностью доказывания субъективной стороны правонарушений.

Ключевые слова: охота; браконьерство; правонарушение; ответственность; объекты животного мира; экологические последствия.

Abstract: The article analyzes the legal regulation of hunting in the Russian Federation and identifies the criteria for distinguishing between legal hunting activities and poaching. The authors demonstrate the existence of significant legal gaps related to the ambiguity of legal norms and the difficulty of proving the subjective aspect of offenses.

Keywords: hunting; poaching; offense; liability; wildlife; environmental consequences

Исторически традиционная охота являлась неотъемлемой частью культурного наследия и служила средством удовлетворения биологических потребностей в пище. Однако в современном мире, она все чаще используется для незаконной деятельности. В условиях, когда природные ресурсы подвергаются беспрецедентному антропогенному воздействию, четкое правовое разграничение между законной охотой и браконьерством приобретает особую актуальность. Ключевой проблемой, стоящей перед современным природоохранным законодательством, является неоднозначность толкования охотничьих норм. Отсутствие четких критериев дифференциации приводит к росту конфликтов между охотниками и правоохранительными органами.

В статье 40 Федерального закона «О животном мире» закрепляется право граждан на охоту. Однако само правовое регулирование охоты в Российской Федерации осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 24.07.2009 № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов...». Данный нормативный акт закрепляет определение охоты как «деятельности, связанной с поиском, выслеживанием, преследованием охотничьих ресурсов, их добычей, первичной переработкой и транспортировкой». Это понятие охватывает весь комплекс действий от обнаружения животного до его транспортировки, включая использование различных средств и методов. Законодатель подчеркивает, что охота представляет собой вид природопользования, направленный на рациональное использование охотничьих ресурсов¹.

Законодательство РФ выделяет различные виды охоты по различным критериям. По целевому признаку различают промысловую охоту (осуществляемую для получения продукции в коммерческих целях), любительскую и спортивную охоту (для личных нужд охотника), охоту в целях осуществления научно-исследовательской деятельности, образовательной деятельности, охоту в целях регулирования численности охотничьих ресурсов, охоту в целях акклиматизации, переселения и гибридизации охотничьих ресурсов. Кроме того, федеральное законодательство выделяет охоту в целях содержания и разведения охотничьих ресурсов в полувольных условиях или искусственно созданной среде обитания, а также охоту в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов. По способу организации выделяют индивидуальную охоту, предполагающую самостоятельную деятельность одного лица, и коллективную, осуществляемую группой лиц по согласованию. Особое правовое регулирование применяется к промысловой охоте, требующей получения специального разрешения (лицензии), в то время как любительская охота допускается при наличии путевки (в закреплённых охотничьих угодьях) или разрешения на добычу охотничьих ресурсов (в общедоступных охотничьих угодьях).

Браконьерство в правовой доктрине определяется как незаконная охота, связанная с добычей биологических ресурсов с нарушением установленных

¹ Курманов А.С. Незаконная охота как экологическое преступление. — Уфа: Издательство БИСТ (филиала) ОУП ВО «АТиСО», 2019. — 122 с. ISBN 978-5-904354-78-7

законодательством норм¹. Данное понятие охватывает широкий спектр противоправных действий, направленных на незаконное изъятие объектов животного мира. «В качестве понятия незаконной охоты исторически закрепилось определение, включающее поиск, выслеживание, преследование, добычу, первичную переработку, транспортировку диких животных, совершенные без соответствующего разрешения, с превышением лимита, установленного специальным разрешением, с использованием запрещенных средств и орудий, способом массового уничтожения птиц и зверей, в отношении птиц и зверей, охота на которых запрещена, а также в запрещенных местах»².

Разграничение административных правонарушений и уголовных преступлений в сфере охоты осуществляется по совокупности объективных критериев. Уголовная ответственность за незаконную охоту возникает в случае: 1) причинения крупного ущерба; 2) применения механического транспортного средства или воздушного судна, взрывчатых веществ, газов или иных способов массового уничтожения птиц и зверей; 3) в отношении птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена; 4) на особо охраняемой природной территории либо в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации. Следовательно, ключевыми квалифицирующими признаками уголовно наказуемого деяния, согласно законодательству, выступают размер причиненного ущерба, неоднократность совершения правонарушения, применение оружия или участие организованной группы. «Статья 8.37 КоАП РФ устанавливает ответственность за нарушение правил охоты, правил, регламентирующих рыболовство и другие виды пользования объектами животного мира, а ст. 258 УК РФ говорит о санкциях за незаконную охоту»³. Данное нормативное различие подчеркивает повышенную общественную опасность деяний, переходящих в уголовную плоскость.

Правовые последствия дифференциации правонарушений выражаются в применении административных санкций за незначительные нарушения правил охоты и уголовной ответственности за деяния с повышенной общественной опасностью. Административные наказания, такие как штрафы или конфискация орудий добычи, применяются при отсутствии квалифицирующих признаков. Уголовное преследование инициируется при наличии материального ущерба в крупном размере, систематичности нарушений или использования криминальных методов. Такое разграничение обеспечивает соразмерность правового воздействия степени общественной опасности деяния.

Основным формально-юридическим критерием разграничения законной охоты и браконьерства выступает наличие специальных разрешительных документов. К ним относятся охотничий билет, разрешение на добычу охотничьих ресурсов и путевка, выдаваемые уполномоченными органами. Не

¹ Кальчук А.Е. Браконьерство // Научно-практический журнал «Диалог». 2025. №13. С. 17–18.

² Забавко Р.А. Уголовная ответственность за незаконную охоту: дис. кандидат юрид. наук: 12.00.08— Иркутск, Министерство внутренних дел Российской Федерации Восточно-Сибирский институт, 2017. — 158 с.

³ Карпухин М.Ю., Батыршина Э.Р., Хомякова М.А. Правовое регулирование охоты в Российской Федерации // Образование и право. 2023. №11. С. 352–356.

менее важную роль играет соблюдение сроков охоты и квот на изъятие животных, которые закреплены в разрешительных документах. Необходимо использовать исключительно те виды оружия и методы добычи, которые официально разрешены и перечислены в нормативных актах. Разграничение охотничьей деятельности во многом зависит от целей: с одной стороны, она может носить коммерческий характер, а с другой - быть хобби. Кроме того важно учитывать способ добычи: гуманными считаются те, что обеспечивают быструю и безболезненную смерть животного, в то время как варварские методы причиняют ему лишние страдания. Необходимо также принимать во внимание и экологические последствия: законная охота учитывает способность популяций к восстановлению, а браконьерство разрушает экосистему¹.

Неопределенность понимания законодательных норм осложняет процесс оценивания легальности охоты, в частности в конфликтных ситуациях — к примеру, в случаях, когда добыча производится по специальным разрешениям на особо охраняемых территориях. В нормативно-правовых актах прослеживаются неопределенные и достаточно противоречивые дефиниции, которые связаны с процессом выдачи разрешений, определением допустимого количества добычи и разрешённых зон, что способствует появлению противоречивой судебной практики. В связи с отсутствием единых критериев, правоохранительные органы вынуждены принимать разные решения, что в значительной степени уменьшает предсказуемость нормативного регулирования и усложняет процесс формирования судебной практики. Осложняет процесс также доказывание умысла нарушителя: в случаях, когда отсутствуют прямые материальные улики или правонарушитель не признает свою вину, судам и органам дознания приходится формировать свои решения на основе косвенных признаков - к примеру, неоднократность действий или применение специальных орудий. Эти факторы затрудняют установление настоящих мотивов и целей добычи. В связи с чем, на практике часто возникают ситуации, где приходится переквалифицировать деяние или прекращать уголовное дело.

Анализ правового регулирования охоты в России показывает, что несмотря на наличие законодательной базы, разграничение легальной охоты и браконьерства остаётся сложной задачей. Для эффективной защиты охотничьих ресурсов необходимо усовершенствовать механизмы контроля и установить более чёткое разделение этих видов деятельности.

Библиографический список

1. Забавко Р.А. Уголовная ответственность за незаконную охоту: дис. кандидат юрид. наук: 12.00.08— Иркутск, Министерство внутренних дел Российской Федерации Восточно-Сибирский институт, 2017. — 158 с.

¹ Кольцов М.И. К вопросу о некоторых проблемах наказуемости за совершение экологических преступлений // Актуальные проблемы государства и права. 2020. №15. С. 348–352.

2. Кальчук А.Е. Браконьерство // Научно-практический журнал «Диалог». 2025. №13. С. 17–18.
3. Карпухин М.Ю., Батыршина Э.Р., Хомякова М.А. Правовое регулирование охоты в Российской Федерации // Образование и право. 2023. №11. С. 352–356.
4. Кольцов М.И. К вопросу о некоторых проблемах наказуемости за совершение экологических преступлений // Актуальные проблемы государства и права. 2020. №15. С. 348–352.
5. Курманов А.С. Незаконная охота как экологическое преступление. — Уфа: Издательство БИСТ (филиала) ОУП ВО «АТиСО», 2019. — 122 с. ISBN 978-5-904354-78-7

УДК 349.6

**ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВА ВОДОПРОВОДНОЙ ВОДЫ В МАЛЫХ
ГОРОДАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ
АНАЛИЗ**

**PROBLEMS OF TAP WATER QUALITY IN SMALL TOWNS
OF THE RUSSIAN FEDERATION: NORMATIVE-LEGAL ANALYSIS**

Зацепина Софья Владимировна

студент Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Каюшкина Анастасия Дмитриевна

студент Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

научный руководитель: Юсипова Ирина Викторовна

доцент кафедры гражданского права и процесса, к.ю.н.

Zatsepina Sofya Vladimirovna

student at the Law Institute. MM. Speransky Vladimir State University named after. A.G. and N.G. Stoletovs

Kayushkina Anastasia Dmitrievna

student at the Law Institute. MM. Speransky Vladimir State University named after. A.G. and N.G. Stoletovs

scientific supervisor: Yusipova Irina Viktorovna

Associate Professor of the Department of the Department of Civil Law and Procedure, Candidate of Legal Sciences

Аннотация. В настоящей статье анализируется проблема качества водопроводной воды в малых городах Российской Федерации с точки зрения нормативно-правового регулирования. Рассматриваются противоречия между нормативными требованиями к качеству воды и их реальным воплощением, проблемы реализации и контроля соблюдения стандартов. Особое внимание уделяется вопросам ответственности должностных лиц и механизмам защиты прав граждан на благоприятную окружающую среду. В заключении выявлено, что существующая нормативно-правовая база не всегда эффективно решает проблемы качества водопроводной воды в малых городах, что требует совершенствования правового регулирования и усиления контроля в данной сфере. Предложены рекомендации по улучшению законодательства и правоприменительной практики.

Abstract. This article analyzes the problem of tap water quality in small towns of the Russian Federation from the perspective of legal regulation. It examines the contradictions between regulatory requirements for water quality and their actual implementation, as well as the challenges of implementing and monitoring compliance with standards. The article also focuses on the responsibility of officials and the mechanisms for protecting citizens' rights to a favorable environment. The conclusion is that the existing legal framework does not always effectively address the issues of tap water quality in small towns, which requires improvements in legal regulation and increased control in this area. Recommendations for improving legislation and law enforcement practices have been proposed.

Ключевые слова: охрана окружающей среды; права граждан; экологическое право; водопроводная вода; малые города; качество питьевой воды.

Keywords: environmental protection; citizens' rights; environmental law; tap water; small towns; drinking water quality.

Качество водопроводной воды – один из ключевых факторов, определяющих здоровье населения и экологическую безопасность среды обитания. Особую остроту эта проблема приобретает в малых городах и старых жилых районах России, где состояние водопроводных сетей зачастую не соответствует современным санитарным нормам. Износ инфраструктуры и водопроводных сетей, значительная часть которых эксплуатируется десятилетиями, приводит к утечкам и вторичному загрязнению воды в процессе транспортировки, что создаёт прямые риски для благополучия жителей.¹

Анализ качества водопроводной воды показывает наличие нескольких серьезных проблем. Во-первых, это превышение нормативов по содержанию железа, марганца и жесткости воды. Это связано не только с износом оборудования, но и с тем, что водоснабжение малых городов часто производится с использованием подземных источников, которые могут содержать повышенное количество природных примесей, а очистные сооружения в свою очередь зачастую недостаточно оснащены современным оборудованием для эффективной фильтрации воды. Во-вторых, отмечается микробиологическое загрязнение. И наконец, немаловажной проблемой является химическое загрязнение водопроводной воды вследствие техногенных факторов.² Ограниченные финансовые ресурсы муниципалитетов не позволяют проводить своевременную модернизацию, а недостаточная оснащённость очистных

¹ Решение проблемы водоснабжения российских регионов. Заседание Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 11.10.2018 <http://duma.gov.ru/news/28399/> (дата обращения: 28.04.2026).

² Клейн, С. В. Приоритетные факторы риска питьевой воды систем централизованного питьевого водоснабжения, формирующие негативные тенденции в состоянии здоровья населения / С. В. Клейн, С. А. Вековщина // Анализ риска здоровью. – 2020. – №3. – С. 49-60.

сооружений и нехватка квалифицированного персонала для проведения мониторинга качества воды завершают картину технологического отставания.

Для решения вышеназванных проблем необходима реконструкция водопроводных сетей, что является задачей не только технического, но и правового характера. В первую очередь требуется комплексное законодательное регулирование, чёткое разграничение ответственности между участниками процесса (собственниками жилья, управляющей компанией, водоканалом, муниципалитетом и субъектом РФ), а также продуманные механизмы финансирования.

Нормативно-правовая база, регулирующая данную сферу, включает в себя Федеральный закон от 07.12.2011 № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении»¹, Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»², а также соответствующие статьи Жилищного³ и Водного⁴ кодексов РФ и санитарные правила и нормы (СанПиН)⁵. Эти документы устанавливают строгие гигиенические нормативы по микробиологическим, органолептическим, радиологическим и химическим показателям. Однако механизм реализации этих норм на практике несовершенен. Согласно статье 23 ФЗ № 416-ФЗ, при выявлении несоответствия качества воды Роспотребнадзор уведомляет администрацию и водоканал, после чего должен быть разработан план мероприятий по улучшению ситуации. Срок реализации этих мероприятий может достигать 7 лет. На практике такой длительный срок в сочетании с хроническим недофинансированием водоканалов превращает процедуру в бюрократическую формальность, не приводящую к реальному улучшению качества воды.

Иллюстрацией недостаточной урегулированности вопросов водоснабжения может послужить ситуация, сложившаяся в посёлке Городищи (Петушинский район, Владимирская область). Проблемы с водоснабжением здесь наблюдались несколько лет. В 2022 году за два месяца воду отключали 120 раз. Ситуация осложнялась тем, что в 2005–2007 годах сети водоснабжения и канализации продали частным компаниям. Муниципалитет не смог вернуть их через суд, а арендаторы (сначала ООО «Водоканал-Сервис», затем ООО «Исток») регулярно ограничивали подачу воды из-за долгов муниципального

¹ Федеральный закон от 07.12.2011 № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении» (в ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 50. – Ст. 7358.

² Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (в ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 14. – Ст. 1650.

³ Жилищный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 29.12.2004 № 188-ФЗ (в ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1 (часть 1). – Ст. 14.

⁴ Водный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 03.06.2006 № 74-ФЗ (в ред. от 29.12.2025 ; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 23. – Ст. 2381.

⁵ Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28.01.2021 N 3 (ред. от 12.02.2026) "Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 2.1.3684-21 "Санитарно-эпидемиологические требования к содержанию территорий городских и сельских поселений, к водным объектам, питьевой воде и питьевому водоснабжению, атмосферному воздуху, почвам, жилым помещениям, эксплуатации производственных, общественных помещений, организации и проведению санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий" (вместе с "СанПиН 2.1.3684-21. Санитарные правила и нормы...") (Зарегистрировано в Минюсте России 29.01.2021 N 62297).

предприятия «Инфраструктура и сервис». В 2024 году жители обратились к главе СК России, после чего было возбуждено уголовное дело о халатности.¹

Ответственность за некачественную воду, вызванную износом оборудования, несет водоканал, если не докажет, что ухудшение качества произошло вследствие обстоятельств непреодолимой силы, которые находятся вне его контроля. В судебной практике есть примеры, когда водоканал привлекался к ответственности за некачественную воду. Например, в деле № А59-6099/2021² суд признал МУП «Водоканал» виновным в нарушении требований к качеству воды, так как предприятие не доказало, что ухудшение произошло из-за форс-мажора. При этом важно учитывать, что зачастую в малых городах водоканал не может провести ремонтные мероприятия из-за недостатка финансирования, поэтому ни семилетний срок исправления нарушений, ни привлечение водоканала к ответственности не решает проблему с качеством воды. В такой ситуации логично привлекать финансирование из других источников, например из бюджета субъекта РФ. Так в пункте 2 статьи 23 ФЗ № 416-ФЗ сказано, что органы местного самоуправления, исполнительные органы субъектов Российской Федерации обязаны обеспечить условия, необходимые для организации подачи организацией, осуществляющей холодное водоснабжение, питьевой воды, соответствующей установленным требованиям. При этом содержание данной обязанности не конкретизируется. Таким образом, получается, что органы местного самоуправления и исполнительные органы субъекта РФ обязаны помочь водоканалу в обеспечении должно уровня качества воды и, следовательно, ремонтных мероприятиях, но как именно не указывается, что делает реализацию данных положений федерального закона на практике крайне затруднительным.

Анализируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что ключевой пробел действующего законодательства заключается в размытости обязанностей органов местного самоуправления и исполнительных органов субъектов РФ по оказанию содействия в реконструкции водопровода, а в частности по финансированию модернизации сетей. Для устранения этого недостатка предлагается внести следующие изменения в федеральные законы, чётко определив функции каждой стороны. Во-первых, органы местного самоуправления должны актуализировать схемы водоснабжения, согласовывать инвестиционные программы водоканала и контролировать качество воды. Во-вторых, исполнительные органы субъекта РФ следует обязать финансировать капитальный ремонт сетей с износом свыше 60% на основании подтверждённых заявок от водоканала. И в-третьих, сам водоканал обязан проводить регулярную диагностику и отчитываться о целевом использовании средств.

Для обеспечения исполнения этих обязанностей необходимо ввести конкретные меры ответственности. Предлагается дополнить Кодекс об

¹ Проблемы с водоснабжением в поселке Городищи: капля за каплей к уголовному делу // Россия ГТРК Владимир URL: <https://vladtv.ru/society/159378/?ysclid=mozpsveaz6817583813> (дата обращения: 25.04.2026).

² Решение Арбитражного суда Сахалинской области от 4 апреля 2022 года по делу № А59-6099/2021 // СудАкт.ру. – 2022.

административных правонарушениях РФ¹ нормой, устанавливающей штрафы для должностных лиц за неисполнение обязанностей по обеспечению условий для подачи качественной воды. Так стоит дополнить статью 7.23 КоАП РФ пунктом 4 с формулировкой: «неисполнение или ненадлежащее исполнение органами местного самоуправления либо исполнительными органами субъектов РФ обязанностей по обеспечению условий для подачи населению качественной питьевой воды, предусмотренных законодательством в сфере водоснабжения и водоотведения, – влечёт наложения административного штрафа в размере от пятидесяти до двухсот тысяч рублей». Кроме того, должна применяться дисциплинарная ответственность вплоть до увольнения служащих за систематические нарушения, а также гражданско-правовая ответственность в виде возмещения ущерба гражданам через суд.

Таким образом, качество водопроводной воды в малых городах РФ остаётся нерешённой проблемой из-за износа инфраструктуры и пробелов в законодательном регулировании. Реконструкция сетей требует не только технических вложений, но и совершенствования правовой базы с чётким распределением функций и финансовой ответственности между уровнями власти. Введение прямой административной ответственности для должностных лиц станет действенным стимулом для решения проблем водоснабжения в малых городах России.

Библиографический список

1. Кириленко, В. И. Водоснабжение и водоотведение : учебник / В. И. Кириленко, И. М. Руднев, А. А. Шипилов ; под общ. ред. д. т. н., проф. Л. Н. Фесенко. – Москва ; Вологда : Инфра-Инженерия, 2025. – 540 с. : ил., табл.
2. Клейн, С. В. Приоритетные факторы риска питьевой воды систем централизованного питьевого водоснабжения, формирующие негативные тенденции в состоянии здоровья населения / С. В. Клейн, С. А. Вековшина // Анализ риска здоровью. – 2020. – №3. – С. 49-60.
3. Помогаева, В. В. Комплексная оценка строительства систем водоснабжения для малых населенных пунктов / В. В. Помогаева, К. А. Солнцева // E-Scio. – 2021. – №11 (62). – С. 35-43.

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 09.04.2026, с изм. от 29.04.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

УДК 349.6

ПРОБЛЕМЫ СВЕТОВОГО ЗАГРЯЗНЕНИЯ

LIGHT POLLUTION PROBLEMS

Ищенко Полина Алексеевна студент Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Сапожникова Виктория Николаевна студент Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Научный руководитель: Юсипова Ирина Викторовна, доцент кафедры гражданского права и процесса, кандидат юридических наук юридического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Ishchenko Polina Alekseevna student of Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov

Sapozhnikova Viktoria Nikolaevna student of Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov

Academic Supervisor: Irina Viktorovna Yusipova, Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Candidate of Law, Law Institute, Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov.

Аннотация: в статье анализируются понятие и причины светового загрязнения. Рассматриваются последствия данного явления. А также выделяются пробелы в законодательстве, применительно к световому загрязнению.

Ключевые слова: световое загрязнение, экологическое право, право на благоприятную окружающую среду, охрана окружающей среды.

Abstract: The article analyzes the concept and causes of light pollution. The consequences of this phenomenon are considered. There are also gaps in legislation regarding light pollution.

Keywords: light pollution, environmental law, the right to a favorable environment, environmental protection.

Благодаря развитию новых технологий освещения в РФ, повышается уровень искусственной освещённости ночью, что является важным для современного общества. Однако избыток света вызывает световое загрязнение, негативно влияющее на живые организмы и создающее экологические проблемы. В России проблема остаётся недостаточно урегулированной: отсутствуют специальные нормы для борьбы со световым загрязнением. Это существенно затрудняет реализацию государственной политики в области охраны окружающей среды. Понятие «световое загрязнение» не закреплено в законодательстве, хотя определено в межгосударственном стандарте, который, впрочем, не имеет силы закона. А действующие нормы освещённости ориентированы на гигиенические и энергетические стандарты, игнорируя экологический аспект.

Основная масса светового загрязнения формируется за счёт искусственного освещения в тёмное время суток. К основным источникам относятся уличные фонари, массово установленные вдоль дорог и тротуаров. Не менее весомый вклад вносит охранное освещение — оно используется на строительных площадках, промышленных объектах, складах и деловых зданиях и зачастую работает на протяжении всей ночи вне зависимости от реальной необходимости. Кроме того, отдельную категорию составляют мощные прожекторы, применяемые на спортивных стадионах, концертных площадках, морских нефтяных платформах и других крупных инфраструктурных объектах. Наконец, существенную роль играет рекламное освещение: яркие вывески, электронные экраны и неоновые конструкции, которые специально проектируются так, чтобы привлекать внимание даже издали, отличаются избыточной яркостью и нередко работают круглосуточно, особенно в мегаполисах.¹

Избыточное ночное освещение оказывает куда более значительное влияние на окружающую среду, чем это представляется большинству из нас.

Ночной свет особенно опасен для перелетных птиц. Во время сезонных миграций они используют ночное небо для ориентации. Однако световой смог, в особенности в мегаполисах, сбивает систему птичьей навигации. Исследования в области орнитологии показывают, что ослепленные дезориентированные птицы не могут идентифицировать препятствия на своем пути. Это приводит к их столкновению со стеклянными поверхностями, стенами зданий, осветительными приборами. Всего же, по данным американского орнитологического общества, в США при столкновении с высокими освещенными объектами ежегодно гибнут 4 миллиона мигрирующих птиц.²

Чрезмерное ночное освещение представляет угрозу не только для птиц, но и для других представителей фауны. Многие виды животных демонстрируют

¹ Barentine, J. C. (2022) Night sky brightness measurement, quality assessment and monitoring. *Nature Astronomy*. No. 6 (10). Pp. 1120–1132. DOI: 10.1038/s41550-022-01756-2

² Унжаков А. Р. Экологические последствия влияния светового загрязнения на фауну в условиях урбанизации [Электронный ресурс] : журнал Вестник Мордовского Университета, Институт биологии Карельского научного центра РАН, 2009-150-151с

высокую степень зависимости от естественного света для навигации, охоты, размножения. Изменения в естественном освещении могут приводить к угасанию популяций.¹ Искусственные источники света могут сбивать с пути новорожденных особей морских черепах, которые в естественных условиях ориентируются на лунный свет для миграции к воде, что повышает риск их гибели от хищников.² Кроме того, чрезмерное воздействие искусственного света может нарушать циркадные ритмы животных, влияет на их уровень активности, гормональную регуляцию и внутренние биологические процессы, что сказывается на здоровье и выживаемости видов.

В целом российское законодательство содержит бланкетные нормы и не устанавливает точное определение «светового загрязнения». Такая ситуация приводит к правовому вакууму, который усложняет управление и надзор за данным видом загрязнения, а также препятствует исполнению государственной программы по защите окружающей среды. Согласно ст. 1 ФЗ «Об охране окружающей среды», загрязнение окружающей среды определяется как «поступление в окружающую среду вещества и/или энергии, свойства, местоположение или количество которых оказывают негативное воздействие на окружающую среду», но конкретное понятие «световое загрязнение» в законе отсутствует. Межгосударственный стандарт ГОСТ 30772-2001 «Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Термины и определения», даёт определение световому загрязнению как «форме физического загрязнения окружающей среды, связанной с периодическим или продолжительным превышением уровня естественной освещённости местности, в том числе и за счёт использования источников искусственного освещения»³, однако данный документ не является нормативно правовым актом, что затрудняет применение данного термина в российском природоохранном законодательстве. В ч. 1 ст. 22 ФЗ «О животном мире» (от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ) закреплено, что любая деятельность, влекущая изменение среды обитания объектов животного мира и ухудшение условий их размножения, нагула, отдыха и путей миграции, должна осуществляться с соблюдением требований, обеспечивающих охрану животного мира. Но конкретных требований по предотвращению светового загрязнения нет, и соответственно, это может негативно сказываться на популяции животных.

Вопросы, связанные с освещением, регулируются косвенно через общие экологические и градостроительные нормы. Специализированного регулирования светового загрязнения не существует. Так, институт экологического нормирования предусматривает установление нормативов

¹ Сулейманов, Р. Световое загрязнение: его влияние на жизнь в городе и способы его минимизации / Р. Сулейманов, Г. Агагелдиев, А. Амангелдиев. — Текст : непосредственный // Вестник науки . — 2024 . — № 10 . — С. 522-525.

² How Is Light Pollution Affecting Our Ecosystems?. — Текст : электронный // YUCHIP : [сайт]. — URL: <https://www.yuchip-led.com/how-is-light-pollution-affecting-our-ecosystems/> (дата обращения: 28.04.2026).

³ Менкенов А. В. Правовая охрана ночного неба от светового загрязнения // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 2 (24). С. 115–125

допустимых физических воздействий (часть 3 статьи 55 Федерального закона «Об охране окружающей среды»), но и эти нормативы не конкретизированы для светового загрязнения.

Кроме того, существующая нормативная база не предусматривает соразмерной нанесенному ущербу окружающей среде ответственности за нарушение установленных требований. Также наблюдается дефицит нормативных требований к применению современных технологий и методов минимизации светового загрязнения, таких как использование направленного освещения, интеллектуальных датчиков движения и автоматизированных систем управления яркостью в зависимости от времени суток и интенсивности движения.

Ввиду того, что настоящее российское законодательство не имеет точного понятия светового загрязнения, регулирование данного вопроса может быть затруднено. Видится целесообразным введение юридической диффинции рассматриваемого явления. Под световым загрязнением следует понимать физическое загрязнение окружающей среды, вызванное искусственным повышением яркости ночного неба в результате человеческой деятельности. Кроме того, предлагается внести в российское законодательство некоторые корректировки. А именно:

1. Установить нормативные требования к уровню допустимой освещенности на улицах
2. Определить соразмерную юридическую ответственность за нарушения установленных требований

Полагаем, что таким образом удастся бороться с проблемой светового загрязнения на законодательном уровне.

Библиографический список

1. Менкенов А. В. Правовая охрана ночного неба от светового загрязнения // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 2 (24). С. 115–125
2. Сулейманов, Р. Световое загрязнение: его влияние на жизнь в городе и способы его минимизации / Р. Сулейманов, Г. Агагелдиев, А. Амангелдиев. — Текст : непосредственный // Вестник науки . — 2024 . — № 10 . — С. 522-525.
3. Унжаков А. Р. Экологические последствия влияния светового загрязнения на фауну в условиях урбанизации [Электронный ресурс] : журнал Вестник Мордовского Университета, Институт биологии Карельского научного центра РАН, 2009-150-151с
4. Barentine, J. C. (2022) Night sky brightness measurement, quality assessment and monitoring. Nature Astronomy. No. 6 (10). Pp. 1120–1132. DOI: 10.1038/s41550-022-01756-2
5. How Is Light Pollution Affecting Our Ecosystems?. — Текст : электронный // YUCHIP : [сайт]. — URL: <https://www.yuchip-led.com/how-is-light-pollution-affecting-our-ecosystems/> (дата обращения: 28.04.2026).

НЕОБХОДИМОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

EFFECTIVE METHODS OF SPECIAL KNOWLEDGE IN THE INVESTIGATION OF ENVIRONMENTAL CRIMES

Канищева Ольга Николаевна

студент Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

научный руководитель: Юсипова Ирина Викторовна

доцент кафедры гражданского права и процесса. к.ю.н., доцент

Kanishcheva Olga Nikolaevna

Student at the M.M. Speransky Law Institute of the A.G. and N.G. Stoletov Vladimir State University

Academic Supervisor: Yusipova Irina Viktorovna

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure. Candidate of Law, Associate Professor

Аннотация. Статья посвящена разработке практических рекомендаций по совершенствованию судопроизводства по делам об экологических преступлениях. В работе обосновывается необходимость использования преемственности специальных знаний специалиста и эксперта как условия повышения эффективности доказывания и оптимизации процессуальных сроков.

Ключевые слова: экологические преступления; экологические правонарушения; окружающая среда; специалист; эксперт; специальные знания.

Abstract. This article is devoted to the development of practical recommendations for improving legal proceedings in environmental crime cases. The paper substantiates the need to utilize the continuity of specialized knowledge between specialists and experts as a prerequisite for increasing the effectiveness of evidence and streamlining procedural timeframes.

Keywords: environmental crimes; environmental offenses; environment; specialist; expert; specialized knowledge.

В настоящее время наблюдается устойчивая тенденция к увеличению количества правонарушений в области охраны окружающей среды, негативные

последствия которых в конечном счете обращены против самого человека. Значительное число экологических преступлений связано с причинением экономического ущерба. В связи с этим законодателем предусмотрены механизмы привлечения к административной и уголовной ответственности, направленные на предотвращение уничтожения природных ресурсов страны.

Экологическим преступлениям посвящена глава 26 Уголовного кодекса Российской Федерации¹. Кроме того, в иных главах данного нормативного правового акта также упоминаются уголовная ответственность по этой категории преступлений. Необходимо отметить, что большинство экологических правонарушений имеет латентный, скрытый характер. Также для экологических преступлений типичен отсроченный характер причинения вреда, проявляющийся в рамках объективной причинно-следственной связи. Указанные обстоятельства существенно затрудняют процесс доказывания в рамках уголовного судопроизводства.

В этой связи недооценена возможность использования специальных знаний в области естественных наук и смежных с ними. Данный фактор обуславливает невозможность самостоятельной оценки дознавателем уровня допущенного правонарушения, масштаба и характера наступивших экологически вредных последствий без применения специальных знаний. В свою очередь, масштабирование специальных знаний в судопроизводстве способствует объективности процесса защиты прав и законных интересов общества на благоприятную среду. В результате повышается эффективность судебной защиты, обеспечивается возмещение причиненного вреда и формируется устойчивая правоприменительная практика по делам об экологических правонарушениях².

Согласно ч.1.ст.58 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации³ специалист - это лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду специальных вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Здесь специалист осуществляет консультационно-справочную деятельность, в том числе предоставляет сведения, информацию в расследуемой части, разъясняет научные обоснованные факты для заключения выводов по произошедшему правонарушению, оказывает техническую помощь, в том числе как фото- или

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.; одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г.// РГ. 1996 г. 18 июня. № 113, 114, 115, 118.

² Галинская А.Е. Особенности использования специальных знаний в деятельности сторон и их представителей по делам о правонарушениях в сфере информационных технологий. Теория и практика судебной экспертизы. 2017;12(1):30-37. [Электронный ресурс] URL: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-1-30-37> (дата обращения: 31.03.2026).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г.; одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. // РГ. 2001. 22 декабря. № 249

видеосъёмка, отбор образцов с места экологического преступления, расчета экономического ущерба. Кроме того, специалист может давать показания и исследовать материалы уголовного дела для подготовки перечня вопросов эксперту. Необходимо учитывать, что специалист не должен лично, прямо или косвенно быть заинтересован в исходе дела либо иметь иные обстоятельства, вызывающие сомнение в его объективности и беспристрастности.

В соответствии со статьей 57 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в качестве эксперта допускается лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, для производства судебной экспертизы и дачи заключения. Эксперт имеет право: знакомиться с материалами уголовного дела, относящимися к предмету судебной экспертизы, просить суд о предоставлении ему дополнительных материалов и документов для исследования; задавать в судебном заседании вопросы лицам, участвующим в деле, и свидетелям; ходатайствовать о привлечении к проведению экспертизы других экспертов, давать заключение в пределах своей компетенции. Экспертом является лицо, получивший дополнительное профессиональное образование в виде переподготовки или повышения квалификации по экспертной конкретной специальности. Проводится аттестация¹ данного судебного эксперта экспертно-квалификационными комиссиями. Таким образом, сформирован круг иных участников уголовного процесса, содействующих отправлению правосудия.

Однако, представляется целесообразным привлекать в качестве специалиста лицо, которое в дальнейшем будет проводить судебно-экологическую экспертизу по уголовному делу. Такой подход позволил бы обеспечить преемственность специальных знаний на стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства.

В этом случае специалист, изначально ознакомленный с ходом расследования, участвовавший в отборе проб и образцов с места происшествия, подготовивший специальные заключения о возможности восстановления природной среды и оценивший экономический ущерб, причиненный окружающей среде в результате совершенного деяния, впоследствии сможет провести соответствующую экспертизу². Подобная интеграция процессуальных функций способствовала бы значительному сокращению сроков уголовного судопроизводства.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство не препятствует реализации указанного подхода. Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит запрета на привлечение дополнительных экспертов в случае недостаточности компетенции первоначально привлеченного специалиста для

¹ Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ: принят Гос. Думой 5 апреля 2001 г.; одобрен Советом Федерации 16 мая 2001 г. // РГ. 2001. 5 июня. № 106;

² Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография / Е. Р. Россинская. – 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА М, 2026. С. 555-560.

разрешения вопросов, требующих специальных знаний в иных экологических специализациях.

Также необходимо отметить, что в случае привлечения в качестве специалиста в соответствии со статьями 58 и 168 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не предупреждается об ответственности за дачу ложных пояснений, хотя его разъяснения и показания не являются доказательством по делу, в отличие от заключения эксперта, который несет ответственность по ст. 307 Уголовного кодекса Российской Федерации. Данный факт еще раз подтверждает, что в производстве уголовного дела целесообразно использовать специальные знания эксперта, привлеченного изначально в качестве специалиста.

В качестве примера подобной практики можно привести Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13.04.2022 г. № 77-2656/2022¹. По данному уголовному делу о незаконной рубке лесных насаждений участвовал специалист, проводивший осмотр места происшествия, который отбирал образцы деревьев (спилы), и в дальнейшем, был привлечен в качестве эксперта, осуществляющего почвоведческую и лесотехническую экспертизу. Суд кассационной инстанции указал, что нарушений уголовно-процессуального закона не допущено, так как специалист лишь фиксировал обстановку и отбирал образцы, а само экспертное исследование проводилось им в установленном порядке на основании постановления следователя. Таким образом, основания для отвода в качестве эксперта не правомерно.

Таким образом, использование специальных знаний по делам об экологических преступлениях выступает необходимым условием эффективной деятельности субъектов расследования - следователя, дознавателя и суда. Применение специальных знаний позволяет восполнить недостаток профессиональной компетенции в вопросах, связанных с оценкой изменений окружающей среды, подвергшейся негативному воздействию. В свою очередь, это способствует усилению состязательности сторон, повышению объективности процедуры доказывания и, как следствие, оказывает положительное влияние на качество и сроки предварительного расследования и судебного разбирательства.

¹ Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13 апреля 2022 г. № 77-1824/2022. Режим доступа: Система «Консультант Плюс».

Библиографический список

1. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография / Е. Р. Россинская. – 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА М, 2026. С. 555-560.

2. Галинская А.Е. Особенности использования специальных знаний в деятельности сторон и их представителей по делам о правонарушениях в сфере информационных технологий. Теория и практика судебной экспертизы. 2017;12(1):30-37. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-1-30-37> (дата обращения: 31.03.2026).

УДК 349.6

ПРОБЛЕМА ГРИНВОШИНГА И ПУТИ ЕЁ РЕШЕНИЯ

THE PROBLEM OF GREENWASHING AND ITS SOLUTIONS

Косс Алина Евгеньевна

студент юридического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Перевалов Егор Сергеевич

студент юридического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

научный руководитель: Юсипова Ирина Викторовна

доцент кафедры гражданского права и процесса, к.ю.н.

Koss Alina Evgenievna

Student, Law School, Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov

Perevalov Egor Sergeevich

Student, Law School, Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov

Academic Supervisor: Yusipova Irina Viktorovna

Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, PhD in Law

Аннотация. Текст посвящён проблеме гринвошинга и поиску правовых механизмов борьбы с ложным эко-маркетингом. На основе анализа опыта США и текущего законодательства РФ предлагаются пути решения данной проблемы. Предлагается закрепление правового статуса эко-маркировок и введение мер государственной поддержки для проверенной био-продукции.

Ключевые слова: права потребителей; экология; гринвошинг; честный знак.

Abstract. The text is devoted to the problem of greenwashing and the search for legal mechanisms to combat false eco-marketing. Based on the analysis of the US experience and the current legislation of the Russian Federation, the text proposes ways to solve this problem. It suggests establishing a legal status for eco-labels and introducing government support measures for verified bio-products.

Keywords: consumer rights; ecology; greenwashing; Honest sign.

В настоящее время общество во всём мире активно заинтересовано проблемами экологии. Популярность повторного потребления, переработок, разлагаемых материалов начало набирать популярность ещё в 2019 году в сети интернет и продолжает развиваться, в отдельных регионах становясь уже повседневным и привычным делом.

Вследствие такой популярности на «экологичность» продавцы и производители, чтобы не отставать от тенденций и не потерять, но и набрать клиентов вынуждены были либо соответствовать новой моде, либо оставаться в прошлом.

Однако производство из более экологически безвредных материалов не всегда является дешёвым, и кто-то просто не в состоянии потянуть новые способы производства, оставаясь в предыдущем ценовом сегменте покупателей.

Здесь мы сталкиваемся с новым понятием, который происходит из недобросовестности производителей – «гринвошинг» (он же «зелёный камуфляж» с дословного перевода с английского «greenwashing»). Другими словами, это форма маркетинга, делающая упор на экологичность, при которой компания создаёт ложное впечатление о своей экологической ответственности или о степени экологичности своей продукции, работ или услуг, ради финансовой выгоды.

Часть 3 статьи 1 Гражданского Кодекса РФ¹ устанавливает, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. В постановлении пленума от 23.06.2015 N 25² Верховный суд указывает, что, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации. Соответственно, создавая ложные представления о продукте у потребителя, производитель или продавец товара нарушает данную норму, действуя недобросовестно.

Проявлением гринвошинга может служить то, что организация заявляет об экологичности продукции, работы или услуги, которая изначально не является экологичной; не конкретизирует, в чем заключается экологичность её продукции или не может это доказать; для подтверждения экологичности привлекаются независимые внешние субъекты, которые соответствующие исследования не проводили; организация использует яркие экологические логотипы, дизайнерские решения, привлекает к рекламе известных учёных-экологов, использует в рекламе образы красивых животных, птиц, водных биологических ресурсов; делаются заведомо ложные заявления о проведении независимой внешней сертификации, лицензирования производства продукции, контроля

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) [Электронный ресурс] // Российская газета. 1994. № 238-239.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. № 140.

качества; в описании экологических свойств и состава продукции используются наименования веществ, компонентов, не являющихся экологичными или не существующих в природе.¹

Проблема наиболее обострена на маркетплейсах, где зачастую отсутствует строгий контроль за сертификатами и утверждениями продавца, а покупатели, проявляя неосмотрительность забывают проверить наличие таковых или сверить их с реально существующими.

Современный американский опыт противодействия гринвошингу характеризуется переходом от рекомендательных стандартов к жёсткой правоприменительной практике. Ключевым регулятором в этой сфере выступает Федеральная торговая комиссия (ФТК), чьи «Зелёные руководства» (Green Guides) служат основным инструментом интерпретации экологических заявлений. Несмотря на отсутствие статуса обязательных нормативных актов, данные Руководства определяют критерии, при которых маркетинговые заявления признаются «вводящими в заблуждение» согласно статье 5 Закона о ФТК.²

Правовая доктрина США требует от производителей высокой степени конкретизации и доказанности экологических характеристик. Так, использование обобщающих терминов (например, «экологичный») без раскрытия специфики производственного цикла квалифицируется как нарушение, если компания не может подтвердить заявленные свойства для всего продукта в целом. Показательным примером ужесточения санкций является дело ритейлеров Walmart и Kohl's (2022 г.), оштрафованных на общую сумму 5,5 млн долларов за некорректную маркировку изделий из вискозы как «экологичного бамбука».

Эффективность американской модели обеспечивается синергией общих норм о защите прав потребителей и отраслевого законодательства. Данный подход позволяет привлекать компании к ответственности не только за прямую дезинформацию, но и за использование двусмысленных формулировок, что создаёт прецедент высокой юридической ответственности за недобросовестный экологический маркетинг.

К методам борьбы с введением в заблуждение потребителя относительно экологичности товара в Российской Федерации можно отнести статью 14.7 КоАП РФ³, которая устанавливает ответственность за введение потребителя в заблуждение. Данная норма в значительной степени помогает противодействовать гринвошингу, наказывая и запрещая введение в заблуждение потребителя, однако в настоящий момент в законодательстве отсутствует норма, запрещающая введение в заблуждение на основании манипулирования экологическим сознанием. Стоит учитывать, что данное

¹ Агафонов В. Б. ESG-принципы и гринвошинг: правовые проблемы дифференциации // Актуальные проблемы российского права. 2024. №9 (166). С. 135.

² Sammons E. «Green» is the New Black: Enforcing Consumer Protection Laws Against Greenwashing in the Fashion Industry. / Emory International Law Review. 2024. Vol. 38. P. 203.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 195-ФЗ (ред. от 09.04.2026) [Электронный ресурс] // Российская газета. 2001. № 256.

деяние посягает на самостоятельный видовой объект, затрагивая, помимо права потребителя на достоверную информацию о товаре и права конкурентов на честную конкурентную среду, также общественные отношения в области охраны окружающей среды.

Наиболее явной попыткой урегулировать процессы связанные со спекулированием на экологической тематике являются ГОСТ Р 510742003¹, который устанавливает возможность установки маркировок о способах удобрения и о консервантах только в случае экспертно подтверждённого факта и ГОСТ Р ИСО 14021-2000², согласно которому не допускается использовать экологические заявления с нечёткими, неконкретными или широко трактуемыми формулировками. Проблемой является рекомендательный характер ГОСТов.

В то же время, законодательное регулирование в данной сфере должно носить комплексный характер и эффективно функционировать на практике. Следует отметить, что в 2015 г. Министерством сельского хозяйства Российской Федерации был подготовлен и внесён в Правительство проект федерального закона «О производстве органической продукции», призванный, помимо прочего, урегулировать вопросы приобретения, подтверждения и контроля статуса органической продукции, что должно было стать большим шагом на пути к федеральному урегулированию эксплуатации темы экологии в торговле. Однако, этого до сих пор не произошло – закон не был принят.³

В целом, стоит сказать, что вопрос о контроле качества, безопасности и оригинальности товаров, и защите потребителей от некачественных или поддельных не является чем-то новым. В настоящий момент в Российской Федерации с 2016 года успешно существует и применяется система «Честный Знак».

Честный знак — это национальная система цифровой маркировки товаров, призванная защитить потребителей от подделок. Данная система представляет собой небольшой QR-код и уникальный цифровой код — DataMatrix, несущий в себе информацию о конкретном продукте. Можно сказать, что это цифровой паспорт кроссовок товаров. Данная маркировка позволяет проследить весь путь товара начиная от производства заканчивая магазином. Удобство данной системы состоит в том, что любой потребитель через специальное приложение для смартфона может посмотреть данную информацию, создавая более прозрачную среду для потребителей.

Стоит отметить, что маркировка продукции в государственной информационной системе мониторинга за оборотом товаров обязательна для производителей для установленных постановлением категорий товаров, в случае если производитель не маркирует товар и не передаёт сведения в информационную систему предусмотрено наказание. В числе товаров обязательных к маркировке: молочная продукция, безалкогольные напитки,

¹ ГОСТ Р 51074-2003. URL: <https://www.rst.gov.ru>

² ГОСТ Р ИСО 14021-2000 URL: <https://www.rst.gov.ru>

³ Кротов К. С. Юридическая ответственность за ложную эко-маркировку в России и зарубежных странах //Гуманитарные и юридические исследования. 2018. №. 1. С. 159-164.

упакованная вода, лекарства, табак, товары лёгкой промышленности, обувь, шубы, медицинские изделия духи и туалетная вода, шины и покрышки, фотоаппараты и лампы-вспышки, биологически активные добавки к пище, антисептики, кресла-коляски.

Перечень обязательной продукции как видно достаточно велик, однако в этом списке отсутствует любое упоминание об экологии, на наш взгляд данное обстоятельство выглядит как большое упущение со стороны государства, так как введение такой категории позволило бы отфильтровать товар называемый «экологичным» без веских оснований.

Главной проблемой системы является стоимость маркировки, за один код придётся заплатить 50 копеек. Это сумма без учёта НДС. Соответственно, в зависимости от конкретного товара, окончательная сумма будет на 10–20% больше, что является довольно серьёзным увеличением цены товара, а значит может отрицательно отразиться на спросе на данные товары. Разумным в данной ситуации видится установить льготные условия для экологичных товаров, в целях увеличения интереса потребителей.

Рост популярности эко-повестки привел к распространению гринвошинга — недобросовестного маркетинга, вводящего потребителей в заблуждение ради прибыли. В отличие от США, где за абстрактные лозунги предусмотрены жесткие штрафы, в России борьба с «зеленым камуфляжем» ограничена общими нормами о защите прав потребителей и рекомендательными ГОСТами. Действующее законодательство пока не учитывает специфику манипуляций экологическим сознанием, что особенно заметно на бесконтрольных маркетплейсах.

Решением проблемы может стать интеграция экологической сертификации в систему «Честный знак». Введение обязательной маркировки для эко-товаров обеспечит прозрачность их происхождения и отсеет пустые заявления производителей. При этом, чтобы не допустить роста цен, государству следует внедрить льготные тарифы на маркировку для подтвержденной био-продукции. Только переход к цифровому контролю и мерам поддержки честных производителей позволит сформировать в России рынок подлинно ответственного потребления.

Библиографический список

1. Агафонов В. Б. ESG-принципы и гринвошинг: правовые проблемы дифференциации // Актуальные проблемы российского права. 2024. №9 (166). С. 132-141.

2. Кротов К. С. Юридическая ответственность за ложную эко-маркировку в России и зарубежных странах // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. №. 1. С. 159-164.

3. Sammons E. «Green» is the New Black: Enforcing Consumer Protection Laws Against Greenwashing in the Fashion Industry. / Emory International Law Review. 2024. Vol. 38. P. 191-232.

УДК 349.4

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПА К ВОДНЫМ ОБЪЕКТАМ ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

THE PROBLEM OF ENSURING ACCESS TO PUBLIC WATER BODIES

Котова Вера Павловна

студентка Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Научный руководитель: Юсипова Ирина Викторовна

доцент кафедры гражданского права и процесса, кандидат юридических наук

Kotova Vera Pavlovna

Student at the M.M. Speransky Law Institute, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov

Academic Supervisor: Yusipova Irina Viktorovna

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, PhD in Law

Аннотация. В статье рассматриваются правовые основы и проблемы реализации права граждан на доступ к водным объектам общего пользования. Несмотря на его закрепление в законодательстве, на практике доступ нередко ограничивается застройкой прибрежных территорий и другими препятствиями. На основе судебной практики выявляются типичные нарушения и обосновывается необходимость уточнения правового режима береговой полосы и усиления контроля.

Ключевые слова: водные объекты общего пользования; береговая полоса; доступ к воде; общее водопользование; ограничение доступа.

Abstract. The article examines the legal framework and issues related to the implementation of citizens' right of access to public water bodies. Despite its recognition in legislation, access is often restricted in practice by coastal development and other barriers. Based on judicial practice, common violations are identified, and the need to clarify the legal regime of the coastal strip and strengthen control is substantiated.

Keywords: public water bodies; coastal strip; access to water; general water use; access restriction

Право граждан на свободный доступ к природным ресурсам является одним из элементов конституционного права на благоприятную окружающую

среду, закрепленного в Конституции Российской Федерации. Однако интенсивное освоение прибрежных территорий в частных интересах обостряет вопрос о фактической доступности водных объектов и прибрежных территорий общего пользования для населения. Несмотря на наличие нормативного закрепления данного права, на практике оно нередко ограничивается¹.

Согласно ст. 6 Водного кодекса Российской Федерации поверхностные водные объекты, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, признаются водными объектами общего пользования, то есть общедоступными, если иное прямо не установлено законом. Каждый гражданин вправе иметь к ним доступ и бесплатно использовать их для личных и бытовых нужд, например, для отдыха, любительского рыболовства или причаливания плавучих средств². Также в данной статье закрепляются положения о режимах береговой полосы. Ширина участка земли вдоль береговой линии, предназначенного для свободного передвижения и пребывания граждан в общем случае составляет 20 метров, однако для каналов, а также рек и ручьев протяженностью менее 10 км составляет 5 метров.

При этом земельные участки в пределах береговой полосы изъяты из оборота³ и не подлежат приватизации. Исключение предусмотрено лишь для прудов и обводненных карьеров, которые расположены в границах частных земельных участков.

Однако, изъятие из оборота подобных участков не устанавливает полного запрета на возведение каких-либо сооружений на них. Именно здесь возникает проблема. Закон допускает формирование участков и размещение объектов в их пределах, но не определяет чётких границ допустимой застройки. В результате даже законное использование земли приводит к фактическому перекрытию прохода к воде, что противоречит её публичному назначению, поэтому застройка береговой полосы часто выступает одной из главных причин ограничения доступа к водным объектам⁴.

В качестве примера можно привести позицию Верховного Суда Российской Федерации (постановление от 10.12.2024 № 18-АД24-46-К4)⁵. Суд признал незаконным размещение жилого дома в пределах береговой полосы реки Мзымта в Сочи. Часть здания находилась в 20-метровой зоне общего пользования, поэтому такие действия были расценены как ограничение доступа граждан к водному объекту, что нарушает ст. 6 Водного кодекса РФ. Владелец ранее был привлечён к ответственности по ст. 8.12.1 КоАП РФ, а Верховный суд

¹ Свешников Д. Н. О некоторых аспектах реализации права общего пользования поверхностными водными объектами // — Белгород: Белгородский университет кооперации, экономики и права. С. 215–218

² Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 г. N 74-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июня 2006 г. N 23 ст. 2381

³ Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. N 136-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 октября 2001 г. N 44 ст. 4147

⁴ Мельников Н. Н. Проблемы образования, использования и застройки земельных участков в границах береговой полосы // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. № 7 (286). С. 56-61

⁵ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2024 г. № 18-АД24-46-К4 «О привлечении к административной ответственности за ограничение доступа к водному объекту общего пользования» // СПС «Гарант».

в свою очередь подтвердил, что размещение капитального объекта в береговой полосе препятствует свободному доступу к воде.

Ограничение доступа к водным объектам общего пользования проявляется не только через застройку этой территории, но и в иных различных формах. Так, на практике часто встречается незаконный выход частных земельных участков на береговую полосу¹. Дополнительные сложности возникают при аренде участков: хотя закон допускает их предоставление, обязательным условием является обеспечение свободного доступа граждан, которое нередко фактически не соблюдается. Также часто распространена практика коммерциализации доступа к самому водоёму, когда взимается плата за проход к нему под видом оказания услуг, что противоречит законодательству, допускающему лишь оплату дополнительных сервисов (например, аренда шезлонга на береговой линии)². Наконец, существенную роль играет конфликт интересов между водопользователями и гражданами: хозяйствующие субъекты, ссылаясь на защиту своих ресурсов, пытаются ограничить доступ, однако судебная практика последовательно исходит из приоритета права общего водопользования.

Наглядной иллюстрацией может выступать дело ООО «Мытищинская галантерейная фабрика», которое было рассмотрено Верховным Судом Российской Федерации³. В ходе проверки было установлено, что вдоль берега реки Яузы установлен сплошной металлический забор на расстоянии менее двух метров от воды, без различных проходов, что фактически ограничивало доступ граждан к береговой полосе. Такие действия были квалифицированы по ст. 8.12.1 КоАП РФ⁴ как нарушение обязанности обеспечить свободный доступ к водному объекту. Доводы о промышленном назначении территории и давности приобретения прав на участок суд не принял, указав, что это не освобождает от соблюдения требований закона. В результате на организацию был наложен административный штраф, а приоритет права общего водопользования подтверждён.

Нередко на практике границы предоставленных прав водопользователей размываются, что часто приводит к их превышению. Следует отметить, что наличие договора водопользования на акваторию само по себе не наделяет правообладателя правом застройки или использования прилегающей береговой полосы, так как она сохраняет статус территории общего пользования. Однако часто водопользователи, ссылаясь на свои права, устанавливают ограждения,

¹ Куликова О. В., Сорокина Ю. В. К вопросу о статусе водных объектов общего пользования в контексте обеспечения безопасности людей на водных объектах // Право и государство: теория и практика. 2024. № 2 (230). С. 151–153.

² Письмо Росреестра от 24.03.2025 № 14-2668-ТГ/25 «По вопросу о возможности постановки на государственный кадастровый учёт земельных участков, границы которых пересекают береговую полосу водного объекта» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_504254/ (дата обращения: 19.04.2026).

³ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2021 г. № 4-АД21-1 «О привлечении к административной ответственности за ограничение доступа к водному объекту общего пользования» // СПС «Гарант».

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ // Российская газета от 31 декабря 2001 г. N 256

ограничивают проход к воде или фактически присваивают часть береговой линии. Показательно в этом отношении решение суда по делу, связанному с деятельностью ООО «Оликовское озеро» в Суздальском районе Владимирской области¹. Компания, имея договор водопользования, разместила на участке сельскохозяйственного назначения инфраструктуру базы отдыха, включая домики, беседки и иные сооружения, часть из которых располагалась вблизи водоема и на воде. Суд указал, что наличие договора водопользования не дает права на застройку береговой полосы, а также отметил несоответствие использования участка его целевому назначению. В результате постройки были признаны самовольными, компания обязана освободить участок, а возведенные объекты подлежали демонтажу². Этот пример наглядно показывает, что выход за пределы предоставленных прав приводит к признанию деятельности незаконной и ограничению доступа граждан к водным объектам.

Таким образом, право свободного доступа к водным объектам общего пользования закреплено в российском законодательстве, но на практике его реализация сталкивается с рядом проблем. Большая часть из них связаны с застройкой прибрежных территорий, неопределённостью пределов допустимого использования береговой полосы, а также злоупотреблением правами со стороны собственников и водопользователей. Хотя судебная практика в большинстве случаев встаёт на сторону граждан и подтверждает приоритет общего водопользования, однако она часто носит реактивный характер и не устраняет причины нарушений напрямую. В связи с этим необходимо уточнение правового режима береговой полосы, установление более чётких пределов её использования, а также усиление механизмов контроля за соблюдением требований законодательства, что позволит обеспечить реальную, а не только формальную доступность водных объектов для населения.

Библиографический список

1. Куликова О. В., Сорокина Ю. В. К вопросу о статусе водных объектов общего пользования в контексте обеспечения безопасности людей на водных объектах // Право и государство: теория и практика. 2024. № 2 (230). С. 149–153.
2. Мельников Н. Н. Проблемы образования, использования и застройки земельных участков в границах береговой полосы // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. № 7 (286). С. 53–66.
3. Свешников Д. Н. О некоторых аспектах реализации права общего пользования поверхностными водными объектами // Белгород: Белгородский университет кооперации, экономики и права. С. 215–218.

¹ Решение Арбитражного суда Владимирской области от 17 апреля 2025 г. по делу № А11-6122/2021 «Об обязанности освободить земельный участок и сносе самовольных построек» // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/16ca13b0-9b59-4112-b076-0fb9f057330d> (дата обращения: 19.04.2026).

² Артюх Д. Рыбацкую базу отдыха на водохранилище под Оликово снесли по решению суда // Сетевое издание «Zebra-TV». 17.02.2026. URL: <https://zebra-tv.ru/novosti/biznes/rybatskuyu-bazu-otdykha-na-vodokhranilishche-pod-olikovo-snesli-po-resheniyu-suda/> (дата обращения: 19.04.2026).

УДК 338.45.

ПРАВОВЫЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ ПРИ ДОБЫЧЕ ПОДЗЕМНЫХ ВОД

LEGAL AND ENVIRONMENTAL RISKS IN GROUNDWATER EXTRACTION

Куликова Василиса Валерьевна

студент Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

научный руководитель: Юсипова Ирина Викторовна

доцент кафедры гражданского права и процесса, кандидат юридических наук

Kulikova Vasilisa Valeryevna

Student, M.M. Speransky Law Institute, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov

Academic Supervisor: Yusipova Irina Viktorovna

Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, PhD in Law

Аннотация. В статье рассматривается двойственный правовой статус подземных вод, которые одновременно регулируются нормами водного и горного законодательства, что порождает правовые коллизии. Анализируются обязательные требования к лицензированию добычи подземных вод, а также правовые последствия их нарушения, включая административную и уголовную ответственность. Внимание уделяется экологическим рискам: истощению водоносных горизонтов, интрузии солёных вод, загрязнению из-за некачественного строительства скважин и деградации природных экосистем.

Abstract. The article considers the dual legal status of groundwater, which is simultaneously regulated by the norms of water and mining legislation, which generates legal conflicts. The mandatory requirements for licensing groundwater extraction are analyzed, as well as the legal consequences of their violation, including administrative and criminal liability. Attention is paid to environmental risks: depletion of aquifers, saltwater intrusion, pollution due to poor-quality well construction and degradation of natural ecosystems.

Ключевые слова: недра, подземные воды, недропользование, Водный кодекс, уголовная ответственность, административная ответственность.

Keywords: subsoil, groundwater, subsoil use, Water Code, criminal liability, administrative responsibility.

Подземные воды - это воды, находящиеся в толще горные породы верхней части земной коры в жидком, твёрдом и газообразном состоянии. С одной стороны - это вода, а с другой - неотъемлемая часть горных пород, составляющих недра. Отсюда возникает двойственность их режима и порождает ситуацию, когда один и тот же природный объект одновременно подпадает под действие двух крупных отраслей законодательства - водного и горного.

Закон РФ "О недрах" от 21.02.1992 N 2395-1¹ регулирует отношения, возникающие в области использования и охраны недр, в том числе подземных вод, включая попутные воды, и вод, использованных пользователями недр. При этом само определение недр (часть земной коры, расположенной ниже почвенного слоя, а при его отсутствии - ниже земной поверхности и дна водоемов и водотоков, простирающейся до глубин, доступных для геологического изучения и освоения) не дает однозначного ответа на вопрос, входят ли в их состав подземные воды.

С позиции Водного кодекса РФ², согласно статье 5 подземные воды относятся к категории водных объектов, к ним относятся водоносные горизонты и бассейны подземных вод. Для правомерной добычи подземных вод в большинстве случаев необходимо получить лицензию на пользование недрами.

Так, формальное регулирование добычи и использования подземных вод создаёт правовую коллизию и несогласованность в действиях регулирующих органов, но вместе с этим и широкую нормативно-правую базу.

В соответствии со ст.1.2 Закона «О недрах», недра в границах территории РФ, включая подземное пространство и содержащиеся в недрах полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы, являются государственной собственностью. Это означает, что подземные воды, находясь в недрах, изъяты из гражданского оборота и не могут быть предметом купли, продажи, дарения, наследования, вклада, залога или иных сделок. Поскольку недра находятся в государственной собственности, их использование возможно только на основании специального разрешения.

Предоставление недр в пользование, в том числе для добычи подземных вод, оформляется государственной лицензией.

Долгое время порядок лицензирования в России оставался традиционным: очные торги, бумажные лицензии, громоздкая и затянутая процедура оформления и аннулирования. Однако цифровизация и современные вызовы привели в 2022 году к кардинальной реформе законодательства о недрах - лицензии стали электронными, а процессы их выдачи, корректировки и

¹ О недрах : Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 : (ред. от 08.08.2024) // Российская газета. – 1992. – № 102.

² Водный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 03.06.2006 № 74-ФЗ : (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 23. – Ст. 2381. – (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026).

прекращения - значительно проще и быстрее¹. Пользование недрами без такой лицензии является незаконным и влечет административную или уголовную ответственность.

Наиболее распространенным нарушением является пользование недрами без лицензии. Согласно Федеральному закону «О недрах», любое использование недр, включая добычу подземных вод через скважины, возможно только при наличии соответствующей лицензии. Отсутствие лицензии влечёт административную ответственность по статье 7.3 КоАП РФ, которая предусматривает штраф для юридических лиц в размере от 800 тысяч до 1 миллиона рублей.

Например, в 2017 году Владимирская природоохранная прокуратура выявила, что муниципальное предприятие «Краснопламенный комбинат коммунального хозяйства» (МП «КККХ») использовало 17 артезианских скважин без лицензии на право пользования недрами. Проверка показала, что предприятие оказывало услуги по водоснабжению жителям и предприятиям Краснопламенского сельского поселения Александровского района Владимирской области, эксплуатируя артезианские скважины, но не имело действующей лицензии на недропользование. Ранее у предприятия была лицензия, но её срок истёк. Суд обязал предприятие оформить лицензию, при этом представитель ответчика ссылался на затруднительное финансовое положение.²

Статьей 246 УК РФ³ предусмотрена ответственность за нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ. К примеру, 18 июля 2019 года Куменский районный суд Кировской области признал Д. В. Мошонкина виновным по статье 246 УК РФ (нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ) и назначил ему наказание в виде штрафа⁴. Суд установил, что в период с марта 2015 года по ноябрь 2016 года под руководством Мошонкина работники ОАО «КЧУС» самовольно разработали карьер на земельном участке сельскохозяйственного назначения в 3 км от д. Мошаны Куменского района Кировской области.

Подземные воды - это крайне уязвимый природный ресурс. Хотя они загрязняются реже, чем поверхностные, оценить их состояние гораздо сложнее. Это затрудняет разработку действенных мер по их защите⁵.

¹ Пищик, К. М. Риски в сфере лицензирования недропользования / К. М. Пищик // Нефть и газ - 2023 : Тезисы докладов 77-ой Международной молодежной научной конференции, Москва, 11–15 сентября 2023 года. – Москва: Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина, 2023. – С. 765.

² Решение № 2-810/2017 2-810/2017~М-742/2017 М-742/2017 от 13 июня 2017 г. по делу № 2-810/2017 // СудАкт.ру. - URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1Z0gHPcLlsgj/> (дата обращения: 21.04.2026)

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

⁴ Приговор № 1-39/2019 от 17 июля 2019 г. по делу № 1-39/2019 // СудАкт.ру. - URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7PiuLyVRdb6O/> (дата обращения: 21.04.2026).

⁵ Арустамов Э. А., Левакова И. В. Загрязнение подземных вод стало актуальной экологической проблемой // Вестник евразийской науки. 2019. №6. С.93.

Одним из экологических рисков также является истощение водоносного горизонта - процесс, при котором объем изъятия воды превышает естественное восполнение запасов. Он может проявляться в виде снижения уровня подземных вод и пересыхания родников и источников. В прибрежных районах чрезмерное изъятие способно провоцировать интрузию - проникновение соленой воды в пресную, что делает её непригодной для питья.

Низкое качество строительства скважин может привести к вертикальному перетоку загрязнения. Отсутствие цементной изоляции превращает скважину в канал для загрязнения, поскольку позволяет поверхностным стокам и загрязнениям проникать в чистые водоносные слои¹.

Снижение уровня грунтовых вод в свою очередь негативно влияет на болота и леса, растительность испытывает водный стресс и пересыхает, что ведет к гибели лесных массивов. В зонах, подверженных осушению, происходит деградация водных горизонтов и болот, сокращая при этом биологическое разнообразие и лишая среды обитания многие виды животных и растений.

Правовая неопределенность, обусловленная двойным статусом подземных вод как объектов недр и водных ресурсов, порождает коллизии между Водным кодексом и законом «О недрах». Несмотря на императивное требование лицензирования, нарушение которого влечет административную и уголовную ответственность, наличие правового статуса не устраняет экологических рисков. Нерациональный водозабор ведет к истощению горизонтов, депрессионным воронкам, солевой интрузии и деградации экосистем, а технологические ошибки при бурении создают пути миграции загрязнений. Следовательно, устойчивое управление ресурсами требует сочетания строгого лицензирования с комплексным техническим контролем и постоянным мониторингом водозаборных сооружений.

Библиографический список

1. Пищик, К. М. Риски в сфере лицензирования недропользования / К. М. Пищик // Нефть и газ - 2023 : Тезисы докладов 77-ой Международной молодежной научной конференции, Москва, 11–15 сентября 2023 года. – Москва: Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина, 2023. – С. 765-766.

2. Арустамов Э. А., Левакова И.В. Загрязнение подземных вод стало актуальной экологической проблемой // Вестник евразийской науки. 2019. №6. С.89-95.

3. Никишин В. В., Блинов П. А., Федоров В. В., Никишина Е. К., Токарев И. В. Анализ проблем добычи качественной питьевой воды из подземных водозаборов на о-ве Высоцкий в Выборгском районе Ленинградской области // Записки Горного института. 2023. №264. С.937-948.

¹ Никишин В. В., Блинов П. А., Федоров В. В., Никишина Е. К., Токарев И. В. Анализ проблем добычи качественной питьевой воды из подземных водозаборов на о-ве Высоцкий в Выборгском районе Ленинградской области // Записки Горного института. 2023. №264. С.937.

УДК 349.6

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ ПЕРЕХОДЕ РОССИИ К «ЗЕЛЕННОЙ» ЭКОНОМИКЕ

IMPROVING ENVIRONMENTAL LEGISLATION DURING RUSSIA'S TRANSITION TO A «GREEN» ECONOMY

Леонтьева Алина Дмитриевна

студентка Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

научный руководитель: **Юсипова Ирина Викторовна**

доцент кафедры гражданского права и процесса, к.ю.н.

Leonteva Alina Dmitrievna

student of the Law Institute. M.M. Speransky Vladimir State University. A.G. and N.G. Stoletovs

research supervisor: **Yusipova Irina Viktorovna**

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Candidate of Legal Sciences

Аннотация. В статье рассматривается совершенствование экологического законодательства Российской Федерации в контексте перехода к «зеленой» экономике и достижения углеродной нейтральности. Анализируются конституционные основы экологической политики, экологические преимущества электромобилей и действующие правовые механизмы, а также обосновывается необходимость разработки ключевых законодательных инициатив.

Abstract. The article considers the improvement of the environmental legislation of the Russian Federation in the context of the transition to a "green" economy and the achievement of carbon neutrality. The constitutional foundations of environmental policy, the environmental benefits of electric vehicles and existing legal mechanisms are analyzed, and the need to develop key legislative initiatives is justified.

Ключевые слова: электромобиль; низкоуглеродная мобильность; углеродная нейтральность; экологическое законодательство; парниковые газы.

Keywords: electric vehicle; low-carbon mobility; carbon neutrality; environmental legislation; greenhouse gases.

Переход к «зеленой» экономике представляет собой систему видов экономической деятельности, связанную с производством, распределением, обменом и потреблением товаров и услуг, которые приводят к повышению благосостояния человека в долгосрочной перспективе; будущие поколения при это не подвергаются воздействию значительных экологических рисков или экологических катастроф.¹ Для Российской Федерации, которая взяла курс на снижение выбросов парниковых газов и достижение углеродной нейтральности к 2060 году, совершенствование экологического законодательства становится не просто приоритетом, а необходимым условием сохранения конкурентоспособности национальной экономики.

Транспортный сектор является одним из основных источников загрязнения атмосферного воздуха как в России, так и в целом мире. Именно поэтому в настоящее время происходит популяризация и распространение электромобилей, которые рассматриваются государством как стратегическое направление снижения экологической нагрузки.

В статье 42 Конституции Российской Федерации закреплено право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением и одновременно с данным правом, статья 58 Основного закона устанавливает обязанность каждого сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам.² Данные положения являются фундаментальными для развития экологического законодательства, так как переход к «зеленой» экономике, включая развитие электромобильности, рассматривается как один из способов реализации конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду.

Главным и очевидным экологическим преимуществом электромобилей является полное отсутствие выбросов вредных веществ в процессе движения. Особенно это необходимо в крупных городах, где автотранспорт является источником загрязнения атмосферного воздуха на 80% и больше. Например, замена обычного дизельного автобуса на электробус снижает выбросы углекислого газа на 60 тонн в год.³ В масштабах города этот эффект многократно усиливается и для российских мегаполисов, где проблема качества воздуха стоит особенно остро, переход на электротранспорт является важным вопросом здоровья миллионов граждан.

Государство, обеспечивая и поддерживая переход на электромобили, преследует такие цели как: снижение выбросов загрязняющих веществ в местах

¹ Иванова, Н. И. "Зеленая" экономика: сущность, принципы и перспективы / Н. И. Иванова, Л. В. Левченко. — Текст : непосредственный // Вестник ОмГУ. Серия: экономика. — 2017. — № 2 (58). — С. 19-28.

² "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальном интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

³ Королев, И. В. «Замена одного дизельного автобуса на электробус снижает выбросы углекислого газа на 60 т в год» / И. В. Королев. — Текст : электронный // Коммерсантъ : [сайт]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8009118> (дата обращения: 27.04.2026)

интенсивного движения в городах; снижение шумового загрязнения; снижение выбросов парниковых газов.

26 октября 2023 года был принят Указ Президента РФ №812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации».¹ Данная доктрина определяет такие направления как: достижение углеродной нейтральности к 2060 году; необходимость снижения выбросов парниковых газов; стимулирование развития низкоуглеродных и безуглеродных технологий и другие. Вместе с этим, транспортный сектор выделен как один из приоритетных для декарбонизации.

Одним из наиболее эффективных направлений снижения негативного воздействия автотранспорта на окружающую среду является введение экологических зон – территорий, на которых ограничивается движение транспортных средств в зависимости от их экологического класса. Например, в правилах дорожного движения появился новый знак: «Зона с ограничением экологического класса механических транспортных средств».² Хотя он и был введен еще в 2017 году, его активное использование происходит в последние несколько лет.

Еще одним направлением является принятие Постановления Правительства РФ № 889 от 12 июня 2025 года, который уточнил правила для заказчиков при закупке транспортных средств.³ Согласно новым правилам, заказчиков перевели на закупку электромобилей и транспорта на газомоторном топливе. Данное решение показывает, что таким образом государство пытается снизить выброс вредных веществ в атмосферу и улучшить качество воздуха в городах. Но следует отметить, что есть исключение из этого правила. Если в зоне эксплуатации отсутствует инфраструктура для зарядки или заправки такого транспорта, то допускается закупка бензиновых или дизельных автомобилей.

Для совершенствования экологического законодательства в данной сфере необходимо предпринимать меры. Одним из наиболее перспективных направлений следует выделить необходимость разработки законопроекта о создании системы экологической маркировки транспортных средств – визуального обозначения степени экологической чистоты автомобиля. В настоящее время российское законодательство предусматривает фиксацию экологического класса транспортного средства, но только в паспорте транспортного средства. Например, можно внедрить новый символ с цветовым обозначением для номерных знаков – от зеленого до красного. Зеленый – это нулевые выбросы при эксплуатации, а красный – превышение действующих нормативов. Дополнительно носителем маркировки может служить наклейка на

¹ Указ Президента РФ от 26.10.2023 N 812 "Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ, 30.10.2023, N 44, ст. 7865.

² Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 N 1090 (ред. от 16.07.2025) "О Правилах дорожного движения" (вместе с "Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения") (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Российские вести, N 227, 23.11.1993.

³ Постановление Правительства РФ от 12.06.2025 N 889 "О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ, 23.06.2025, N 25, ст. 3411.

заднем стекле автомобиля, на которой будет указана экологическая категория транспортного средства.

Еще одним направлением можно выделить необходимость разработки Федерального закона «Об электромобилях». Несмотря на то, что в России не существует такого закона, это не значит, что данная сфера не регулируется государством, так как некоторые аспекты электромобильности содержатся в различных нормативно-правовых актах. То есть разработка этого Федерального закона необходима для четкого регулирования правоотношений в данной сфере и устранения правовой неопределенности.

Таким образом, переход России к «зеленой» экономике объективно требует системного совершенствования экологического законодательства, особенно в сфере транспортного сектора, который является одним из основных источников загрязнения атмосферного воздуха. Государство уже предприняло важные шаги в данном направлении, однако для дальнейшего прогресса необходимо принятие комплексных законодательных решений. Реализация этих мер позволит не только эффективно стимулировать переход на экологически чистый транспорт и снизить выбросы загрязняющих веществ в городах, но и в полной мере реализовать конституционное право граждан на благоприятную окружающую среду, обеспечив экологическое благополучие миллионов жителей российских мегаполисов.

Библиографический список

1. Иванова, Н. И. "Зеленая" экономика: сущность, принципы и перспективы / Н. И. Иванова, Л. В. Левченко. — Текст : непосредственный // Вестник ОмГУ. Серия: экономика. — 2017. — № 2 (58). — С. 19-28.

УДК 349.41

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДЕГРАДАЦИЮ БЕСХОЗЯЙНЫХ ЗЕМЕЛЬ,
ЗАРОСШИХ БОРЩЕВИКОМ, И ПРОБЛЕМЫ ИЗЪЯТИЯ ТАКИХ
УЧАСТКОВ**

**LIABILITY FOR DEGRADATION OF OWNERLESS LANDS
OVERGROWN WITH HOGWEED, AND PROBLEMS OF WITHDRAWAL
OF SUCH LAND PLOTS**

Морозов Дмитрий Михайлович

студент Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

научный руководитель: Юсипова Ирина Викторовна

доцент кафедры гражданского права и процесса, к.ю.н., доцент

Morozov Dmitry Mikhailovich

student at the Law Institute. MM. Speransky Vladimir State University named after. A.G. and N.G. Stoletovs

scientific supervisor: Yusipova Irina Viktorovna

associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Аннотация: в статье анализируются проблемы ответственности за деградацию бесхозных земель, заросших борщевиком Сосновского. Отсутствие собственника создаёт правовой вакуум, а существующие механизмы надзора неэффективны. Предложены три пути решения, связанные с переходом земель в муниципальную собственность и введением специального правового режима.

Ключевые слова: бесхозные земли; борщевик Сосновского; деградация земель; ответственность за зарастание

Abstract: The article analyzes the problems of liability for degradation of ownerless lands overgrown with Sosnowsky's hogweed. The absence of an owner creates a legal vacuum, and existing supervision mechanisms are ineffective. Three solutions are proposed, relating to the transfer of lands into municipal ownership and the introduction of a special legal regime.

Keywords: ownerless lands; Sosnowsky's hogweed; land degradation; liability for overgrowth

Правовой институт бесхозяйного имущества закреплён в статье 225 Гражданского кодекса Российской Федерации. Бесхозяйной признаётся вещь, у которой нет собственника, либо собственник неизвестен, либо собственник отказался от права собственности¹. Применительно к земельным участкам это означает, что такие земли не имеют владельца, не используются по назначению и, как правило, не поставлены на кадастровый учёт.

Особую категорию составляют бесхозяйные земли сельскохозяйственного назначения. Согласно Постановлению Правительства РФ № 1482, земельный участок признаётся неиспользуемым, если не менее 50% его площади заросло сорняками, а на оставшейся части деятельность не ведётся или используется не более чем на 25%². В настоящее время в России насчитывается более 15 млн га заброшенных сельскохозяйственных угодий. Такие земли быстро зарастают сорной и инвазивной растительностью, что приводит к деградации почв, потере плодородия и создаёт угрозу для прилегающих территорий.

Как показывают исследования И.Ф. Петровой и Е.Г. Королевой, «запланированная еще в конце 1940-х годов широкомасштабная интродукция борщевика Сосновского как кормового растения, быстро закончившаяся прекращением его культивирования, неожиданно привела к активной инвазии этого вида». Авторы отмечают, что «борщевик Сосновского предпочитает плодородные почвы, но может расти на бедных, кислых, а также неплодородных почвах, а также оказался холодостойким и морозостойким видом»³.

Как справедливо отмечают авторы, между распространением борщевика и наличием заброшенных сельскохозяйственных угодий, опустевших деревень и обочин дорог прослеживается прямая связь. Именно не имеющие владельца земли становятся стартовыми площадками для инвазии. Согласно расчётам Петровой и Королевой, критический уровень опасности от борщевика зафиксирован в пяти регионах России (Калужская, Ленинградская, Московская, Новгородская и Псковская области), ещё десять субъектов находятся в зоне очень высокой опасности. В семи регионах страны этот вид потенциально способен покрыть более 80% территории.

Вопрос об ответственности за деградацию бесхозяйных земель, захваченных борщевиком Сосновского, остаётся одним из наиболее сложных в правовой науке. Сложность обусловлена тем, что классическая модель ответственности предполагает наличие конкретного правонарушителя — собственника или владельца, однако в случае бесхозяйных земель такой субъект отсутствует. Тем не менее действующее законодательство позволяет выделить несколько категорий потенциально ответственных лиц: органы местного

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2022) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Постановление Правительства РФ от 18.09.2020 № 1482 «О признаках неиспользования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения по целевому назначению или использования с нарушением законодательства Российской Федерации» // СПС «Гарант».

³ Петрова И.Ф., Королева Е.Г. Оценка опасности распространения борщевика Сосновского в России // Известия РАН. Серия географическая. 2022. Т. 86. № 5. С. 788–790.

самоуправления, собственников смежных участков и государство в лице уполномоченных органов.

Органы местного самоуправления являются ключевым звеном в управлении бесхозными землями. В соответствии со статьёй 225 Гражданского кодекса РФ именно муниципалитеты обязаны принимать на учёт бесхозные объекты и впоследствии обращаться в суд для признания права муниципальной собственности¹. Однако на практике, муниципалитеты нередко уклоняются от этой обязанности из-за финансовых и организационных трудностей. В результате земли остаются без хозяина, зарастают борщевиком, а деградация продолжается. По мнению А.В. Фадеевой и В.Э. Вяткина, административные органы на всех уровнях прилагают усилия для ликвидации этого растения, инвестируя средства в борьбу с его распространением. Однако даже такие многоаспектные стратегии пока не привели к решающему отступлению борщевика из захваченных им позиций².

Собственники смежных земельных участков также могут нести определённую ответственность, если распространение борщевика с бесхозной территории переходит на их земли. В таких случаях возникает вопрос о невозможности привлечь к ответственности владельца бесхозного участка, но собственник смежного участка обязан принять меры для защиты своей земли. Законодательство не содержит прямого указания на обязанность соседей бороться с борщевиком на чужой бесхозной земле, однако принцип недопущения причинения вреда окружающей среде (ст. 1065 ГК РФ) позволяет рассматривать бездействие как основание для гражданско-правовой ответственности.

Государство, в свою очередь, выступает в роли гаранта экологической безопасности. Именно на государство возложен земельный надзор и экологический контроль. Как подчёркивает Л.П. Кетова, «гражданско-правовая ответственность за негативное воздействие на землю прежде всего, реализует компенсаторную функцию, направленную на сохранение земли (почвы) как природного объекта и природного ресурса человеческой жизнедеятельности»³. Однако компенсаторная функция эффективна лишь тогда, когда есть конкретный причинитель вреда. В случае бесхозных земель государственные органы (Россельхознадзор, Росавтодор, муниципальные администрации) должны действовать на опережение — выявлять бесхозные участки, ставить их на учёт и организовывать борьбу с борщевиком. К сожалению, как показывает практика, эти механизмы работают недостаточно активно.

Анализ нормативных правовых актов и научной литературы позволяет выявить несколько системных пробелов. Во-первых, действующее законодательство не содержит чёткого разграничения полномочий между

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2022) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Фадеева А.В., Вяткин В.Э. Эколого-правовые проблемы с распространением борщевика Сосновского и способы борьбы с ним // Аграрное и земельное право. 2024. № 10(238). С. 109.

³ Кетова Л.П. Особенности гражданско-правовой ответственности за негативное воздействие на землю // Аграрное и земельное право. 2022. № 7(211). С. 93.

федеральными, региональными и муниципальными органами в части контроля за бесхозными землями, заросшими инвазивными видами. Россельхознадзор уполномочен проверять использование земель сельскохозяйственного назначения, но если земля не стоит на кадастровом учёте или формально числится за неопределённым собственником, надзорные мероприятия фактически парализуются.

Во-вторых, отсутствует специальный состав административного правонарушения именно за зарастание бесхозных земель борщевиком. Часть 2 статьи 8.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает ответственность за невыполнение установленных требований и обязательных мероприятий по улучшению, защите земель и охране почв от негативного воздействия¹. Однако данная норма нацелена на землепользователей и землевладельцев, а не на территории, у которых собственник отсутствует. Таким образом, формально привлечь кого-либо к ответственности за деградацию бесхозного участка невозможно, поскольку у него нет законного владельца.

В-третьих, как справедливо замечают О.В. Харченко и Э.А. Шаряпова, «несмотря на постоянные попытки, предпринимаемые законодателем для установления надлежащего механизма регулирования особо проблемных вопросов в отношении мониторинга, охраны и оборота земель сельскохозяйственного назначения, на практике все еще явно проявляют себя различные допущения и неточности, правовые пробелы»².

Кроме того, процедура признания права муниципальной собственности на бесхозный земельный участок занимает не менее года (с момента постановления на учёт до обращения в суд). На протяжении этого времени земля не принадлежит никому, и никаких принудительных мер по борьбе с борщевиком к ней применить нельзя. Лишь после того, как участок перейдёт в муниципальную собственность, местная администрация сможет либо выделить средства на его очистку, либо включить его в план рекультивации. Однако средства на это в местных бюджетах часто отсутствуют.

Проведённый в первой и второй главах анализ позволяет утверждать, что проблема деградации бесхозных земель под воздействием борщевика Сосновского имеет не столько технический или биологический, сколько правовой и организационный характер. Предлагаются краткие пути решения, вытекающие из выявленных проблем.

1. Ускорение процедуры перехода бесхозной земли в муниципальную собственность. Сократить срок с 12 до 6 месяцев (ст. 225 ГК РФ) и обязать органы местного самоуправления инициировать постановку на учёт всех выявленных бесхозных участков, заросших борщевиком.

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.12.2025)

² Харченко О.В., Шаряпова Э.А. Критерии изъятия земель сельскохозяйственного назначения как необходимая мера по сохранности земельного ресурса // Аграрное и земельное право. 2025. № 1. С. 8.

2. Введение специального правового режима для бесхозных земель, заражённых инвазивными видами. Установить, что такие земли до момента признания права муниципальной собственности находятся под временным контролем уполномоченного федерального органа (Россельхознадзора). Орган получает право проводить рекультивацию за счёт федерального бюджета с последующим взысканием расходов с муниципалитета при его бездействии.

3. Введение административной ответственности муниципалитетов за непринятие мер по борьбе с борщевиком на бесхозных землях. Санкция – штраф на должностных лиц и обязанность провести рекультивацию за счёт муниципального бюджета.

Библиографический список

1. Кетова Л.П. Особенности гражданско-правовой ответственности за негативное воздействие на землю // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 7(211). – С. 93–97.

2. Петрова И.Ф., Королева Е.Г. Оценка опасности распространения борщевика Сосновского в России // Известия РАН. Серия географическая. – 2022. – Т. 86. – № 5. – С. 788–795.

3. Фадеева А.В., Вяткин В.Э. Эколого-правовые проблемы с распространением борщевика Сосновского и способы борьбы с ним // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 10(238). – С. 108–111.

4. Харченко О.В., Шаряпова Э.А. Критерии изъятия земель сельскохозяйственного назначения как необходимая мера по сохранности земельного ресурса // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 1. – С. 6–9.

УКД 349.6

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОХРАНЫ ЖИВОТНЫХ В ЗООПАРКАХ И ЦИРКАХ: ПРОБЕЛЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

LEGAL REGULATION OF ANIMAL PROTECTION IN ZOOS AND CIRCUSES: GAPS IN LEGISLATION

Пузанов Иван Алексеевич

студент Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Стальмакова Александра Максимовна

студент Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Научный руководитель: Юсупова Ирина Викторовна

Доцент кафедры гражданского права и процесса, кандидат юридических наук.

Puzanov Ivan Alekseevich

Student of the M.M. Speransky Law Institute of the A.G. and N.G. Stoletov's Vladimir State University.

Stalmakova Alexandra Maksimovna

Student of the M.M. Speransky Law Institute of the A.G. and N.G. Stoletov's Vladimir State University.

Scientific supervisor: Irina Viktorovna Yusupova

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Candidate of Legal Sciences.

Аннотация. Статья посвящена правовым аспектам регулирования работы зоопарков и цирков. Авторами был проведен анализ ряда коллизионных вопросов в данной сфере и сформулированы предложения о внесении изменений в действующие нормативно-правовые акты, которые помогут решить проблемы применения законодательства, регулирующего охрану животных при проведении культурно-зрелищных мероприятий, и значительно улучшить фактические условия содержания животных.

Abstract. The article is devoted to the legal aspects of regulating the work of zoos and circuses. The authors have analyzed a number of conflict issues in this area and have formulated proposals for amendments to existing legal acts that will help solve the problems of applying legislation regulating the protection of animals during

cultural and entertainment events and significantly improve the actual conditions of animal care.

Ключевые слова. Культурно-зрелищных мероприятий, зоопарки, цирки, условия содержания, охрана, правовое регулирование.

Keywords. Cultural and entertainment events, zoos, circuses, conditions of detention, protection, legal regulation.

Современное общество считается неизмеримо гуманным и этичным. Мы заботимся о благополучном состоянии биосферы, спасаем редкие и вымирающие виды, продвигаем политику и образ жизни, основанные на эко-френдли. При этом, продолжая игнорировать аморальное состояние зоо-индустрии развлечений.

На данный момент, правовое регулирование их деятельности основано на нескольких нормативно правовых актах – это Постановление Правительства №1937 "Об утверждении требований к использованию животных в культурно-зрелищных целях и их содержанию"¹ и Федеральный закон № 498-ФЗ "Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"². В нормативных актах присутствуют нормы, направленные на защиту животных от деструктивного и очевидно неблагосклонного отношения. В Федеральном законе определяются обязанности, такие как: уход, в том числе повседневное наблюдение, кормление и поение животных; условия содержания помещений; ветеринарная помощь и профилактические мероприятия, включая возможности применения лекарственных препаратов; предотвращение появления нежелательного потомства; государственный надзор; обращение с биологическими отходами; безопасное содержание и использование животных; транспортировка; обеспечение содержания животного при невозможности его использования в культурно-зрелищных целях. При всей правовой регламентации, остается масса проблем, связанных, в первую с реализацией введенных норм.

Одним из проблемных элементов правового регулирования являются передвижные зоопарки и контактные зоопарки. Условия содержания, предусмотренные законодательством, крайне сложно контролировать в связи с разъездным характером работы.

Вопрос эмоционального и психического состояния животных при дальних переездах, законодательством не рассматривается, что является критическим

¹ Акт правительства Российской Федерации "Об утверждении требований к использованию животных в культурно-зрелищных целях и их содержанию" от 30.12.2019 № 1937 // Собрание законодательства Российской Федерации. 13.01.2020 г. № 2. Ст. 182 с изм. и допол. в ред. от (ред. от 12.02.2026).

² Закон Российской Федерации "Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 27.12.2018 № 498 // Собрание законодательства Российской Федерации. 31.12.2018 г. № 53 (часть I). Ст. 8424 с изм. и допол. в ред. от (ред. от 08.08.2024).

стрессом для их организма.¹ В этом плане стоит упомянуть большой шаг в развитии законодательства, а именно фактический запрет культурно-зрелищных мероприятий направленных на физический контакт посетителя или зрителя с животным, заключающийся в ограничении деятельности учреждений, чьей основной деятельностью является контакт животных с людьми. Но данная норма не действует, так как было прописано, считаясь «мертвой». Это связано с тем, что организация развлекательных мероприятий, направленных на физический контакт человека с животным разрешена в случае, если у животного есть доступ к его укрытию.² Из этого становятся ясно, что любой, кто решит, заниматься подобной деятельностью, лишь приобретя и организовав для животных изолированное укрытие, может продолжать содержать их в постоянном стрессе от переездов и тактильного контакта с людьми. В том числе стоит учитывать, что условия перевозки, хоть и регламентированы, инструмент их отслеживания и контроля до конца не проработан и к примеру соблюдение количества остановок и кормления, возлагается на самих предпринимателей, что не может гарантировать полного исполнения норм закона.

Ярким примером является случай, произошедший в 2024 году в Москве. В частном зоопарке были нарушены эпидемиологические нормы, не соблюдались стандарты ухода за животными, четко прописанные в законах. Животных морили голодом и жаждой, а их трупы не хранили в должных условиях, провоцируя эпидемии.³

Решением проблемы может быть либо полный запрет организации культурно-зрелищных мероприятий, направленных на физический контакт с животным и ограничение деятельности передвижных зоопарков. Необходимо проработать и организовать структурные подразделения органов власти, направленных на контроль за соблюдением принятых норм и стандартов обращения с животными. Второй вариант является более трудозатратным и сложно реализуемым, вызвано это тем, что необходимый орган должен функционировать на федеральном уровне, к примеру, как составная часть Россельхознадзора, для оперативного контроля за передвижными зоопарками.

Иным объектом правового регулирования законодательства в области культурно-зрелищных мероприятий являются цирки и цирки-шапито. Главный вопрос зоозащитников к ним состоит в негуманной работе с животными. Министерство культуры считает, что подобные номера являются сильной стороной Российского циркового искусства, закрывая глаза на жестокость, хоть и косвенно, но разрешает применение насилия к животным при их дрессировке

¹ Кухаренко Наталья С., Фёдорова Анастасия О., & Щелканов Михаил Ю. (2019). Реакция сельскохозяйственных животных на транспортный стресс и его коррекция с помощью пробиотиков. Юг России: экология, развитие, (2), 87-98.

² Закон Российской Федерации "Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 27.12.2018 № 498 // Собрание законодательства Российской Федерации. 31.12.2018 г. № 53 (часть I). Ст. 8424 с изм. и допол. в ред. от (ред. от 08.08.2024).

³ "Частный зоопарк в Москве подозревают в жестоком обращении с животными". <https://www.kp.ru/daily/27601.5/4927156/>. // Комсомольская правда URL: <https://www.kp.ru/daily/27601.5/4927156/> (дата обращения: 27.02.2026).

в цирках.¹ Подобное отношение к животным и не подходящие условия их содержания приводят к распространению болезней и инфекций, губящих животных.² При чем это считается нормой для крупных стационарных цирков, цирки-шапито в свою очередь, благодаря и из-за своей мобильности, а также в связи с возложением обязанностей по контролю за соблюдением норм содержания животных на субъекты федерации, стандарты содержания животных нарушаются куда чаще и значимей. В силу этого, было бы разумно законодательно запретить выступления животных в передвижных цирках, либо же ужесточить контроль за исполнением стандартов содержания животным, при этом сократив перечень животных, пригодных для выступления в цирке.

В заключении хочется отметить, что, проанализировав нормативно правовую основу регулирования положения животных в зоопарках и цирках, удалось выявить проблемы и недостатки в механизме мониторинга и контроля за состоянием животных, что приводит к ухудшению здоровья и психического состояния живых существ, так же вызывает риски для общества, делая животных агрессивными и провоцируя распространение заболеваний. Проанализировав прецеденты, становится ясно, что одного нормативно правового регламентирования недостаточно, необходима разработка эффективного и многоступенчатого механизма по контролю за исполнением закрепленных норм. В том числе стоит дополнить соответствующее законодательство нормами: ужесточающими использование диких и редких животных в развлекательных целях, ограничивающими деятельность организаций культурно-зрелищных мероприятий, направленных на физический контакт с животными, уполномочивающими соответствующие органы осуществлять проверку условий перевозки и содержания животных. Для реализации данных нововведений требуется создание структуры исполнительной власти, федерального уровня. Объединение правовых изменений, должного финансирования соответствующих органов и поддержки общественного контроля позволяет эффективно осуществлять мониторинг положения животных и предотвратить насилие над ними.

Библиографический список

1. Непримерова Т. А., Сивкова Т. Н. Анализ причин смертности цирковых животных // АБУ. 2011. №12-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-prichin-smertnosti-tsirkovyh-zhivotnyh> (дата обращения: 12.03.2026).

2. Кухаренко Наталья С., Фёдорова Анастасия О., & Щелканов Михаил Ю. (2019). Реакция сельскохозяйственных животных на транспортный стресс и его коррекция с помощью пробиотиков. Юг России: экология, развитие, (2), 87-98.

¹"Генеральный директор «Росгосцирка» Сергей Беляков отметил, что животные в их цирках содержатся бережно и в комфортных условиях" // tass.ru URL: <https://tass.ru/kultura/21477811> (дата обращения: 01.03.2026).

² Непримерова Т. А., Сивкова Т. Н. Анализ причин смертности цирковых животных // АБУ. 2011. №12-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-prichin-smertnosti-tsirkovyh-zhivotnyh> (дата обращения: 12.03.2026).

УДК 347.9

ЗЕЛЕНАЯ РЕКЛАМА: КОГДА СЛОВА «ЭКО», «БИО», «ОРГАНИК» – ОБМАН?

GREEN ADVERTISING: WHEN ARE THE WORDS «ECO», «BIO», AND «ORGANIC» A DECEIT?

Рожкова Яна Олеговна; Спасова Виктория Евгеньевна

студенты 2 курса очной формы обучения по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция Юридического института Владимирского Государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир

научный руководитель: Юсипова Ирина Викторовна

доцент кафедры гражданского права и процесса, кандидат юридических наук, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Rozhkova Yana Olegovna; Spasova Victoria Evgenievna

2nd year full-time students in the field of training 40.03.01 Jurisprudence at the Law Institute of the Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov, Vladimir

Scientific supervisor: Irina Viktorovna Yusipova

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, PhD in Law, Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov Vladimir State University.

Аннотация: в статье рассматривается проблема гринвошинга, подрывающего доверие потребителей к экологически чистой продукции. Проанализированы эволюция терминов «эко», «био», «органик», типология манипулятивных практик и правовое регулирование в России. Предложено законодательно закрепить понятие «искажение экологических характеристик товара», дополнив примечанием статью 14.7 КоАП РФ.

Ключевые слова: гринвошинг; экомаркировка; сертификация; потребители

Abstract: The article discusses the problem of greenwashing, which undermines consumer confidence in environmentally friendly products. The evolution of the terms "eco", "bio", "organic", the typology of manipulative practices and legal regulation in Russia are analyzed. It is proposed to legislate the concept of "distortion of environmental characteristics of goods" by adding a note to Article 14.7 of the Administrative Code of the Russian Federation.

Keywords: greenwashing; eco-labeling; certification; consumers.

За последние годы возрос интерес к экологически чистой продукции, что связано с осознанием сущности и последствий мировых экологических проблем. Люди стали понимать, что их питание и здоровье напрямую зависят от качества окружающей среды. Вследствие этого компании всё чаще прибегают к «зелёному» маркетингу, используя слова «эко», «био» и «органик». Мировой и российский опыт показывает, что законодатели большинства стран активно работают над созданием законов, призванных стимулировать производство и потребление экологически чистой продукции. Государства пытаются установить унифицированные стандарты производства, маркировки и сертификации органической продукции. Распространение гринвошинга несёт серьёзные угрозы: обманутые потребители теряют доверие к настоящим экологичным брендам, а реальные инвестиции в зелёные технологии сокращаются, поскольку компании маскируют отсутствие прогресса громкими лозунгами. Проблема исследования заключается в том, что широкое распространение гринвошинга подрывает доверие к подлинно устойчивым брендам и требует комплексного научного осмысления, объединяющего экологические, юридические и маркетинговые знания.

Изначально термины «органик» (США, 1940-е), «био» и «эко» (Европа, 1970-е) гарантировали строгие стандарты и полное отсутствие синтетических компонентов. Однако с 1990-х годов под промышленным давлением законодательство допустило до 5% синтетических веществ, что создало разрыв между потребительским восприятием и реальными стандартами, а сама экологическая лексика превратилась в инструмент брендинга.¹ Интерес к экологическому состоянию окружающей среды в СССР зарождался ещё в 1960–1970 годах.

До 2020 года терминология «эко», «био», «органик» регулировались слабо. ФЗ от 3 августа 2018 года № 280 «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² который впервые закрепил понятие органической продукции и ввёл единый российский знак соответствия, размещать который могут только производители, прошедшие добровольную сертификацию. Компании, не выполнившие это условие выпускают свой товар с международной маркировкой органической продукции. Маркировка должна включать в себя и знак и надпись «органический» и её сокращения, а также слова производные от этого слова. Термин «эко», регулируется ГОСТами серии «Этики и декларации экологические» (например, ГОСТ Р ИСО 14020-2011). Надпись обозначает, что товар не наносит вред окружающей среде, но это не гарантирует безопасность человека. Маркировка «био», закреплена в ГОСТе Р 52738-2007 «Молоко и продукты переработки

¹ Анисимов А.П. Защита прав потребителей при переходе к «зеленой» экономике: история и современность // Правовые проблемы укрепления российской государственности. — Томск, 2026. — С. 152–154.

² Федеральный Закон «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 3 августа 2018 года № 280 // Российская газета

молока. Она применяется только для молочных продуктов, обогащённых пробиотиками и пребиотиками. Термин «органик» действительно свидетельствует о безопасности продукта для человека. Им маркируются товары, в которых покупатель точно не найдёт пестициды, антибиотики, красители.

Однако ФЗ от 08.08.2024 № 297 были внесены изменения в ФЗ «Об органической продукции...», согласно которым с 1 сентября 2025 года терминами «био», «эко», «органик» можно маркировать только продукцию, прошедшую сертификацию. Ранее перечень обозначений органических товаров, включал только надпись «органик», но закон расширил список, включив наименование «биологический», «экологический», «зелёный», «экологически чистый» и производные от них. До 1 сентября 2030 года установлен переходной период, во время которого производители либо должны пройти сертификацию, либо исключить с упаковок своих товаров вышеуказанные маркировки. Нарушение этих норм влечёт административную ответственность по статьям 14.7 (обман потребителей) и 14.33 КоАП РФ (недобросовестная конкуренция).¹

Гринвошинг проявляется в трёх манипулятивных подходах: прямое искажение информации, стратегии умолчания и создание некорректных ассоциаций через природные образы и цветовую символику.²

Классической признана типология TerraChoice — «Семь грехов гринвошинга». Она включает: скрытый компромисс (выделение одной экологичной характеристики при игнорировании других вредных аспектов), отсутствие доказательств (непроверяемые заявления без сертификации), ложные ярлыки (символы, имитирующие знаки сертификации), неопределённость (расплывчатые формулировки вроде «полностью натуральный»), несущественность (формально верные, но не значимые для экологичности сведения), грех меньшего зла (товар позиционируется как более экологичный в заведомо вредной категории) и прямую ложь (сознательное искажение фактов, например размещение маркера «органик» без сертификации).³ Методология выявления гринвошинга базируется на сравнительном анализе рекламных материалов, нормативных требований и фактических экологических характеристик продуктов. Критерием включения в анализ служит документально подтверждённое несоответствие между заявленными и реальными свойствами товаров. Глобальные кейсы демонстрируют системное использование гринвошинга: от завышения экологических характеристик двигателей в автопроме, до маркировки продуктов как «натуральных» без сертификатов, а также использования природных образов в косметической индустрии

¹ "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. От 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. В силу с 09.01.2026) // Российская газета – ст. 14.7

² Кононов А.Н. Гринвошинг как проявление недобросовестного маркетинга // Практический маркетинг. — 2025. — № 3 (333). — С. 18.

³ Батуева И.А., Захарова А.С., Шлыкова А.А. Феномен гринвошинга в российском маркетинге: исследование потребительского восприятия и регуляторные перспективы // НИР. Экономика фирмы. — 2026. — №1. — С. 7.

Методология выявления гринвошинга базируется на сравнительном анализе рекламных материалов, нормативных требований и фактических характеристик продуктов. Анализ глобальных кейсов выявил универсальную модель: компании акцентируют отдельные «зелёные» аспекты продукции, замалчивая общий экологический след. Транснациональные корпорации умело применяют гринвошинг на всех стадиях производства товара - от закупки якобы сертифицированного и натурального сырья, до громких лозунгов о биоразлагаемости упаковки. В российской практике преобладает массовое использование маркировок «эко» и «био» без соответствия ГОСТ Р 56104-2014, а также фальсификация сертификатов. Судебная практика остаётся фрагментарной из-за пробелов в законодательстве. Манипуляциям способствуют психологические аспекты восприятия, прежде всего эффект ореола, когда одна экологическая характеристика продукта переносится на оценку всех его свойств, а также склонность потребителей проецировать научную достоверность на маркетинговые обозначения без верификации.

Системы экологической сертификации служат основным инструментом верификации. Международные стандарты (ISO 14024, EU Ecolabel) и национальные системы («Листок жизни» в РФ) устанавливают критерии оценки.¹ Деконструкция экопретензий требует проверки трёх элементов: наличия сертификата в официальных реестрах, прозрачности состава и подтверждённых данных об экологичности производства. Отсутствие QR-кодов или ссылок на открытые базы данных рассматривается как признак потенциального гринвошинга. Существующие системы контроля ограничены из-за отсутствия единой международной базы сертификатов.

Проблема гринвошинга затрагивает недобросовестную конкуренцию и развитие рынка экологической продукции. В российском законодательстве существует ряд косвенных норм: статья 14.2 ФЗ № 135 запрещает вводить потребителей в заблуждение о качестве товара; Закон «О защите прав потребителей» предусматривает компенсацию морального вреда; статьи 14.33 и 14.7 КоАП РФ устанавливают ответственность за недобросовестную конкуренцию и обман потребителей; статья 238 УК РФ — за сбыт опасной продукции. Однако ни один нормативный акт прямо не предусматривает ответственность за гринвошинг, а само понятие экологического маркетинга в правовой системе отсутствует. Предлагается ввести понятие «искажение экологических характеристик товара» — намеренный или ненамеренный способ подачи информации, преувеличивающий положительные экологические характеристики, скрывающий вред и создающий ложное впечатление об экологичности. Наиболее целесообразно добавить примечание в статью 14.7 КоАП РФ, уточнив, что к введению потребителя в заблуждение относится в том числе искажение экологических характеристик товара, с распространением на него тех же размеров штрафов.

¹ Воронина Н.П. Гринвошинг: правовой механизм противодействия // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 3 (103). — С. 32.

Анализ законодательной и практической базы показал, что на сегодняшний день, в правовом регулировании гринвошинга существуют пробелы, которыми ловко пользуются производители товаров. Активно применяя разнообразные маркетинговые уловки, они всячески пытаются уверить покупателя в экологичности продукции, вводя его тем самым в заблуждение. Наиболее целесообразным решением проблемы будет дальнейшее совершенствование антимонопольного законодательства и установление ответственности за искажение экологических характеристик товара.

Библиографический список

1. Анисимов А.П. Защита прав потребителей при переходе к «зеленой» экономике: история и современность // Правовые проблемы укрепления российской государственности. — Томск, 2026. — С. 152–154.

2. Батуева И.А., Захарова А.С., Шлыкова А.А. Феномен гринвошинга в российском маркетинге: исследование потребительского восприятия и регуляторные перспективы // НИР. Экономика фирмы. — 2026. — №1. — С. 5–14.

3. Воронина Н.П. Гринвошинг: правовой механизм противодействия // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 3 (103). — С. 28–36.

4. Кононов А.Н. Гринвошинг как проявление недобросовестного маркетинга // Практический маркетинг. — 2025. — № 3 (333). — С. 15–22.

УДК 349.6

**ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО: ГЕНЕЗИС ПРАВОВОГО
ИНСТИТУТА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ**

**ENVIRONMENTAL CRIMINAL LAW: THE GENESIS
OF A LEGAL INSTITUTION AND THE CHALLENGES
OF MODERN LAW ENFORCEMENT PRACTICE**

Садовникова Алина Юрьевна

студент Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

научный руководитель: Юсипова Ирина Викторовна

доцент кафедры гражданского права и процесса, кандидат юридических наук

Sadovnikova Alina Yuryevna

Student at the M.M. Speransky Law Institute, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov

Academic Supervisor: Yusipova Irina Viktorovna

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, PhD in Law

Аннотация. В статье исследуется эволюция российского уголовного законодательства в области охраны окружающей среды от первых правовых запретов до формирования самостоятельного института экологических преступлений. Анализируются современные проблемы правоприменения главы 26 Уголовного кодекса РФ, включая высокую латентность экологических преступлений и сложности квалификации. На основе изучения данной темы предложены направления совершенствования уголовно-правового механизма охраны окружающей среды.

Ключевые слова: экологические преступления; уголовное право; генезис правового института; уголовно-правовая охрана.

Abstract. The article examines the evolution of Russian criminal legislation in the field of environmental protection, from the first legal prohibitions to the formation of an independent institution of environmental crimes. It analyzes the current problems of law enforcement under Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation, including the high latency of environmental crimes and the difficulties of qualification. Based on the study of this topic, the article proposes directions for improving the criminal law mechanism for environmental protection.

Keywords: environmental crimes; criminal law; genesis of a legal institution; criminal law protection.

Экологическое право традиционно считается одной из наиболее молодых отраслей российского права. Однако её сравнительная «молодость» не умаляет значимости правового механизма охраны окружающей природной среды, выступающей в качестве основы жизнедеятельности человека и общества в целом. Загрязнение водных объектов, незаконная вырубка лесных насаждений, браконьерство и иные противоправные деяния экологической направленности наносят существенный урон биологическому разнообразию, экономике государства и здоровью населения. Уголовное законодательство в этом контексте является наиболее строгим, но вместе с тем и наиболее востребованным инструментом противодействия указанным посягательствам в тех случаях, когда административно-правовые меры оказываются недостаточными.

По данным Министерства внутренних дел России за январь – декабрь 2024 года¹, зарегистрировано 13,6 тыс. экологических преступлений, что на 16,1 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Эти цифры свидетельствуют о масштабе проблемы и одновременно – о сохраняющихся сложностях в правоприменительной деятельности. Снижение может означать не реальное улучшение ситуации, а рост латентности – преступления просто не попадают в статистику.

Значимость уголовно-правовой охраны природы в России осознавалась ещё в глубокой древности. Первые нормы, которые условно можно назвать протоэкологическими, встречаются уже в «Русской Правде», например в статье 69 «Пространной правды»² за «покражу» – то есть промысловую ловлю – бобра назначали штраф в 12 гривен, при этом столько же платили и за убийство холопа. Безусловно, те правовые запреты ещё не обладали осмысленным экологическим содержанием, а нацеленность на защиту отдельных природных ресурсов чаще всего была обусловлена экономическими интересами государства и частных собственников. Однако сам факт наличия таких норм указывает на раннее осознание государством важности сохранения природных богатств.

Как справедливо отмечает А.С. Саркисов, исторический анализ уголовно-правовых категорий имеет важнейшее теоретическое и иногда даже практическое значение, позволяя отследить общую экономико-правовую политику государства и объяснить логику законодателя³.

XVII–XIX века ознаменовались постепенным накоплением специализированных норм об охране природы. Вплоть до Уложения о

¹ Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения 26.04.2026)

² Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) ; под. ред. Д. С. Лихачева и др. - Санкт-Петербург : Наука, 1997-. / Т. 4: XII век. - 1997. - 685, [2] с.

³ Саркисов, А. С. История развития уголовного законодательства об ответственности за экологические преступления / А. С. Саркисов. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 10 (509). – С. 215-217.

наказаниях уголовных и исправительных 1845 года экологические преступления воспринимались исключительно как экономические посягательства преимущественно на государственное или общинное имущество. В самом Уложении 1845 года прослеживались уже более детализированные составы, касающиеся незаконной порубки леса, нарушения правил рыболовства и охоты. Тем не менее, их значимость по-прежнему определялась не экологической ценностью природных объектов, а их хозяйственным значением.

Советский период стал временем кардинальной трансформации подходов к уголовно-правовой охране природы. Как отмечает М.А. Титов в исследовании эволюции уголовно-правовой охраны окружающей среды¹, именно в советское время происходили систематизация и кодификация экологических норм, а также периодически усиливалась и ослабевала уголовная репрессия в зависимости от государственных приоритетов. Однако целостного представления об экологических преступлениях как о самостоятельной группе в уголовном законе всё ещё не формировалось.

Нормы об ответственности за посягательства на природную среду были «разбросаны» по различным главам Уголовных кодексов РСФСР 1922, 1926 и 1960 годов, а их применение носило фрагментарный характер. Лишь в конце 1980-х – начале 1990-х годов, на фоне обострения экологических проблем и роста общественного экологического сознания, возникла объективная необходимость в качественно ином подходе к законодательной регламентации природоохранной деятельности.

Ключевым этапом генезиса института стало принятие Уголовного кодекса Российской Федерации² в 1996 году. Впервые в истории отечественного уголовного законодательства нормы об ответственности за экологические преступления были выделены в самостоятельную главу 26 «Экологические преступления», объединившую 18 составов преступлений (статьи 246–262). Появление такой главы имело не только формально-юридическое, но и глубокое социально-правовое значение: государство на высшем законодательном уровне признало экологическую безопасность самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны.

Казалось бы, кодификация экологических составов должна была упростить и систематизировать процесс привлечения виновных к ответственности. Однако на практике правоприменители столкнулись с комплексом трудностей, которые не утратили актуальности и сегодня. Относительная «молодость» института экологического уголовного права оборачивается и его несовершенством, выражающимся, в частности, в проблемах квалификации, латентности деяний и слабой правовой культуре населения.

¹ Титов М.А. РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЕ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЛЕСА // Вестник науки №6 (87) том 1. С. 635 - 648. 2025 г. ISSN 2712-8849 // Электронный ресурс: <https://www.вестник-науки.рф/article/23655> (дата обращения: 26.04.2026 г.)

² "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

Одной из наиболее серьёзных проблем является недостаточная разработанность и разрозненность понятийного аппарата. Действующее уголовное законодательство не содержит легального определения экологического преступления, что вынуждает учёных и практиков вырабатывать его доктринальные дефиниции.

Не менее значимой проблемой является бланкетный характер диспозиций экологических норм. Статьи главы 26 УК РФ в своём большинстве являются бланкетными, то есть для правильной квалификации преступления необходимо обращаться к нормам иных отраслей законодательства – экологического, земельного, лесного, водного, административного и т.д. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»¹ обращает внимание судов на необходимость в обвинительном акте или обвинительном заключении чётко указывать, какое конкретно экологическое законодательство нарушено (пункт, часть, статья). Однако на практике это требование не всегда соблюдается. Судьям и следователям зачастую приходится самостоятельно разбираться в сложных экологических нормативах, что создаёт риск ошибок в квалификации.

Серьёзную проблему создаёт и конкуренция уголовно-правовых норм, предусматривающих общие и специальные составы экологических преступлений. Как отмечает С.А. Пунько, одной из наиболее распространённых классификаций является деление экологических составов на общие (причиняющие вред окружающей среде в целом, например, ст. 246 УК РФ) и специальные (посягающие на конкретные экологические блага и предметы, например, ст. 251 УК РФ)². Разграничение между ними представляет собой непростую задачу, особенно в случаях, когда деяние одновременно подпадает под признаки нескольких составов.

Кроме того, существует высокий уровень латентности экологических преступлений. Многие деяния остаются невыявленными по причине их труднодоказуемости, удалённости мест совершения либо формального подхода контролирующих органов. Высокий показатель нераскрытых преступлений указывает на их чрезвычайно высокую латентность и слабую неотвратимость наказания.

В 2023 году правоохранительные органы раскрыли 56,1% экологических преступлений³. Это превысило среднероссийский уровень раскрываемости всей преступности, который составил 53,4%. Одновременно сокращается число регистрируемых экологических преступлений, причём падает как количество

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 15.12.2022) "О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования" // "Российская газета", № 251, 31.10.2012.

² Пунько, С. А. Проблемы квалификации экологических преступлений / С. А. Пунько. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 39 (538). – С. 182-183. – URL: <https://moluch.ru/archive/538/117858>.

³ Антонян Е. А., Афанасьева О. Р. Экологическая преступность: основные тенденции развития и предупреждения // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 4 (28). С. 80–89. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.009.

раскрытых, так и нераскрытых деяний. Такая динамика допускает две противоположные трактовки: либо профилактика экологической преступности стала приносить больше результатов, либо эффективность работы самих правоохранительных и правоприменительных органов снизилась.

Опираясь на анализ проблем, который был проведен в статье, можно предложить несколько конкретных вариантов совершенствования законодательства и правоприменительной практики. Одним из них является принятие отдельного Федерального закона «Об основах уголовно-правовой охраны окружающей среды». Закон закрепит легальное определение экологического преступления, перечислит критерии отличия от административных правонарушений, установит единые правила исчисления крупного и особо крупного ущерба для всех составов главы 26 УК РФ. Судьи и следователи перестанут гадать, что считать «существенным вредом», а что – «малозначительным». Появится единая методика, а значит – меньше прекращённых дел и больше обоснованных приговоров.

Выделение в Уголовном кодексе РФ главы, посвященной экологическим преступлениям, стало важным событием в истории российского законодательства: впервые экологическая безопасность получила официальное признание в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны.

Библиографический список

1. Саркисов, А. С. История развития уголовного законодательства об ответственности за экологические преступления / А. С. Саркисов. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 10 (509). – С. 215-217. — URL: <https://moluch.ru/archive/509/111786>.

2. Титов М.А. РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЕ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЛЕСА // Вестник науки. №6 (87) том 1. С. 635 - 648. 2025 г. ISSN 2712-8849 // Электронный ресурс: <https://www.вестник-науки.пф/article/23655> (дата обращения: 26.04.2026 г.)

3. Пунько, С. А. Проблемы квалификации экологических преступлений / С. А. Пунько. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 39 (538). – С. 182-183. – URL: <https://moluch.ru/archive/538/117858>.

4. Антонян Е. А., Афанасьева О. Р. Экологическая преступность: основные тенденции развития и предупреждения // Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2024. № 4 (28). С. 80–89. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.009.

УДК 343.9

НЕЗАКОННЫЙ ВЫЛОВ ВОДНЫХ БИОРЕСУРСОВ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

ILLEGAL FISHING OF AQUATIC BIORESOURCES: CRIMINAL ASPECTS

Седова Елизавета Денисовна,

студент Юридического института им. М.М. Сперанского, Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Научный руководитель: Юсипова Ирина Викторовна,

доцент кафедры гражданского права и процесса Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, кандидат юридических наук, доцент

Sedova Elizaveta Denisovna,

student of the M.M. Speransky Law Institute, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov

Scientific supervisor: Yusipova Irina Viktorovna,

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure at the Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov Vladimir State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Аннотация: В статье анализируются элементы состава преступления, предусмотренного статьёй 256 Уголовного кодекса РФ. Рассматриваются проблемы разграничения с административным правонарушением по статье 8.37 КоАП РФ. Выявляются недостатки такового метода исчисления ущерба. На основе обобщения судебной практики формулируются предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: незаконная добыча водных биоресурсов, браконьерство, статья 256 УК РФ, квалификация преступлений, экологический ущерб.

Abstract: The article analyzes the elements of the crime provided for in Article 256 of the Criminal Code of the Russian Federation. It considers the problems of delineation with an administrative offense under Article 8.37 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. The article identifies the

shortcomings of the tax method of calculating damage. Based on the generalization of judicial practice, the article formulates proposals for improving legislation.

Keywords: illegal extraction of aquatic biological resources, poaching, Article 256 of the Criminal Code of the Russian Federation, qualification of crimes, and environmental damage.

Противодействие нелегальному изъятию водных биоресурсов относится к числу ключевых векторов уголовно-правовой охраны природной среды в России. Эффективность борьбы с браконьерством напрямую зависит от единообразного понимания признаков состава преступления, предусмотренного статьёй 256 УК РФ.¹ Единообразие применения данной нормы детерминировано четким уяснением элементов соответствующего состава и корректным разграничением его со смежными правонарушениями. В доктрине уголовного права подчёркивается, что бланкетный характер диспозиции статьи 256 УК РФ создаёт дополнительные сложности для правоприменителя, что требует обращения не только к нормативным актам, но и к разъяснениям высших судебных инстанций.

Для корректной юридической оценки деяния по статье 256 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) требуется установление всей совокупности элементов криминального состава. В традиционном понимании объективные признаки преступления образуют объект и объективная сторона. Объект водного браконьерства в научных трудах, как правило, не становится предметом дискуссий. Так, по мнению Э. Н. Жевлакова, объектом статьи 256 Уголовного кодекса РФ являются общественные отношения, обеспечивающие рациональное использование и охрану водных биологических ресурсов.² Объективная сторона преступления детально анализируется Ивановым В. Д. и Мухамбетовым Ф. Н., которые приходят к выводу, что отсутствие любого из признаков, перечисленных в п. «а–г» ч. 1 ст. 256 УК РФ (крупный ущерб, способ, место), исключает признание добычи уголовно наказуемым деянием.³ Субъект – дееспособное лицо, возраст которого превышает 16 лет. Субъективная сторона предполагает наличие прямого умысла: виновный осознает противоправность своих действий по добыче водных ресурсов и стремится к их совершению. Отсутствие прямого умысла исключает возможность квалификации по статье 256 УК РФ и требует рассмотрения деяния в рамках административной или гражданско-правовой ответственности.

Локация нелегального вылова как элемент объективной стороны означает, что уголовное преследование инициируется при проведении промысла в

¹ Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: [федер. закон: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

² Уголовное право России. Особенная часть: учебник для вузов — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 1189 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-18351-1. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/534839> (дата обращения: 27.04.2026).

³ Иванов В. Д., Мухамбетов Ф. Н. Характеристика объективной стороны незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов // Юристъ Правоведь. – 2014. – № 1 (62). – С. 63–66.

нерестовых зонах либо на трассах миграции к ним. Под запрещенные орудия и методы лова подпадают самоходные плавающие средства, взрывчатые и химические вещества, электрический разряд, а также прочие приемы массового уничтожения биоресурсов. Крупный урон, согласно примечанию к статье 256 УК РФ, констатируется при превышении порога в сто тысяч рублей. Квалифицированные формы данного деяния зафиксированы в частях 2 и 3 статьи 256 УК РФ. Часть вторая вводит усиленную санкцию за незаконный вылов, совершенный предварительно сговорившейся группой лиц либо субъектом, задевающим свое должностное положение. Часть третья (особо квалифицирующий состав) назначает наказание за варианты, подпадающие под части первую или вторую, если ими причинен особо крупный ущерб (от двухсот пятидесяти тысяч рублей и выше) либо они сопряжены с эксплуатацией иных воспрещенных орудий и методов массового уничтожения водных биоресурсов.

Проблема отграничения криминального браконьерства (статья 256 УК РФ) от административного проступка по статье 8.37 КоАП РФ разрешается через выявление признаков объективной стороны.¹ Как верно отмечает Р. Б. Осокин, несмотря на возникающие в правоприменительной практике сложности, отграничение между анализируемыми деяниями проводится по наличию или отсутствию альтернативных признаков (крупный ущерб, места нереста и др.), закрепленных в диспозиции ст. 256 УК РФ и проанализированных в ППВС № 26, а также с учётом степени общественной опасности. При этом автор предлагает для более чёткого разграничения трансформировать ст. 256 УК РФ в материальный состав.² Как подчеркивает М.Н. Токарев, проблема заключается в отсутствии закрепленных на законодательном уровне критериев оценки последствий преступлений данного вида, что заставляет лиц, осуществляющих расследование, субъективно оценивать характер причиненного вреда окружающей среде и неизбежно приводит к следственным и судебным ошибкам.³ Калькуляция урона осуществляется на базе такс, введенных постановлением Правительства РФ от 25 мая 1994 г. № 515 «Об утверждении такс для исчисления размера взыскания за ущерб, причиненный незаконным выловом водных биологических ресурсов».⁴ Указанный акт определяет стоимость одной особи в привязке к ее видовой принадлежности. Тем не менее, как обоснованно критикуют исследователи, используемый механизм игнорирует экологическую компоненту вреда: уничтожение молодежи, разрушение ареалов,

¹ Российская Федерация. Законы. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: [федер. закон: принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г.; одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

² Осокин, Р. Б. Особенности квалификации незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов и отграничения данного преступления от жестокого обращения с животными / Р. Б. Осокин. — Текст: непосредственный // Вестник Московского университета МВД России. — 2014. — № 3. — С. 78–82.

³ Токарев, М. Н. Вопросы получения криминалистически значимой информации при расследовании преступлений, связанных с незаконной добычей водных биоресурсов / М. Н. Токарев. — Текст: непосредственный // Государство и право. Экономика. — 2013. — С. 97–103.

⁴ Об утверждении такс для исчисления размера взыскания за ущерб, причиненный незаконным выловом водных биологических ресурсов: постановление Правительства РФ от 25 мая 1994 г. № 515 // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. – 1994. – № 22. – Ст. 2003.

временной период, необходимый для восстановления популяции. Это влечет формальное исчисление ущерба без отражения реального экологического урона.

Обобщение современной судебной практики иллюстрирует применение рассматриваемых норм. Вачским районным судом Нижегородской области 21 февраля 2024 года вынесен обвинительный приговор в отношении двух фигурантов по части 3 статьи 256 УК РФ.¹ Установлено, что 03 ноября 2023 года граждане З. и С., действуя по предварительной договоренности, при отсутствии лицензии на вылов, в акватории пруда использовали запрещенное пунктом «а» статьи 48 Правил рыболовства колющее устройство – острогу. Экспертное заключение подтвердило, что применение остроги в ходе лова способно спровоцировать массовое уничтожение рыб. Правонарушители незаконно добыли 14 щук и 25 окуней, нанеся государству урон в сумме 19 200 рублей. Судья признал виновных по части 3 статьи 256 УК РФ (эксплуатация запрещенных орудий массового истребления в составе группы по предварительному сговору) и определил наказание в виде условного лишения свободы: 2 года 6 месяцев и 2 года соответственно. Приведенный случай демонстрирует, что для привлечения по части 3 статьи 256 УК РФ достаточно фиксации факта использования запрещенных орудий, даже если величина ущерба не дотягивает до крупной (100 000 рублей), а тем более до особо крупной (250 000 рублей) отметки. Данный вывод согласуется с позицией Пленума Верховного Суда РФ, который в постановлении от 23 ноября 2010 г. № 26 разъяснил, что для квалификации по пункту «в» части первой статьи 256 УК РФ не требуется обязательного наступления последствий в виде массовой гибели рыб, достаточно угрозы их наступления или использования самого запрещенного орудия.²

С целью совершенствования законодательного регулирования в этой сфере предлагается: во-первых, скорректировать методику подсчета ущерба на уровне постановления Правительства РФ, добавив экологическую составляющую; во-вторых, инициировать принятие нового постановления Пленума Верховного Суда РФ, которое бы разъяснило критерии разграничения статьи 256 УК РФ и статьи 8.37 КоАП РФ, поскольку действующее постановление № 26 не в полной мере устраняет противоречия в судебной практике; в-третьих, нормативно закрепить особый порядок исчисления урона при незаконной добыче видов водных биоресурсов, включенных в Красную книгу РФ, даже при формально незначительном количестве изъятых особей.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Правоприменительная эффективность статьи 256 УК РФ ограничена двумя системными факторами: отсутствием чётких критериев делимитации смежных составов (ст. 256 УК РФ и ст. 8.37 КоАП РФ) и экологической нерелевантностью

¹ Приговор Вачского районного суда Нижегородской области от 21 февраля 2024 г. по делу № 1–12/2024 в отношении З. и С. // Архив Вачского районного суда Нижегородской области. – 2024.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. № 26 (ред. от 31.05.2022) «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (статьи 253, 256 УК РФ)»

таксового метода исчисления вреда. Эмпирически подтверждено, что квалификация по части 3 статьи 256 УК РФ детерминируется исключительно фактом применения запрещённых орудий массового уничтожения, независимо от формального размера ущерба. Приоритетными направлениями предлагаются: внедрение интегрального метода оценки экологического вреда, пленарная делимитация уголовного и административного браконьерства, а также введение специального режима исчисления ущерба за изъятие краснокнижных видов.

Библиографический список

1. Иванов В. Д., Мухамбетов Ф. Н. Характеристика объективной стороны незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов // Юристъ Правоведъ. – 2014. – № 1 (62). – С. 63–66.

2. Осокин, Р. Б. Особенности квалификации незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов и отграничения данного преступления от жестокого обращения с животными / Р. Б. Осокин. — Текст: непосредственный // Вестник Московского университета МВД России. — 2014. — № 3. — С. 78–82.

3. Токарев М. Н. Вопросы получения криминалистически значимой информации при расследовании преступлений, связанных с незаконной добычей водных биоресурсов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2012. № 4. С. 97–104.

4. Уголовное право России. Особенная часть: учебник для вузов — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 1189 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-18351-1. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/534839> (дата обращения: 27.04.2026).

ИНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВА

УДК 341.9

УСТАНОВЛЕНИЕ И ОСПАРИВАНИЕ ОТЦОВСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ ЛИЦ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

ESTABLISHMENT AND CHALLENGING OF FATHERHOOD IN THE RUSSIAN FEDERATION IN CASES INVOLVING FOREIGN PERSONS: CURRENT PROBLEMS OF COLLISION REGULATION AND LAW ENFORCEMENT

Клюева Екатерина Александровна

студентка Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Халямина Мария Андреевна

студентка Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

научный руководитель: Зайчиков Ярослав Владимирович

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса

Klyueva Ekaterina Alexandrovna

student at the Law Institute. M.M. Speransky Vladimir State University named after. A.G. and N.G. Stoletovs

Khalyamina Maria Andreevna

student at the Law Institute. M.M. Speransky Vladimir State University named after. A.G. and N.G. Stoletovs

scientific supervisor: Zaichikov Yaroslav Vladimirovich

Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Аннотация. Статья посвящена коллизионному регулированию установления и оспаривания отцовства с участием иностранных лиц в Российской Федерации. Анализируются содержание статьи 162 Семейного кодекса РФ, подходы к определению применимого права, особенности оценки

доказательств, в том числе молекулярно-генетической экспертизы, полученных за рубежом, а также процедура признания иностранных судебных решений. Рассматривается соотношение принципа защиты интересов ребёнка и оговорки о публичном порядке в трансграничных семейных спорах.

Ключевые слова: Установление отцовства; международное частное право; иностранные граждане; коллизионные нормы; ДНК-экспертиза.

Abstract. This article examines the conflict of laws regulation of establishing and challenging paternity involving foreign individuals in the Russian Federation. It analyzes the content of Article 162 of the Family Code of the Russian Federation, approaches to determining applicable law, the specifics of evaluating evidence, including molecular genetic testing, obtained abroad, and the procedure for recognizing foreign court decisions. The relationship between the principle of protecting the interests of the child and the public policy clause in cross-border family disputes is also examined.

Keywords: Establishment of paternity; international private law; foreign citizens; conflict of laws; DNA testing.

Глобализация и рост трансграничной мобильности населения превращают семейные отношения с иностранным элементом в повседневную реальность. Установление и оспаривание отцовства в таких условиях затрагивает как частные интересы ребёнка и родителей, так и публичный правопорядок государства, на территории которого рассматривается спор. Центральным звеном регулирования выступают коллизионные нормы, а их применение сталкивается с рядом теоретических и практических трудностей.

Коллизионное регулирование отцовства в российском законодательстве сосредоточено в статье 162 Семейного кодекса РФ¹. Пункт 1 ст. 162 СК РФ закрепляет применение личного закона ребёнка – законодательства государства, гражданином которого ребёнок является по рождению (*lex patriae*). Таким образом, правовой статус ребёнка ставится в центр коллизионного решения, что соответствует принципу наилучшего обеспечения его интересов. Пункт 2 статьи 162 устанавливает, что порядок установления и оспаривания отцовства на территории Российской Федерации определяется российским законодательством. Следовательно, коллизионный выбор материального права и процессуальная форма его реализации разведены: суд применяет иностранное материальное право, но действует по российским процессуальным правилам.

Как отмечается в сравнительно-правовых исследованиях, большинство правопорядков связывает установление происхождения детей с личным законом

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026), ст. 162 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

ребёнка, что способствует стабильности его правового статуса¹. При этом российское законодательство не содержит специальной коллизионной привязки к совместному месту жительства родителей или ребёнка, а тем более – к гражданству предполагаемого отца, как иногда ошибочно указывается. Единственной статутарной привязкой остаётся гражданство ребёнка по рождению. Когда гражданство ребёнка установить невозможно, либо соответствующее законодательство не может быть применено по каким-либо причинам, Пленум Верховного Суда РФ в пункте 14 постановления от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации»² указывает на необходимость применения права страны, с которой отношение наиболее тесно связано. Тем самым компенсируется отсутствие в семейном законодательстве развёрнутой системы субсидиарных привязок и обеспечивается гибкость правоприменения.

Доказывание отцовства в делах с иностранным элементом приобретает особую специфику. Молекулярно-генетическая экспертиза нередко становится решающим доказательством, однако доказательственная сила результатов, полученных в зарубежных лабораториях, оценивается по правилам российского процессуального законодательства. В процессуальной литературе подчёркивается, что при рассмотрении дел об установлении отцовства все доказательства, включая экспертные заключения, должны оцениваться в совокупности³. Суд, руководствуясь принципом свободной оценки доказательств (статья 67 ГПК РФ), проверяет допустимость, относимость и достоверность таких заключений, учитывая наличие нотариально заверенного перевода и соблюдение Гаагской конвенции 1961 года об апостиле. Иностраные экспертные заключения не имеют для российского суда заранее установленной силы, они оцениваются в совокупности с иными доказательствами. Вместе с тем современная наука признаёт ДНК-анализ одним из наиболее достоверных способов разрешения спора о происхождении ребёнка: как отмечается в литературе, результаты молекулярно-генетической экспертизы могут рассматриваться как неопровержимое доказательство, на основании которого устанавливается или опровергается отцовство конкретного лица⁴.

При уклонении стороны от участия в экспертизе суд вправе с учётом обстоятельств дела признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым; данное последствие не является автоматическим. Эта мера направлена на предотвращение злоупотреблений процессуальными правами и служит гарантией защиты интересов ребёнка.

¹ Вударски А., Новиков А.А. Установление происхождения ребенка: сравнительно-правовой аспект – Германия, Польша, Россия [Электронный ресурс] // Правоведение. – 2018. – № 2 (337). – С. 268–307. – URL: <https://pravovedenie.spbu.ru/article/view/4553> (дата обращения: 28.04.2026).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации», п. 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 9.

³ Беспалов Ю. Разбирательство дел об установлении отцовства [Электронный ресурс] // Российская юстиция. – 2000. – № 6. – С. 27–29. – URL: <https://center-bereg.ru/d1494.html> (дата обращения: 28.04.2026).

⁴ Банник К.А. Заключение эксперта как основное средство доказывания при рассмотрении дел об установлении отцовства // Молодой ученый. 2022. № 47 (442). URL: <https://moluch.ru/archive/442/96646/> (дата обращения: 28.04.2026).

Не менее важна и процедура признания в Российской Федерации иностранных судебных решений об установлении или оспаривании отцовства. Здесь необходимо разграничивать несколько правовых институтов. Оценка иностранного документа как письменного доказательства в рамках российского судебного процесса и признание иностранного судебного решения как акта, порождающего материально-правовые последствия на территории РФ, регулируются разными нормами. Признание и исполнение иностранных решений осуществляется по правилам главы 45 ГПК РФ (статьи 409–415), которая регулирует как признание и исполнение иностранных судебных решений, так и признание решений, не требующих принудительного исполнения. Вместе с тем отдельные международные договоры Российской Федерации, например Минская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 года, предусматривают признание решений по семейным делам без специального производства, если они не требуют принудительного исполнения. В таких случаях решение суда договаривающейся стороны о признании отцовства может признаваться автоматически, что существенно упрощает защиту прав ребёнка¹.

Если же специальный договорный режим отсутствует, заинтересованное лицо обязано подать ходатайство о признании в компетентный российский суд. Ключевым основанием для отказа в признании выступает противоречие публичному порядку Российской Федерации (статья 412 ГПК РФ). В семейных спорах публичный порядок прежде всего включает в себя требование обеспечения наилучших интересов ребёнка. Пленум Верховного Суда РФ в упомянутом постановлении № 24 разъясняет, что само по себе отличие иностранного правопорядка от российского не является нарушением публичного порядка. Отказ допустим лишь тогда, когда применение иностранного судебного акта привело бы к результату, явно несовместимому с основами российского правопорядка. Таким образом, интересы ребёнка и стабильность его правового статуса выступают своеобразным фильтром, смягчающим действие оговорки о публичном порядке.

Проведённый анализ показывает, что существующее коллизионное регулирование, опирающееся на закон гражданства ребёнка по рождению, в целом соответствует современным подходам, однако нуждается в развитии. В качестве основных направлений совершенствования можно выделить:

– унификацию коллизионных норм на международном уровне, в том числе путём развития международного сотрудничества по вопросам установления происхождения детей, включая использование инструментов Гаагской конференции по международному частному праву и двусторонних договоров о правовой помощи;

– уточнение процессуальных правил оценки иностранных доказательств и механизмов признания иностранных решений в отсутствие международного договора;

¹ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22 января 1993 г.), ст. 52 // Бюллетень международных договоров. 1995. № 2.

– укрепление гарантий, исключающих необоснованный отказ в признании иностранного судебного акта по мотиву публичного порядка, когда решение отвечает интересам ребёнка.

Таким образом, повышение правовой определённости в трансграничных семейных отношениях возможно только при условии сочетания точных коллизионных предписаний, гибких судебных подходов и последовательной реализации принципа наилучшей защиты прав ребёнка.

Библиографический список

1. Банник К.А. Заключение эксперта как основное средство доказывания при рассмотрении дел об установлении отцовства [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2022. – № 47 (442). – URL: <https://moluch.ru/archive/442/96646/> (дата обращения: 28.04.2026).

2. Беспалов Ю. Разбирательство дел об установлении отцовства [Электронный ресурс] // Российская юстиция. – 2000. – № 6. – С. 27–29. – URL: <https://center-bereg.ru/d1494.html> (дата обращения: 28.04.2026).

3. Вударски А., Новиков А.А. Установление происхождения ребенка: сравнительно-правовой аспект – Германия, Польша, Россия [Электронный ресурс] // Правоведение. – 2018. – № 2 (337). – С. 268–307. – URL: <https://pravovedenie.spbu.ru/article/view/4553> (дата обращения: 28.04.2026).

УДК 347.921.6

**МОЙ ОТВЕТЧИК – СПЛОШНАЯ ТРАТА МОЕГО ВРЕМЕНИ!
ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В ПОЛУЧЕНИИ
ВЫПЛАТЫ ЗА ПОТЕРЮ ФАКТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ**

**MY RESPONDENT IS A COMPLETE WASTE OF MY TIME!
A CIVIL PROCEDURE PROBLEM IN RECEIVING COMPENSATION
FOR LOST ACTUAL TIME**

Козлова Анастасия Олеговна

студент Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

научный руководитель: Беляева Кристина Александровна

доцент кафедры гражданского права и процесса, кандидат юридических наук Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Kozlova Anastasia Olegovna

student at the Law Institute. MM. Speransky Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs

scientific supervisor: Belyaeva Kristina Alexandrovna

associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Candidate of Legal Sciences at Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolay Grigorievich Stoletovs

Аннотация. В представленной ниже статье освещается тема возмещении убытков за потерю фактического времени, проблему которой за долгое время все так и не удалось разрешить. На основе анализа сложившейся ситуации в гражданско-процессуальном законодательстве, автор попытается предположить перспективы развития данной концепции и возможные результаты предполагаемых правовых нововведений.

Ключевые слова: компенсация; убытки; фактическая потеря времени; затягивание судебного процесса; СВО, злоупотребление правом.

Abstract. The article presented below addresses the topic of compensation for the loss of actual time, which one wishes to resolve and close, not to send into a long-term discussion lasting many years. Based on an analysis of the current situation in civil procedural legislation, the author will attempt to suggest the prospects for the development of this concept and the possible outcomes of the proposed legal innovations.

Keywords: compensation; damages; actual loss of time; prolongation of legal proceedings; special military operation; abuse of rights.

В представленной статье анализировалась нормативная база Российской Федерации, научные работы цивилистов, судебная практика, складывающаяся в Российской Федерации по исследуемой теме, а также законопроекты и иные предложения к изменению нормы, указанной в статье. Компенсация за фактически потерянное время является все еще малоприминимой статьей Гражданско-процессуального кодекса, и ее судьба активно обсуждается до сих пор, так что мы считаем наша статья является актуальной, так как в данной работе мы поставили целью выявить проблемы в ее правоприменении и предположить перспективы на ближайшее будущее.

Недавно в Госдуме РФ отменен законопроект о введении в ГПК РФ аналога ст. 111 АПК РФ. Споры завершились выводом: статей 99 и 150 ГПК РФ достаточно¹. Подобные отказы стали традицией, показывая необходимость пересмотра судебной практики, но невозможность изменений ухудшает положение правоприменителей и нуждающихся в выплатах. Из буквального толкования ст. 99 ГПК РФ² выходят следующие тезисы:

— Одноразовое злоупотребление правом все еще остается безнаказанным, несмотря на то, что даже одно такое проявление с стороны может двинуть процесс по неверной или правильной, но более долгой колее, усложняя в целом судебный процесс, так как для квалификации данной статьи необходима систематичность;

— Сама норма применяется, если у стороны злоупотребляющей правом был умысел намеренно затянуть процесс, то есть оно виновно в этом аспекте вопроса – «по неосторожности» или «просто так сложилось» не получится;

— Тяжелее всего здесь приходится суду: именно на него согласно этой норме возлагается и определение наличия данной потери времени, учет обстоятельств и пределов взыскания с стороны, на которую возлагается обязанность выплаты за фактическую потерю времени. Без четко сформулированных рамок и точных формул расчета суд обрекается на скитание среди всех подобных исков в поисках «наиболее верного метода» разрешения данной ситуации.

Анализируя результат буквального толкования, со всеми «подводными камнями» нельзя не понять суд, что не хочет брать на свои плечи лишнее обязательство ко всем тем, что и так на него возложены, хотя в целом данная норма в теории могла бы заискать успех: «Зачем вести длинный и муторный процесс, если виновника затягивания можно привлечь к ответственности?» – но так ли все просто на самом деле? Обратимся к доктрине процессуальной

¹ Законопроект Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации № 1035487-8 от 08.10.2025 – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1035487-8> (Дата обращения: 18.03.2026);

² "Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации" от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (Дата обращения: 18.03.2026);

ответственности. К мерам гражданской процессуальной ответственности Н.В. Витрук относит судебные штрафы, предупреждение, удаление из зала судебного заседания лица, участвующего в деле, или его представителя, а также присутствующих в судебном заседании граждан на все время судебного заседания или его часть, принудительный привод свидетеля при его неявке в судебное заседание без уважительных причин по вторичному вызову¹. Некоторые авторы относятся к мнению, что взыскания за потерю времени тоже относятся к этому же списку. Данное мнение не лишено оснований, так как штраф и компенсация за потерю фактического времени имеют немало сходств. Судебный штраф — это мера процессуальной ответственности имущественного характера, которая применяется судом к участникам процесса в связи с совершением ими процессуальных правонарушений, а компенсация за потерю фактического времени - мера процессуальной ответственности имущественного характера, которая применяется судом к стороне либо иному участнику процесса в связи с недобросовестным заявлением неосновательных исков или споров относительно иска, систематическим противодействием правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела. Из перечисленного следует, что они обе имеют имущественный характер, применяются исключительно властным субъектом — судом, имеют общую цель в виде пресечения злоупотреблений и обеспечение порядка. Почему же при схожести судебные штрафы распространены, а компенсация — нет? Теоретически компенсация возможна, но практически сложна. Во-первых, нужно доказать ущерб и факт потери времени, даже если они очевидны. Во-вторых, доказать саму потерю времени бывает вовсе не легко. Сторона имеет право на компенсацию за потерю времени только в том случае, если она фактически теряет заработную плату, другие доходы или несет иные убытки, которые может подтвердить, от неосновательного иска либо систематического противодействия правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела². А. Д. Делова³ и Л. П. Корнева⁴ освещают это в своих работах по нашей теме. Судам сложно доказывать недобросовестность, так как закон не раскрывает понятия «неосновательный иск» и «систематическое противодействие». Например, так было в деле № 48-Г03-12 («Деле Мельникова») против «Маяка». Судебное разбирательство было доведено до Верховного Суда РФ, однако при проверке обоснованности заявленных требований вопрос о компенсации за потерю фактического времени не получил самостоятельной правовой оценки. Из всех

¹ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М., 2009. 432 с. (Дата обращения: 18.03.2026);

² АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ Судебной коллегии по гражданским делам Вологодского областного суда № 33-3531 /2012 от 29 августа 2012 года — URL: https://oblsud-vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=753785&delo_id=5&new=5&text_number=1&srv_num=1 (Дата обращения: 18.03.2026)

³ Делова А. Д. Проблемы правоприменения ст. 99 ГПК РФ / А. Д. Делова // Молодежь и наука: шаг к успеху: Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. — С. 35-38. Корнева, Л. П. Судебные издержки: взыскание компенсации за потерю времени / Л. П. Корнева // Вестник научных конференций. — 2018. — № 11-4(39). — С. 71-73. (Дата обращения: 18.03.2026)

⁴ Корнева, Л. П. Судебные издержки: взыскание компенсации за потерю времени / Л. П. Корнева // Вестник научных конференций. — 2018. — № 11-4(39). — С. 71-73. (Дата обращения: 18.03.2026)

сумм, заявленных истцом в качестве возмещения, требование о компенсации за потерю времени оказалось единственным, которое не было удовлетворено судами нижестоящих инстанций, и Верховный Суд РФ также не усмотрел оснований для его удовлетворения.¹ Размер компенсации обычно незначителен, поэтому превентивный эффект низок. Размер компенсации устанавливается судом произвольно в пределах, обозначенных абстрактными категориями. М.В. Калинина отмечает: норма не работает более 80 лет, сложна из-за абстрактности и трудностей доказывания².

Констатация существования проблемы представляет собой необходимый этап на пути к её разрешению, однако ключевым остаётся вопрос о способах её преодоления. Последнее предложение в Госдуму – дополнить ГПК ст. 98.1 по аналогии со ст. 111 АПК РФ³. Аналогия не прошла, так как ГПК якобы не нуждается в дополнительных оговорках. Мы предлагаем не дополнять, а пересмотреть норму: либо полностью изменить, либо уточнить. При уточнении нужно определить сумму компенсации.

Как мы выяснили из судебной практики, сторона имеет право на компенсацию за потерю времени только в том случае, если она фактически теряет заработную плату, другие доходы или несет иные убытки. Предлагается возмещать заработную плату, упущенный доход, и убытки исходя из родства с упущенной выгодой, но такой, где суд может усмотреть среднее значение указанных сумм на такой должности/таких доходов/затраченных убытков за указанный истцом период фактической потери времени. Это создаст нагрузку на суд, но обеспечит ясность и новую практику.

Однако облегчение процесса доказывания, что есть основания для взыскания, данный путь не подразумевает, и это, естественно, плохо. Рассматривая концепцию полной замены норм касательно феномена компенсационных выплат за «фактически потерянное время», можно привести множество аргументов «за» и «против». Мы не хотим частичных мер, зная, как долго норма не менялась. Новая норма должна быть «жестче» к нарушителю, так как обсуждаемая компенсация возникает при злоупотреблении правом одной стороны к другой, что колеблет основополагающие принципы гражданского судопроизводства в признании «сопоставительности и равенства сторон», противостоянию задач гражданского судопроизводства в части «своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел», то есть не казус в отдельно взятом деле, а уже системное явление направленное на дезорганизацию осуществления функций, возложенных на судебную ветвь власти.

Исходя из проведённого анализа, можно заключить, что нормы о компенсации за потерю фактического времени требуют кардинального

¹ ОПРЕДЕЛЕНИЕ Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации № 48-Г03-12 от 9 января 2004 г – URL: <https://clc.li/VzYeG> (Дата обращения: 18.03.2026);

² Калинина М.В. Компенсация за фактическую потерю времени: проблемы правоприменения // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. №2. С. 173-176.) (Дата обращения: 18.03.2026);

³ "Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (Дата обращения: 18.03.2026).

пересмотра и ужесточения, однако в условиях внешнеполитической напряжённости данная проблема утрачивает приоритетное значение.

Определение перспектив реформирования института компенсации за потерю фактического времени затруднено. Стагнация в данной сфере обусловлена не столько волей Российской Федерации как суверенного государства, сколько действиями иных субъектов международных отношений. Тем не менее можно утверждать, что до разрешения текущего вооружённого конфликта и нормализации общемировой ситуации любые изменения рассматриваемого правового института невозможны, поскольку внимание законодателя в настоящее время сосредоточено на противодействии распространению пропаганды со стороны иностранных субъектов международных отношений.

Библиографический список

1. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М., 2009. 432 с.

2. Делова А. Д. Проблемы правоприменения ст. 99 ГПК РФ / А. Д. Делова // Молодежь и наука: шаг к успеху: Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. – С. 35-38.

3. Калинина М.В. Компенсация за фактическую потерю времени: проблемы правоприменения // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. №2. С. 173-176.)

4. Корнева, Л. П. Судебные издержки: взыскание компенсации за потерю времени / Л. П. Корнева // Вестник научных конференций. – 2018. – № 11-4(39). – С. 71-73.

УДК 341.9

**КОЛЛИЗИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
ПРИМЕНИМОГО ПРАВА И ЮРИСДИКЦИИ**

**CONFLICT OF LAWS REGULATION OF INTELLECTUAL PROPERTY
ON THE INTERNET: PROBLEMS OF DETERMINING THE APPLICABLE
LAW AND JURISDICTION**

Романенко Виктория Андреевна,

студент Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Техов Никита Сергеевич

студент Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Научный руководитель: Зайчиков Ярослав Владимирович

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса

Romanenko Victoria Andreevna

student at the Law Institute. MM. Speransky Vladimir State University named after. A.G. and N.G. Stoletovs

Tekhov Nikita Sergeevich

student at the Law Institute. MM. Speransky Vladimir State University named after. A.G. and N.G. Stoletovs

Scientific supervisor: Zaychikov Yaroslav Vladimirovich

Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure

Аннотация. Статья посвящена проблемам коллизионного регулирования интеллектуальной собственности в сети Интернет, возникающим из-за противоречия между территориальным принципом охраны и трансграничным характером цифрового пространства. Анализируются основные коллизионные привязки (*lex loci protectionis*, *lex originis*) и выявляются недостатки российского законодательства, в частности отсутствие специальных норм для внедоговорных отношений. На основе судебной практики, включая Обзор Верховного Суда РФ 2021 г., обосновывается необходимость применения гибких критериев («наиболее тесная связь», «направленность сайта»). Делается вывод о целесообразности гармонизации коллизионных правил на международном уровне.

Ключевые слова: коллизионное регулирование, интеллектуальная собственность, сеть Интернет, применимое право, юрисдикция, трансграничное нарушение, авторское право, товарный знак, *lex loci protectionis*, направленность сайта.

Abstract. The article addresses the problems of conflict of laws regulation of intellectual property on the Internet arising from the contradiction between the territorial principle of protection and the cross-border nature of the digital space. The main conflict of laws connecting factors (*lex loci protectionis*, *lex originis*) are analyzed, and the shortcomings of Russian legislation, in particular the absence of special rules for non-contractual relations, are identified. Based on judicial practice, including the 2021 Review of the Supreme Court of the Russian Federation, the necessity of applying flexible criteria (“closest connection”, “website targeting”) is substantiated. The conclusion is made about the expediency of harmonizing conflict rules at the international level.

Keywords: conflict of laws regulation, intellectual property, Internet, applicable law, jurisdiction, cross-border infringement, copyright, trademark, *lex loci protectionis*, website targeting.

Трансграничный характер сети Интернет вступает в противоречие с территориальным принципом охраны объектов интеллектуальной собственности (далее – ИС), закреплённым в национальных законодательствах и международных договорах. В результате правонарушения, совершённые с использованием Интернета (незаконное размещение произведений, использование товарных знаков без разрешения, нарушение патентных прав), могут одновременно затронуть правовые порядки нескольких государств. В связи с этим возникает фундаментальная проблема международного частного права (далее – МЧП): необходимо определить, право какого государства подлежит применению к трансграничным деликтам в сфере ИС, а также установить международную подсудность таких споров. Настоящая статья посвящена анализу коллизионных привязок, используемых для регулирования отношений, связанных с нарушением исключительных прав в Интернете, и выявлению основных сложностей, обусловленных «киберпространством» как средой, лишённой единой территориальной привязки.

В МЧП традиционно применяются две основные коллизионные привязки: *lex loci protectionis* (закон места охраны) и *lex originis* (закон страны происхождения). Для трансграничных нарушений авторских прав базовой привязкой является *lex loci protectionis* – право страны, в которой испрашивается защита. *Lex originis* может иметь значение для отдельных вопросов происхождения произведения, но не должна подаваться как равнозначная основная привязка для интернет-деликтов. Для авторского права Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (в ред. Парижского акта 1971 г.) устанавливает принцип

национального режима: охрана предоставляется в соответствии с законодательством страны, где испрашивается защита¹. Как отмечает Е.Б. Леанович, «в интернет-среде принцип территориальности сталкивается с объективной невозможностью локализовать акт использования произведения в пределах одной юрисдикции, что порождает множественность применимых правопорядков»².

При нарушении авторских прав в Интернете, когда произведение становится доступным неопределённому кругу лиц на территории нескольких государств, суды всё чаще применяют *lex loci protectionis* применительно к каждой стране, где произошло нарушение. Это означает, что истец может требовать защиты отдельно по законам каждого государства, на территории которого его права были нарушены.

Что касается товарных знаков и патентов, действует строгий территориальный принцип: исключительное право действует только на территории регистрации. В случае онлайн-нарушения (например, размещение контрафактного товарного знака на сайте) применимым признаётся право страны, где зарегистрирован товарный знак и где было установлено нарушение. Для доменных имен коллизионное регулирование часто определяется правилами регистратора (например, Единая политика разрешения споров о доменных именах ICANN, 1999 г.)³, которая предусматривает рассмотрение споров в административном порядке без применения национального права, что является примером саморегулирования.

Классические коллизионные привязки (место совершения действия, место нахождения результата) не позволяют однозначно определить право, подлежащее применению к трансграничным нарушениям в Интернете. Как обоснованно указывает В.Н. Лисица, «интеллектуальный статут, будучи по своей природе территориальным, применительно к интернет-отношениям требует отказа от жестких привязок в пользу критерия наиболее тесной связи, что, однако, создаёт риск правовой неопределённости»⁴.

«Российское законодательство не содержит развёрнутой специальной коллизионной нормы для внедоговорных нарушений исключительных прав в сети Интернет; поэтому суды используют общие нормы о договорных и внедоговорных обязательствах, а также территориальный принцип охраны исключительных прав. Часто ошибочно ссылаются на ст. 1211 и 1213 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). Однако эти нормы регулируют исключительно договорные обязательства: ст. 1211 определяет право, применимое к договору при отсутствии соглашения сторон, а ст. 1213 – к

¹ Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (Парижский акт от 24 июля 1971 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 48. – Ст. 4583. – Ст. 5(1)

² Леанович, Е. Б. Права интеллектуальной собственности в интернете: экстерриториальное признание или новые коллизионные правила? // Журнал Белорусского государственного университета. Международные отношения. 2017. № 1. С. 78–84.

³ Единая политика разрешения споров о доменных именах (UDRP), утверждена ICANN 24.10.1999 // URL: <https://www.icann.org/resources/pages/policy-2012-02-25-ru> (дата обращения: 03.05.2026).

⁴ Лисица В.Н. Интеллектуальный статут в международном частном праве // Государство и право. - 2023. - № 7.С. 139-146.

договорам в отношении недвижимости. К договорам о распоряжении исключительными правами (лицензионные договоры, договоры отчуждения) применяются общие положения ст. 1211 ГК РФ. Для деликтных (внедоговорных) отношений, возникающих из нарушения исключительных прав, в ст. 1219 ГК РФ установлено, что «к обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда, применяется право страны, где имело место действие или иное обстоятельство, послужившее основанием для требования о возмещении вреда»¹. При этом российские суды, как отмечено в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ от 21 апреля 2021 г., активно используют критерий «направленности сайта» на российскую аудиторию: если интернет-ресурс ориентирован на территорию РФ, то применяется российское материальное право².

Определение международной подсудности споров о нарушении ИС в Интернете является самостоятельной сложностью. В соответствии с Регламентом ЕС № 1215/2012 (Брюссель I bis) и Гаагскими конвенциями, общим правилом является подсудность по месту жительства ответчика. Однако при онлайн-нарушениях истцы нередко пытаются установить юрисдикцию суда по месту наступления вреда, что приводит к параллельным процессам в разных государствах. И.В. Шугурова, говоря о трансграничных нарушениях прав на результаты интеллектуальной деятельности, отмечает: «особого внимания заслуживают вопросы, связанные с установлением международной подсудности и права, подлежащего применению»³.

Даже при наличии компетентного судебного решения возникают трудности с его признанием и принудительным исполнением в иностранном государстве, особенно если ответчик не имеет активов на территории суда. Поэтому всё большее значение приобретают альтернативные способы разрешения споров, например, арбитраж (в том числе онлайн-арбитраж), а также процедура UDRP для доменных имен. Процедура UDRP позволяет оперативно разрешать часть доменных споров в административном порядке, однако не исключает последующее или параллельное обращение в национальный суд.

Для преодоления отмеченных проблем предлагается три основных подхода. Первый – расширение автономии воли сторон (стороны могут в лицензионном соглашении прямо выбрать применимое право и компетентный суд). Второй – унификация коллизионных норм на международном уровне. Примером служат Гаагские конвенции, однако специального договора по ИС в Интернете пока не принято. ВОИС разрабатывает «мягкое право» (рекомендации), но они носят факультативный характер. Третий подход – использование критерия «наиболее тесной связи», закреплённого в ст. 4

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552. – Ст. 1219(1).

² Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 21.04.2021 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2021. – № 8. – П. 12

³ Шугурова И. Нарушение исключительных прав в Интернете: вопросы коллизионного регулирования // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 5. – С. 46.

Регламента ЕС «Рим II» (2007 г.)¹ для внедоговорных обязательств, что позволяет суду учитывать совокупность факторов: место жительства сторон, место осуществления хозяйственной деятельности, направленность интернет-сайта.

Коллизионное регулирование интеллектуальной собственности в сети Интернет находится в стадии развития. Отсутствие единообразных подходов к определению применимого права и юрисдикции создаёт правовую неопределённость для участников оборота. Наиболее перспективным представляется движение от жестких территориальных привязок к гибким критериям, учитывающим реальную связь правонарушения с конкретным правопорядком, а также развитие альтернативных механизмов разрешения споров (ODR). Российская судебная практика, основанная на критерии «направленности сайта», вносит определённость, однако требуется законодательное закрепление специальных коллизионных норм для интернет-отношений.

Библиографический список

1. Леанович, Е. Б. Права интеллектуальной собственности в интернете: экстерриториальное признание или новые коллизионные правила? // Журнал Белорусского государственного университета. Международные отношения. 2017. № 1. С. 78–84.

2. Лисица В.Н. Интеллектуальный статут в международном частном праве // Государство и право. - 2023. - № 7.С. 139-146.

3. Шугурова И. Нарушение исключительных прав в Интернете: вопросы коллизионного регулирования // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 5. – С. 45-52.

¹ Регламент (ЕС) № 864/2007 Европейского парламента и Совета от 11 июля 2007 г. о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам («Рим II») // Официальный журнал Европейского Союза. – 2007. – L 199. – Ст. 4(1)

УДК 341.9

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА, ОСЛОЖНЁННОГО ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

THE MAIN ISSUES OF MARRIAGE COMPLICATED BY A FOREIGN ELEMENT

Степанова Виктория Антоновна

Студент Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.

Кудренко Ксения Анатольевна

Студент Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.

Научный руководитель: Зайчиков Ярослав Владимирович

Старший преподаватель кафедры «Гражданское право и процесс» юридического института имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Stepanova Victoria Antonovna

student of the A.G. and N.G. Stoletovs Vladimir State University, Vladimir.

Kudrenko Ksenia Anatolievna

student of the A.G. and N.G. Stoletovs Vladimir State University, Vladimir.

Scientific adviser: Zaitchikov Yaroslav Vladimirovich

Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure of the Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletovs.

Аннотация: В статье анализируются вопросы заключения брака, осложнённого иностранным элементом. Как известно, эта тема имеет множество особенностей. Рассматриваются возможные сложности вступления в брачный союз, вызванные правовыми, культурными, религиозными и иными отличиями государств.

Abstract: The article analyzes the issues of marriage complicated by a foreign element. As is well known, this topic has many peculiarities. The article discusses the possible difficulties of entering into a marriage union caused by legal, cultural, religious, and other differences between states.

Ключевые слова: международное частное право, брак, заключение брака, брачно-семейные отношения, коллизионное регулирование.

Keywords: international private law, marriage, marriage registration, family relations, conflict of laws.

Заключение брака, осложнённого иностранным элементом, является одной из наиболее сложных и практически значимых тем в международном частном праве. Ежегодно число транснациональных браков растёт, что обусловлено миграционными процессами, развитием международного туризма и трудовой мобильности. Однако правовое регулирование таких браков сталкивается с фундаментальными различиями в семейном законодательстве разных государств, касающимися брачного возраста, формы брака, допустимых степеней родства, полигамным союзам и пр. Цель настоящей статьи – выявить основные коллизионные проблемы, возникающие при заключении брака с участием иностранных граждан и лиц без гражданства, проанализировать российские и белорусские подходы к их решению, а также предложить пути минимизации риска «хромающих браков». В отличие от многих работ, фокусирующихся исключительно на анализе норм Семейного кодекса РФ, мы предпринимаем попытку сопоставить правоприменительную практику России и Республики Беларусь как ближайшего партнёра по Союзному государству.

В российском праве основным источником регулирования браков с иностранным элементом является раздел VII Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ)¹. Как справедливо отмечает Н.И. Марышева, «коллизионные нормы о заключении брака строятся на принципе раздельного применения личного закона каждого из супругов»². Это означает, что материальные условия брака (возраст, согласие, отсутствие препятствий) определяются для гражданина РФ российским правом, а для иностранца — законом страны его гражданства. Если иностранец имеет двойное гражданство, причём одно из них — российское, применяется только российское право (п. 2 ст. 156 СК РФ). При наличии двух иностранных гражданств лицо вправе выбрать, право какого государства будет определять его брачную дееспособность. Лица без гражданства (апатриды) подчиняются закону страны их постоянного места жительства.

Важным ограничением является оговорка о публичном порядке. Даже если по национальному закону иностранца препятствий к браку нет, российский орган ЗАГС откажет в регистрации при нарушении императивных запретов ст. 14 СК РФ (наличие другого зарегистрированного брака, близкое родство, отношения усыновления, недееспособность). Россия — страна моногамии, поэтому полигамные браки на её территории регистрироваться не могут. При этом, как подчёркивает И.В. Гетьман-Павлова, «публичный порядок в семейном праве РФ включает также конституционное определение брака как добровольного союза мужчины и женщины»³.

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

² Марышева Н.И. Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России. М.: Волтерс Клувер, 2017. С. 87.

³ Гетьман-Павлова И.В., Касаткина А.С. Проблемы коллизионного регулирования брачно-семейных отношений в международном частном праве России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 98.

Иностранец, желающий вступить в брак в России, обязан представить легализованный (или апостилированный) документ компетентного органа своего государства, подтверждающий отсутствие препятствий к браку по национальному праву. При регистрации брака с иностранным гражданином заявитель должен представить документы, подтверждающие отсутствие препятствий к браку по его личному закону. При невозможности установить содержание иностранного права орган ЗАГС исходит из представленных легализованных документов и требований российского законодательства.

В международной практике широко распространено явление «хромого брака» (*mariage boiteux, limping marriage*), когда брачный союз признаётся действительным в одном государстве и не признаётся — в другом. А.С. Касаткина и И.В. Гетьман-Павлова отмечают: «"Хромой" страдают прежде всего браки, заключённые с нарушением формы (религиозные вместо гражданских), браки несовершеннолетних...»¹. Такая ситуация порождает правовую неопределённость: лицо может считаться состоящим в браке в одной стране и холостым — в другой, что ведёт к риску двоежёнства, проблемам с наследованием, алиментами и режимом совместной собственности.

Россия признаёт браки, заключённые за границей, если соблюдена процедура страны места заключения (ст. 158 СК РФ). Однако признание отказывается, если брак противоречит ст. 14 СК РФ или публичному порядку. Отказ в признании отдельных браков, заключённых за рубежом, обусловлен действием императивных запретов российского семейного законодательства и оговорки о публичном порядке. Международные усилия по унификации коллизионных норм (например, Гагская конвенция о заключении брака и признании его действительности 1978 года; прим.:Россия не участвует в данной Конвенции, поэтому её значение для статьи ограничивается сравнительно-правовым аспектом) не получили широкой поддержки, поэтому основным средством борьбы с «хромой» остаются двусторонние договоры о правовой помощи и взаимное признание актов гражданского состояния.

Ст. 157 СК РФ предусматривает возможность заключения брака в дипломатических представительствах и консульских учреждениях. Если оба вступающих в брак являются гражданами государства, направившего консула, брак регистрируется в консульстве по законам этого государства. В консульстве РФ на территории иностранного государства такой брак считается заключённым в России и не требует дополнительной легализации на территории РФ. Однако для использования иностранного консульского брака в России может потребоваться легализация и нотариально заверенный перевод.

Для того чтобы иностранный брачный документ имел юридическую силу в РФ, он должен пройти:

- апостилирование (если страна — участница Гагской конвенции 1961 года);
- консульскую легализацию (если страна не участвует в конвенции);

¹ Там же. С. 102–103.

• либо признаваться без легализации в рамках двусторонних договоров (например, с государствами — участниками Минской конвенции СНГ 1993 года).

Как указывает Л.Б. Забелова, «апостиль удостоверяет только подлинность подписи и печати, но не содержание документа, поэтому органы ЗАГС вправе проверить, не противоречит ли зарегистрированный за границей брак российскому публичному порядку»¹.

Близость правовых систем России и Беларуси (общее советское наследие, участие в Союзном государстве и СНГ) не исключает наличия различий в регулировании браков с иностранным элементом. Согласно ст. 16 Кодекса о браке и семье Республики Беларусь (КоБС РБ), брак заключается не ранее трёх дней и не позднее трёх месяцев после подачи заявления (в России этот срок — один месяц). Брачный возраст — 18 лет, но может быть снижен не более чем на три года (в России брачный возраст может быть снижен до 16 лет при наличии уважительных причин; снижение ниже 16 лет допускается только в случаях и порядке, предусмотренных законами субъектов РФ). Беларусь более строго подходит к подтверждению «брачной дееспособности» граждан РФ: требуется извещение об отсутствии записи акта о заключении брака из российского ЕГР ЗАГС, тогда как в России требования к аналогичным справкам от иностранцев могут варьироваться в зависимости от региона.

В.Г. Тихиня и Н.И. Рудович обращают внимание: «Белорусское законодательство более категорично в проведении принципа светского брака»². Это выражается, в частности, в том, что белорусские суды при решении семейных споров жёстче проверяют, был ли иностранный брак зарегистрирован в государственных органах, а не только по религиозному обряду.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, коллизийное регулирование условий брака в России основано на разумном сочетании принципа личного закона каждого супруга и защиты национального публичного порядка. Однако практическая реализация этого подхода сталкивается с проблемой доказывания содержания иностранного права. В целях унификации следовало бы шире использовать двусторонние соглашения об обмене информацией о семейном законодательстве, как это успешно работает в рамках СНГ.

Во-вторых, проблема «хромяющих браков» в обозримом будущем не будет преодолена из-за глубоких ценностных расхождений. Вместо универсальной конвенции более реалистичным путём являются двусторонние договоры между государствами со сходными правовыми системами. Россия и Беларусь в этом отношении демонстрируют высокий уровень взаимного признания, хотя отдельные процедурные различия сохраняются.

В-третьих, для повышения правовой определённости целесообразно дополнить ст. 158 СК РФ указанием на обязательное признание браков,

¹ Забелова Л.Б. Международное частное право. Учебный курс. М.: МИЭМП, 2014. С. 67.

² Тихиня В.Г., Рудович Н.И. Международное частное право: учебник. Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2014. С. 211.

заклучённых за границей с соблюдением формы местного закона, если супруги впоследствии приобрели постоянное место жительства в России и их брак не нарушает явно выраженные запреты ст. 14 СК РФ. Это снизит риски для добросовестных супругов, вступивших в брак в стране, где требования к форме отличаются от российских (например, признание религиозного брака в Греции или Испании).

Наконец, при заключении брака с участием иностранцев необходимо заблаговременно удостовериться в легализации документов и их переводе. Ошибки в написании имени, фамилии, даты рождения или гражданства в иностранных документах могут повлечь отказ в совершении регистрационного действия либо необходимость дополнительного подтверждения личности.

Библиографический список

1. Гетьман-Павлова И.В., Касаткина А.С. Проблемы коллизионного регулирования брачно-семейных отношений в международном частном праве России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 92–110.

2. Забелова Л.Б. Международное частное право. Учебный курс. М.: МИЭМП, 2014. 138 с.

3. Марышева Н.И. Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России. М.: Волтерс Клувер, 2017. 328 с.

4. Тихиня В.Г., Рудович Н.И. Международное частное право: учебник. Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2014. 367 с.

УДК 341.9

ОСОБЕННОСТИ СТРАХОВАНИЯ МОРСКИХ ПЕРЕВОЗОК В УСЛОВИЯХ ОДНОСТОРОННИХ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР

FEATURES OF INSURANCE OF SEA TRANSPORTATION IN CONDITIONS OF UNILATERAL RESTRICTIVE MEASURES

Улискова Арина Игоревна

студент Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Научный руководитель: Зайчиков Ярослав Владимирович
Старший преподаватель кафедры «Гражданское право и процесс» юридического института имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Uliskova Arina Igorevna

student of the M.M. Speransky Law Institute of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov

Scientific adviser: Zaitchikov Yaroslav Vladimirovich

Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure of the Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletovs.

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации института страхования морских перевозок под влиянием односторонних ограничительных мер (санкций). Исследуются новые категории рисков, связанные с санкционным комплаенсом, феномен «теневого флота», а также изменение роли страховщиков как агентов санкционного контроля. Отдельное внимание уделено правовым коллизиям, возникающим при применении стандартных санкционных оговорок, и формированию региональных страховых альтернатив. На основе анализа практики 2024–2026 гг. делается вывод о фрагментации глобального рынка морского страхования и возникновении дуалистической системы страхового покрытия.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the transformation of the maritime insurance institute under the influence of unilateral restrictive measures (sanctions). New categories of risks associated with the sanctions regime are being investigated

Special attention is paid to legal conflicts arising from the application of standard sanctions clauses and the formation of regional insurance alternatives.. Based on the analysis of the practice of 2024-2026, a conclusion is drawn about the fragmentation of the global marine insurance market and the emergence of a dualistic insurance coverage system.

Ключевые слова: морское страхование, санкции, односторонние ограничительные меры, теневой флот, санкционные оговорки, ценовой потолок, страхование ответственности, региональные страховщики.

Keywords: marine insurance, sanctions, unilateral restrictive measures, shadow fleet, sanctions clauses, price ceiling, liability insurance, regional insurers.

Морское страхование традиционно рассматривается как специальный институт страхового и морского права, обеспечивающий распределение рисков, возникающих при торговом мореплавании и перевозке грузов, основанный на вековых правилах йорк-антверпенской системы и стандартах Ллойда. Однако с 2022 года глобальный страховой ландшафт претерпел кардинальные изменения. Односторонние ограничительные меры, введённые США, Европейским союзом, Великобританией и рядом других государств, превратили страхование из инструмента управления рисками в инструмент геополитического давления. Страховщики оказались перед дилеммой: соблюдать санкционные режимы, отказывая в покрытии значительной части перевозок, или искать обходные пути, подвергая себя риску вторичных санкций.¹ Данная статья направлена на выявление и систематизацию особенностей страхования морских перевозок в этих новых, дестабилизированных условиях.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, объём морских перевозок, затронутых санкционными ограничениями, исчисляется миллионами тонн нефти, нефтепродуктов, сжиженного газа, а также удобрений и зерна. Во-вторых, отсутствие унифицированных правовых подходов — каждая юрисдикция применяет собственные санкционные механизмы, что создаёт зону правовой неопределённости для перевозчиков, грузовладельцев и страховщиков. В-третьих, формирование так называемого «теневого флота» и альтернативных страховых пулов ставит под угрозу безопасность мореплавания и экологическую безопасность, поскольку такие суда нередко не имеют полноценного страхового покрытия на случай разливов

¹ Белоусова Т.А., Фисенко А. Проблемы и перспективы страхования рисков транспортировки по Северному морскому пути // Креативная экономика. — 2025. - Т. 19, № 3. - Ст. 695–716.

нефти или столкновений. Наконец, происходящая трансформация рынка имеет долгосрочный характер, и её анализ необходим для выработки практических рекомендаций для участников внешнеэкономической деятельности.

Нормативное закрепление страхования морских перевозок в условиях односторонних ограничительных мер составляют: Международные акты - Брюссельская конвенция 1924 г. (коносаменты); Афинская конвенция 1974 г. (перевозка пассажиров). Нормативную основу на уровне национального законодательства РФ морского страхования составляют положения гл. 48 ГК РФ о страховании, специальные нормы Кодекса торгового мореплавания РФ о договоре морского страхования, а также международные акты и стандартные договорные условия, применяемые в морской торговле и страховой практике

Классические договоры морского страхования (каско грузов и корпуса, P&I страхование ответственности) традиционно исключали военные и политические риски либо покрывали их по отдельным полисам. Однако современные санкции – это не военный конфликт и не традиционное эмбарго. Они представляют собой динамичную систему запретов и ограничений, которая может сделать исполнение страхового обязательства невозможным или противоправным уже после наступления страхового случая.

Ключевой особенностью стало внедрение в договоры санкционных оговорок (sanctions clauses). Наиболее распространена оговорка LMA3100 (Lloyd's Market Association), согласно которой страховщик освобождается от выплаты, если предоставление покрытия нарушает санкционные законы любой применимой юрисдикции. На практике это означает, что даже при законном, на первый взгляд, рейсе, но с участием судна, которое позже попало в SDN-лист (Specially Designated Nationals) OFAC, страховщик может отказать в выплате, ссылаясь на момент исполнения обязательства. Такая неопределённость подрывает базовый принцип страхования — предсказуемость.

Особый случай – механизм ценового потолка на российскую нефть. Первоначально он допускал страхование перевозок при условии продажи нефти по цене не выше установленного предела (сначала \$60/барр., с конца 2025 года — \$47,6/барр.). В 2025–2026 гг. обсуждалась возможность замены механизма ценового потолка более жёстким запретом на морские услуги, связанные с перевозкой российской нефти. Это создало «ретроспективный» эффект: страховщики, ранее выдававшие покрытие по ценам в рамках потолка, теперь вынуждены пересматривать свои обязательства, поскольку цепочка поставок может быть признана нарушающей обновлённый режим. Для страховых брокеров и андеррайтеров это означает необходимость постоянного

мониторинга санкционного законодательства и включения в полисы условий об автоматическом прекращении покрытия при изменении санкционного режима.

Особенностью альтернативного страхования является его ограниченная надёжность. Во-первых, такие страховщики не имеют договоров перестрахования с западными перестраховщиками (или скрывают это). Во-вторых, их финансовая устойчивость не проверена долгосрочной практикой. В-третьих, порты многих государств (например, Турции) требуют подтверждения страхового покрытия от IG-клубов, что вынуждает владельцев теневого флота прибегать к подделке сертификатов или использовать сложные цепочки «серых» брокеров.

На данный момент существует лишь ограниченная судебная практика по спорам, связанным с санкционными оговорками в морском страховании. Однако уже можно выделить несколько подходов. Английские суды (как юрисдикция, наиболее часто применяемая в морских страховых спорах) следуют буквальному толкованию оговорки LMA3100: страховщик не обязан платить, если выплата нарушает любой применимый санкционный закон. При этом не требуется, чтобы страхователь знал о нарушении. Иной подход возможен в арбитражах, где стороны избрали нейтральное право (например, шведское или швейцарское), однако и там суды учитывают публичный порядок страны, где должно исполняться решение. В российских судах, напротив, санкционные оговорки могут признаваться ничтожными как противоречащие публичному порядку РФ (ст. 1193 ГК РФ), но это не решает проблему исполнения решений за рубежом.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Страхование морских перевозок в условиях односторонних ограничительных мер приобрело следующие системные особенности:

- включение санкционного комплаенса в число основных андеррайтинговых факторов;

- превращение стандартных санкционных оговорок в инструмент, позволяющий страховщику легально отказать в выплате по политическим мотивам;

- фрагментацию глобального рынка на «санкционированное» страхование (через IG и западных страховщиков) и «альтернативное» (региональное) страхование с пониженной надёжностью;

- возникновение правовой неопределённости при коллизии санкционных режимов разных юрисдикций.

Перспективы развития связаны либо с закреплением дуалистической системы (два параллельных страховых рынка), либо с постепенным вытеснением альтернативного страхования через механизмы вторичных санкций и портового

контроля. В любом случае, для участников морских перевозок становится обязательным требование включать в контракты детальные оговорки о распределении санкционных рисков и страховании таких рисков отдельными полисами (санкционное страхование, которое пока находится в зачаточном состоянии).

Библиографический список

1. Белоусова Т.А., Фисенко А. Проблемы и перспективы страхования рисков транспортировки по Северному морскому пути // Креативная экономика. — 2025. - Т. 19, № 3. - Ст. 695–716.

Научное электронное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТРАСЛЕВОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Сборник материалов всероссийских научно-практических конференций

29 апреля, 06 мая 2026 г.
Владимир

Издается в авторской редакции

*За содержание, точность приведенных фактов и цитирование
несут ответственность авторы публикаций*

Системные требования: Intel от 1,3 ГГц; Windows XP/7/8/10;
Adobe Reader; дисковод CD-ROM.

Тираж 9 экз.

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600000, Владимир, ул. Горького, 87.